

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка»)

Выходит три раза в год

2

2026

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: prigodichNG@bsu.by

Заместители главного редактора ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я. – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: grab@bsu.by

РОВДО И. С. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rovdais@bsu.by

Ответственный секретарь ЕФИМОВА Н. В. – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Аллинёль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Буняк П. Белградский университет, Белград, Сербия.
Бутырчик А. М. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Важник С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Академия образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гутовская М. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Копылов И. Л. Институт языкознания им. Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Кузнецов С. А. Центр экспертиз Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
Лебединский С. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск, Беларусь.
Рахилина Е. В. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Саверченко И. В. Институт литературоведения им. Янки Купалы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Савевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Синькова Л. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хмельницкий Н. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Чеховский Г. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шешкен А. Г. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: prigodichNG@bsu.by
Намеснікі галоўнага рэдактара	ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: grab@bsu.by РОЎДА І. С. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: rovdos@bsu.by
Адказны сакратар	ЯФІМАВА Н. В. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: natallia.janienka@gmail.com
<i>Алініэль К.</i>	Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
<i>Буняк П.</i>	Бялградскі ўніверсітэт, Бялград, Сербія.
<i>Бутырчык Г. М.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Важнік С. А.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Валодзіна Т. В.</i>	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
<i>Валочка Г. М.</i>	Акадэмія адукацыі, Мінск, Беларусь.
<i>Валынец Т. М.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Ваявода А. У.</i>	Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
<i>Гутоўская М. С.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Дубінка С. А.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Золтан А.</i>	Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
<i>Капылоў І. Л.</i>	Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
<i>Колер Г.-Б.</i>	Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
<i>Крчмер А.</i>	Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
<i>Кузняцоў С. А.</i>	Цэнтр экспертыз Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта, Санкт-Пецярбург, Расія.
<i>Лебядзінскі С. І.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Мячкоўская Н. Б.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Паплаўская Т. В.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт замежных моў, Мінск, Беларусь.
<i>Рахіліна К. У.</i>	Нацыянальны даследчы ўніверсітэт «Вышэйшая школа эканомікі», Масква, Расія.
<i>Саверчанка І. В.</i>	Інстытут літаратуразнаўства імя Янкі Купалы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
<i>Саевіч М.</i>	Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
<i>Сінькова Л. Д.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Старычонок В. Д.</i>	Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
<i>Хаўстовіч М. В.</i>	Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
<i>Хмяльніцкі М. М.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Цзян Цюнь</i>	Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
<i>Чахоўскі Г. К.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Шэшкен А. Г.</i>	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	PRYHODZICH M. R. , doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: prigodichNG@bsu.by
Deputy editors-in-chief	GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y. , doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: grab@bsu.by
	ROVDO I. S. , doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: rovdos@bsu.by
Executive secretary	JAFIMAVA N. V. , PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: natallia.janienka@gmail.com
<i>Allignol C.</i>	Stendhal University Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Bunjak P.</i>	University of Belgrade, Belgrade, Serbia.
<i>Butyrchik G. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Chahouski G. K.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gutovskaya M. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Khmialnitski M. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Kopylov I. L.</i>	Institute of Linguistics named after Yakub Kolas of the Centre for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Kuznetsov S. A.</i>	Centre of Expertise of the Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
<i>Lebedinskiy S. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk, Belarus.
<i>Rakhilina E. V.</i>	National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Saverchanka I. V.</i>	Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala of the Centre for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Sheshken A. G.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Sin'kova L. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Valochka H. M.</i>	Academy of Education, Minsk, Belarus.
<i>Valodzina T. V.</i>	Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva of the Centre for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Vazhnik S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

УДК 821.162.1(476)-193.2.09 Симеон Полоцкий

«ПЕРЕМЕНЧИВОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ ВРЕМЕНИ» («CZASU ODMIANA I RÓŻNOŚĆ») СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО: ПАРАФРАЗА ИЛИ ЦИКЛ ОРИГИНАЛЬНЫХ ЭПИГРАММ?

В. И. ЧЕРОТА¹⁾

¹⁾Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется источник поэтического произведения «Переменчивость и многообразие времени» («Czasu odmiana i różność»), созданного Симеоном Полоцким на польском языке в белорусский период творчества. Установлено, что состоящий из 48 строк текст не является парафразой эмблематического цикла из сборника элегий «Ротулы к своим сыновьям» («Rotuły do synów swych») М. Кохановского, а представляет собой цикл из девяти оригинальных эпиграмм, которые белорусский стихотворец XVII в. написал к девяти гравюрам серии «XV. Изображение течения времени, а также сменяющих друг друга состояний, добродетелей и пороков» («XV. Temporis vices, ac variorum per ipsum statuum, virtutum, vitiorumque repraesentatio»), опубликованных в сборнике «Зерцало различных умозрительных образов» («Speculum diversarum imaginum speculativarum») (Антверпен, 1638).

Ключевые слова: литература Беларуси; польскоязычная поэзия; эпиграмма; гравюра.

Образец цитирования:

Черота В.И. «Переменчивость и многообразие времени» («Czasu odmiana i różność») Симеона Полоцкого: парафраза или цикл оригинальных эпиграмм? *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2026;2:5–14. EDN: GPPZRX

For citation:

Charota V.I. «The passage of time and the difference» («Czasu odmiana i różność») by Simeon Polockij: paraphrase or series of original epigrams? *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2026;2:5–14. Russian. EDN: GPPZRX

Автор:

Владимир Иванович Черота – кандидат филологических наук, доцент; старший научный сотрудник отдела белорусской литературы XX и XXI вв. Института литературоведения имени Янки Купалы.

Author:

Uladzimir I. Charota, PhD (philology), docent; senior researcher at the department of Belarusian literature of the 20th and 21st centuries, Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala.
vladimir.charota@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2821-9368>

**«ПЕРАМЕНЛІВАСЦЬ І ШМАТСТАЙНАСЦЬ ЧАСУ»
(«CZASU ODMIANA I RÓŻNOŚĆ») СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА:
ПАРАФРАЗА ЦІ ЦЫКЛ АРЫГІНАЛЬНЫХ ЭПІГРАМ?**

У. І. ЧАРОТА^{1*}

^{1*}Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Даследуецца крыніца паэтычнага твора «Пераменлівасць і шматстайнасць часу» («Czasu odmiana i różność»), напісанага Сімяонам Полацкім на польскай мове ў беларускі перыяд творчасці. Устаноўлена, што тэкст, які складаецца з 48 радкоў, не з’яўляецца парафразаў эмблематычнага цыкла са зборніка элегій «Ротулы да сваіх сыноў» («Rotuły do synów swych») М. Каханоўскага, а ўяўляе сабой цыкл з дзевяці арыгінальных эпіграм, якія беларускі вершатворац XVII ст. напісаў да дзевяці гравюр серыі «XV. Выява плыні часу, а таксама станаў, цнотаў і заган, якія змяняюць адзін аднаго» («XV. Temporis vices, ac variorum per ipsum statuum, virtutum, vitiorumque repraesentatio»), апублікаваных у зборніку «Люстэрка розных абстрактных вобразаў» («Speculum diversarum imaginum speculativarum») (Антвэрпэн, 1638).

Ключавыя словы: літаратура Беларусі; польскамоўная паэзія; эпіграма; гравюра.

**«THE PASSAGE OF TIME AND THE DIFFERENCE»
(«CZASU ODMIANA I RÓŻNOŚĆ») BY SIMEON POLOCKIJ:
PARAPHRASE OR SERIES OF ORIGINAL EPIGRAMS?**

U. I. CHAROTA^a

^aCentre for Research of Belarusian Culture, Language and Literature,
National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Abstract. The study examines the source of the poetic work «The passage of time and the difference» («Czasu odmiana i różność»), written by Simeon Polockij in Polish during his Belarusian period. It has been established that the 48-line text is not a paraphrase of the emblematic cycle from M. Kochanowski’s collection of elegies «Rotulae to his sons» («Rotuły do synów swych»), but a cycle of nine original epigrams composed by the Belarusian poet of 17th century to nine engravings from the series «XV. Depiction of the passage of time, as well as the successive states, virtues and vices» («XV. Temporis vices, ac variorum per ipsum statuum, virtutum, vitiorumque repraesentatio»), published in the collection «A mirror of various speculative images» («Speculum diversarum imaginum speculativarum») (Antwerp, 1638).

Keywords: literature of Belarus; Polish-language poetry; epigram; engraving.

Введение

Как полагают исследователи литературного наследия Симеона Полоцкого (Самуил Петровский-Ситнянович; 1629–1680), поэтический текст «Переменчивость и многообразие времени» [1, с. 105], или «Переменчивость и разнообразие времени» [2, с. 50] («Czasu odmiana i różność»), был написан в так называемый белорусский период его жизни и творчества, в ту пору, когда он учился в Киево-Могилянском коллегиуме и в Виленской иезуитской академии, т. е. приблизительно в период с 1640 по 1653 г. [1, с. 209]. В изданиях «Вирши» (1990) и «Carmina Varia» (2014) этот текст имеет 82 строки [1, с. 104, 106, 108, 110; 3, с. 174–176]. Еще в начале 1990-х гг. канадский славист П. А. Ролланд высказал предположение о том, что часть стихотворения «Переменчивость и многообразие времени», состоящая из 34 строк и начинающаяся словами «Wściekle mi biegasz koźmi, Kupidyńcie...», является отдельным произведением [4, р. 77] и представляет собой «...цикл надписей, вдохновленных какой-то гравюрой или гравюрами, которые иллюстрируют “Триумфы” Петрарки»¹ [4, р. 78]. Однако источник цикла эпитаграмм ему установить не удалось. Доказательства в пользу его гипотезы позже обнаружил польский исследователь Р. Гжеськовяк. Опираясь на сведения, содержащиеся в его статье «Поэтическая рецепция гравюр к “Триумфам” Петрарки (вторая половина XVII в. и XVIII в.)» («Poetycka recepcja rycin

¹Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – В. Ч.

do “Tryumfów” Petrarki (druga połowa XVII i XVIII wiek)» [5, s. 494–497], мы выяснили, что последние 34 строки произведения «Переменчивость и многообразие времени» – это отдельный цикл из шести эпиграмм, написанных к шести гравюрам серии «XVII. Триумф Любви, Целомудрия, Смерти и Времени» («XVII. Triumphus Cupidinis, Pudicitiae, Mortis, & Temporis»), которые являются иллюстрациями к поэме «Триумфы» Ф. Петрарки и входят в сборник «Зерцало различных умозрительных образов» («Speculum diversarum imaginum speculativarum») (1638), изданный Иоганном (Йоханнесом, Яном) Галле (Galle Jo(h)annes, Jan; 1600–1676) в Антверпене (об этом подробнее см. [6]).

Основная часть

Российский литературовед С. И. Николаев также считал, что стихотворение «Переменчивость и многообразие времени» состоит из 48 строк и заканчивается словами «...Na wieczną rozkosz do rajskiego dwora» [2, с. 50–51]. Что же касается источника этого поэтического произведения, то, по его утверждению, «...в действительности это не оригинальное стихотворение, а парафраза эмблематического цикла из сборника элегий “Ротулы к своим сыновьям” Миколая Кохановского (ок. 1533–1582), младшего брата великого польского поэта. <...> В состав “Ротул” вошли и два цикла подписей к изображению человеческой жизни: “Pod obrazy konterfetu żywota ludzkiego” и “Na drugie obrazy”. Второй цикл из девяти стихотворений (“Świat”, “Pokój”, “Bogactwo”, “Pycha”, “Zazdrość”, “Wojna”, “Ubóstwo”, “Pokora”, “Sąd”) и послужил образцом для переделки Симеона Полоцкого» [2, с. 52].

Мы решили удостовериться в правильности установления С. И. Николаевым источника названного поэтического произведения и обратились к изданию «Ротулы к своим сыновьям» («Rotuły do synów swych», 1997). Его редактор А. Карпиньски утверждает, что девять стихотворений цикла «К другим картинам» («Na drugie obrazy») М. Кохановского являются «циклом эпиграмм “под образы”» [7, s. 9] к серии гравюр на меди «Круговорот человеческих дел» («Circulus vicissitudinis rerum humanarum»), которые Корнелис Корт выгравировал по композициям Мартена ван Хемскерка, а Иероним Кок в 1564 г. издал [7, s. 10]. Данные произведения графического искусства в издании «Ротулы к своим сыновьям» были напечатаны перед соответствующими им 6- либо 4-строчными эпиграммами. После сопоставления гравюр и эпиграмм нам трудно не согласиться с выводами А. Карпиньского насчет источника этих стихотворений. Нас убедили как сами изображения и идентифицирующие персонажей надписи на изданных И. Коком гравюрах, так и содержание текстов на латинском языке под ними. Рассмотрим первую гравюру серии «Круговорот человеческих дел» (рис. 1).

Рис. 1. Первая гравюра серии «Круговорот человеческих дел» (1564). Издатель И. Кок.
Источник: [7, s. 33]

Fig. 1. The first engraving from the series «The cycle of human affairs» (1564). Published by H. Cock.
Source: [7, s. 33]

Первые 4 строки подписи на латыни гласят: *Auriga mundi Tempus alites equos / Noctem et Diem indefessus in gyrum rapit. / Flamma, Aura, Terra, et Aqua sorores quattuor; / Totidem que fratres Zephyrus, Aquilo, Eurus, Notus* ‘Возничий мира Время крылатых коней / Ночь и День неутомимо по кругу гонит. / Огонь, Воздух, Земля и Вода – четыре сестры, / Столько же и братьев – Зефир, Аквилон, Эвр, Нот’. А теперь сравним подпись с отрывком эпиграммы «[I.] Мир» («[I.] Świat») М. Кохановского: *Okrągły Świat powozi Czas z zawitą głową, / dwa konia w wozie idą, Noc i Dzień je zową. / Ziemia, Ogień, Powietrze,*

Woda – cztery siostry, / Eurus, Notus, Zefirus i Akwilo ostry – / czterzej bracia [7, s. 33] ‘Круглый Мир везет Время с кудрявой головой, / две лошади запряжены в повозку, Ночь и День их зовут. / Земля, Огонь, Воздух, Вода – четыре сестры, / Эвр, Нот, Зефир и Аквилон суровый – / четыре брата’. Связь между двумя текстами очевидна. Подчеркнем, что на остальных семи гравюрах данной серии, где изображена повозка, и в соответствующих им стихотворениях «Мир» («Pokój»), «Богатство» («Bogactwo»), «Гордыня» («Pycha»), «Зависть» («Zazdrość»), «Война» («Wojna»), «Нищета» («Ubóstwo»), «Смирение» («Pokora») в качестве возничих, лошадей, пассажиров и пеших фигурируют одни и те же персонажи.

Также мы заметили, что польский поэт особое внимание уделяет тому, чтобы точно указать, где находится тот или иной персонаж относительно других персонажей или повозки: ...*córka jej, Pycha, siedzi przed nią* [7, s. 35] ‘...ее дочь, Гордыня, сидит перед ней’; ...*jedzie Pycha urodziwa, / przed nią córka jej siedzi, Zazdrość* [7, s. 36] ‘...едет Гордыня статная, / перед ней дочь ее сидит, Зависть’; ...*przy wozie Wiara, Miłość i Nadzieja* [7, s. 40] ‘...рядом с повозкой Вера, Любовь и Надежда’ и т. д. Во всех случаях положение персонажей на гравюрах точно совпадает с указанными в эпиграммах М. Кохановского местами. Можно было бы привести еще целый ряд доводов в подтверждение того, что польский поэт писал цикл эпиграмм «К другим картинам» к гравюрам серии «Круговорот человеческих дел», однако, как нам кажется, достаточно и уже изложенных.

Невольно возникает вопрос, как С. И. Николаев пришел к выводу о том, что именно серия эпиграмм М. Кохановского, а не серия гравюр, стала основой для написания произведения «Переменчивость и многообразие времени» Симеона Полоцкого. Зная о случаях, когда источниками стихотворений белорусского писателя XVII в. становились произведения изобразительного искусства, а также принимая во внимание публикации Р. Гжеськовяка, который обоснованно утверждает, что стихи к гравюрам преобладают в польскоязычном творчестве Симеона Полоцкого [8; 9], мы посчитали, что и в данном случае нельзя исключать такой возможности. Тем более что в альбоме «Зерцало различных умозрительных образов», который, по нашему мнению, Симеон Полоцкий имел в своем распоряжении, присутствует серия гравюр, выполненных по тем же композициям М. ван Хемскерка². Между сериями произведений графического искусства, опубликованными И. Коком и И. Галле, существует ряд отличий. Первое из них состоит в том, что в антверпенском сборнике 1638 г. в оглавлении эта серия имеет название «XV. Изображение течения времени, а также сменяющих друг друга состояний, добродетелей и пороков»³, при этом предыдущая серия из восьми гравюр, созданных по рисункам Мартена де Воса, называется «XIV. Круговорот человеческих дел»⁴. Второе отличие состоит в том, что на первом листе серии, изданной И. Галле, внизу посередине имеется картуш с надписью на латинском языке (рис. 2).

Рис. 2. Первая гравюра серии «XV. Изображение течения времени, а также сменяющих друг друга состояний, добродетелей и пороков» (1638). Издатель И. Галле.
Источник: Зерцало различных умозрительных образов... С. 86 (на лат.)

Fig. 2. The first engraving from the series «XV. A depiction of the passage of time, as well as successive states, virtues and vices» (1638). Published by J. Galle.
Source: A mirror of various speculative images... С. 86 (in Lat.)

²Зерцало различных умозрительных образов / [ред. И. Галле]. Антверпен : Иоганн Галле, 1638. С. 86–94 (на лат.).

³Там же. С. 2.

⁴Там же. С. 2, 78–85.

Обратим внимание на то, что первые слова надписи «temporis vices et diversitas» на польский язык можно перевести как «czasu odmiana i różność». Не думаем, что это случайное совпадение. Разумеется, на гравюрах указаны разные издатели: в первом случае – «H. Cock ex.[cudit]» (см. рис. 1 внизу справа), во втором случае – «Ioan Galle excudit» (см. рис. 2 внизу справа). Других существенных различий мы не заметили.

Как можно убедиться, изображения на рис. 1 и 2 и подписи к ним одинаковые, а идентифицирующие надписи добавлены к одним и тем же персонажам (персонифицированным отвлеченным понятиям). Сопоставление остальных произведений графического искусства этой серии из антверпенского сборника 1638 г. с соответствующими гравюрами, изданными ранее И. Коком, показывает, что они практически идентичные.

Так какие же аргументы приводит С. И. Николаев в доказательство того, что стихотворение «Переменчивость и многообразие времени» не оригинальное произведение, а именно «парафраза эмблематического цикла из сборника элегий “Ротулы к своим сыновьям” Миколая Кохановского» [2, с. 52]? По его мнению, главным аргументом является сходство текстов М. Кохановского и Симеона Полоцкого [2, с. 52–53]. Однако это сходство, в частности употребление одинаковой лексики и «в первую очередь наименований абстрактных понятий» [2, с. 53], можно объяснить и тем, что Симеон Полоцкий, независимо от М. Кохановского, писал эпиграммы к гравюрам серии «XV. Изображение течения времени, а также сменяющих друг друга состояний, добродетелей и пороков». Даже сам российский литературовед недоумевает, почему «в парафразе Симеона Полоцкого не чувствуется присущего поэтическим парафразам XVI–XVII вв. соревновательного духа (aemulatio)», для него «она, скорее, производит впечатление учебного упражнения, наподобие тех, которые практиковались во время занятий в классе поэтики для овладения поэтическим мастерством и стилем» [2, с. 53]. На наш взгляд, здесь С. И. Николаев правильно уловил, когда и для чего писалось стихотворение «Переменчивость и многообразие времени».

Разбирая, «как Симеон Полоцкий обработал стихи Кохановского», исследователь также обратил внимание на то, что «один раз нарушен порядок следования стихотворений Кохановского: парафраза второго по счету стихотворения “Pokoń” у Симеона заняла предпоследнее место» [2, с. 53]. Стоит отметить, что гравюра, посвященная Миру (*Pax*), в изданиях И. Кока и И. Галле идет восьмой по счету. Таким образом, мы делаем следующий вывод: именно М. Кохановский отклонился от порядка следования гравюр в серии, поэтому стихотворение «Мир» в его цикле идет вторым; Симеон Полоцкий же, наоборот, придерживался данного порядка.

Дополнительным доводом в пользу нашего утверждения о том, что произведение «Переменчивость и многообразие времени» является циклом оригинальных стихотворных подписей Симеона Полоцкого к гравюрам, выступает содержание примечания к эпиграмме «Война» М. Кохановского, в котором говорится, что как в латинском (рис. 3), так и в польском [7, s. 38] текстах не упоминается персонаж, сидящий у ног Войны (лат. *Humilitas*, пол. *Pokora*, рус. *Покорность*, *Смирение*) [7, s. 61].

Рис. 3. Пятая гравюра лист серии «Круговорот человеческих дел» (1564). Издатель И. Кок.
Источник: [7, s. 38]

Fig. 3. The fifth engraving from the series «The cycle of human affairs» (1564). Published by H. Cock.
Source: [7, s. 38]

Обратимся к 6-строчной эпиграмме Симеона Полоцкого, написанной к этой же гравюре из серии «XV. Изображение течения времени, а также сменяющихся друг друга состояний, добродетелей и пороков», опубликованной в сборнике «Зерцало различных умозрительных образов»⁵:

*Wojna na wozie niecnej pomsty siedzi,
W której się u nóg zła pokora biedzi;
Zguba, pustota wóz ten pociągają,
Gniew za woźnicę z ognia biczem mają.
Błóżnierstwo, swary i głód oplakany –
Obok, a pozad – mnogi plon zabrany*
[1, с. 104, 106].

‘Война пусть на воз мщения сядет,
У ног которой пусть дурная покорность будет.
Гибель, разорение воз этот влекут,
Гневом на возницу с огненным бичем распаяясь.
Богохульство, распри и глад плачевный
Рядом идут, а позади них многая тщета собралась’
[1, с. 105, 107].

Как можно заметить, белорусский стихотворец XVII в. более подробно и точно, в отличие от польского поэта, описывает композицию М. ван Хемскерка. Во второй строке он пишет про покорность, о которой не сообщает в четверостишии М. Кохановский. Помимо этого, в рассматриваемой эпиграмме Симеона Полоцкого присутствует и явный след текста на латинском языке, размещенного под изображением: *Wojna na wozie... pomsty siedzi* (*Bellum... insidens rhedae vindictae* (см. рис. 3)) ‘Война на повозке... мести сидит’. Этот след можно найти и в трех последующих стихотворных подписях восточнославянского писателя XVII в. к 6, 7 и 8-й гравюрам серии «XV. Изображение течения времени, а также сменяющихся друг друга состояний, добродетелей и пороков»: *Uboństwo wozem Niedostatku (vehiculo indigentia... Inopiam)*⁶ ‘Убожество на возе нищеты’ [1, с. 106, 107]; *Pokora na wóz cierpień (Tapinophrosyne currui Tolerantiae)*⁷ ‘Смирненность на воз страданий’ [1, с. 106, 107]; *Pokój z dostatkiem jedynomyślności /...wozu (Pax vecta curru unanimitate)*⁸ ‘Мир с достатком согласия / ...воза’ [1, с. 106, 107]. Обратим внимание на то, что в эпиграммах М. Кохановского не уточняется, на каких повозках едут Мир, Нищета и Смирение [7, с. 34, 39–40].

Теперь поясним, почему мы думаем, что при создании не только эпиграмм из произведений «Переменчивость и многообразие времени», «На яростных мчишься конях, Купидон...» («*Wścieklemi biegasz końmi, Kupidynie...*»), но и некоторых других циклов стихотворных подписей на польском языке, написанных в ранний период творчества, Симеон Полоцкий пользовался именно изданием «Зерцало различных умозрительных образов». Данный сборник содержит 29 серий гравюр, каждая из которых насчитывает от 2 до 20 листов, а также отдельную гравюру «Триумф Времени», созданную на основе композиции Питера Брейгеля Старшего⁹.

Мы решили попытаться к каждой серии произведений графического искусства из антверпенского сборника 1638 г. подобрать соответствующий поэтический текст Симеона Полоцкого из издания «*Carmina Varia*». Обнаружилось, что 28 сериям соответствуют, судя по содержанию, 23 стихотворения уроженца белорусских земель. Несовпадение количества поэтических произведений с количеством серий гравюр объясняется тем, что, как уже было сказано, на самом деле текст «Переменчивость и многообразие времени» из 82 строк представляет собой два независимых друг от друга цикла эпиграмм к сериям «XV. Изображение течения времени, а также сменяющихся друг друга состояний, добродетелей и пороков»¹⁰ и «XVII. Триумф Любви, Целомудрия, Смерти и Времени»¹¹. Помимо этого, в действительности текст «Новооткрытия» («*Nowoznalezionie rzeczy*») [1, с. 120, 122, 124, 126] состоит из четырех отдельных циклов стихотворных подписей к сериям гравюр «XXIV. Новые открытия в этом столетии» («*XXIV. Nova hoc saeculo reperta*»¹²), «XXV. Открытие Америки, или Нового Света» («*XXV. Americae, vel novi Orbis relectio*»¹³), «XXVII. Три сословия людей и каждого из них обязанности» («*XXVII. Triplex hominum status, & uniuscuiusque munia ac partes*»¹⁴) и «XXVIII. Избраннейшие вожди трех законов» («*XXVIII. Duces sub triplici Lege selectissimi*»¹⁵). В то же время если объединение стихотворений про последние изобретения и открытие Нового Света в одно произведение еще можно объяснить, то часть текста, которая начинается со слов «*Masz twój stan ludzki...*» [1, с. 124–126], воспринимается как инородная, поскольку она никак не связана с вынесенной в название произведения темой. К тому же эту часть текста произведения

⁵Зерцало различных умозрительных образов... С. 90.

⁶Там же. С. 91.

⁷Там же. С. 92.

⁸Там же. С. 93.

⁹Там же. С. 186.

¹⁰Там же. С. 86–94.

¹¹Там же. С. 99–104.

¹²Там же. С. 141–160.

¹³Там же. С. 161–164.

¹⁴Там же. С. 171–174.

¹⁵Там же. С. 175–177.

можно разделить на два небольших 8-строчных стихотворения, условно озаглавив их «О трех сословиях и их обязанностях» [1, с. 124] и «О великих господах» [1, с. 126]. Текст «Счастье богачей плачевно» («Szczęście bogaczyów opłakane») написан к сериям «XVIII. Несчастье, беспокойство, кончина богачей и предел богатств» («XVIII. Divitum miseria, inquietudo, finis, & divitiarum terminus»¹⁶) и «Природа труда и старательности, их выгоды и воздаяния» («XIX. Laboris & solertiae natura, commoda, praemium»¹⁷). В его части, начинающейся словами «Orzeł, swe pierzem już okryta dzieci...» [1, с. 114], речь идет уже о труде, а не о плачевной доле богачей, поэтому, на наш взгляд, последние 22 строки необходимо рассматривать как отдельный цикл эпиграмм. Таким образом, цифры сходятся.

Обратим внимание на то, что в случае с произведением «Триумф терпения, прекрасными образами представленный» («Triumph cierpliwości pięknymi obrazy wyrażony»), которому соответствует серия «XXIX. Образ и триумф терпения» («XXIX. Patientiae schema & triumphus»¹⁸) из альбома И. Галле, заглавие полностью совпадает с надписью на картуше, имеющемуся на первом листе серии: *Patientiae triumphus elegantissimis imaginibus expressus*¹⁹.

Изучив авторскую рукопись сборника «Вертоград многоцветный», хранящуюся в Государственном историческом музее в Москве (синодальное собрание № 659), Л. И. Сазонова обратила внимание на то, что «в автографе можно обнаружить крупные идейно-тематические и структурные единства, в пределах каждого из которых взаимодействуют несколько стихов» [10, с. 574]. Английский исследователь А. Хипписли предположил, что эти «...“идейные единства” могут представлять собой тусклое отражение систематически широко использованных источников. При помощи такой теории удалось определить целый ряд западных книг, скрытых в тексте десятков, даже сотен стихотворений “Вертограда”» [11, с. 696]. Нас заинтересовало, где и в каком порядке в рукописи располагаются 23 поэтических текста, написанных Симеоном Полоцким, как мы предполагаем, к сериям гравюр из антверпенского сборника 1638 г. Поскольку в данный момент у нас нет доступа к рукописи «Сборник виршей Симеона Полоцкого», хранящейся в Российском государственном архиве древних актов²⁰, мы обратились к комментариям из издания «Carmina Varia». Его составители указывают список, по которому печатаются тексты, и листы рукописи. Выяснилось, что все 23 текста белорусского стихотворца XVII в. находятся на 115–121 листах указанной рукописи. За исключением четырех случаев, они идут в том же порядке, в котором следуют соответствующие им серии гравюр в сборнике «Зерцало различных умозрительных образов». Итоги нашего исследования нашли отображение в таблице.

**Соответствие произведений Симеона Полоцкого сериям гравюр
из сборника «Зерцало различных умозрительных образов»**

**Correspondence between poems by Simeon Polockij and series of engravings
from the collection «A mirror of various speculative images»**

Произведения Симеона Полоцкого			Серии гравюр	
Название произведения	Номера страниц сборника «Carmina Varia»	Номера листов рукописи «Сборник виршей Симеона Полоцкого»	Название серии гравюр, количество гравюр	Номера листов сборника «Зерцало различных умозрительных образов»
3 Prawa	242	115	I. Triplex Lex, 3	3–5
Widok żywota ludzkiego	82	115	II. Theatrum vitae humanae, 6	6–12
Obraz natury ludzkiej	96	116 – 116 об.	III. Typus naturae humanae, 5	13–17
Pięć zmysłów następują	260	116 об.	III. Quinque hominum sensus, 5	18–22
Siedem nauk wyzwolonych	274	116 об.	V. Septem artes liberales speculativae, 7	23–29
Rzemiosła ręczne a uczciwe	98, 100	116 об. – 117	VI. Artes practicae, manuales & honestae, 8	30–37
Siedmiu planet znaki i ich operatie następują	268, 270	115 об.	VII. Septem planetarum signa & operationes, 7	38–44
4 Przemagające complexie	244	117	VIII. Quatuor praedominantes complexiones, 4	45–48

¹⁶Зерцало различных умозрительных образов... С. 105–110.

¹⁷Там же. С. 111–116.

¹⁸Там же. С. 178–185.

¹⁹Там же. С. 178.

²⁰Рос. гос. арх. древ. актов. Ф. 381 (Рукописный отдел библиотеки Московской синодальной типографии). Оп. 1. №. 1800.

Окончание таблицы
Ending of the table

Произведения Симеона Полоцкого			Серии гравюр	
Название произведения	Номера страниц сборника «Carmina Varia»	Номера листов рукописи «Сборник виршей Симеона Полоцкого»	Название серии гравюр, количество гравюр	Номера листов сборника «Зерцало различных умозрительных образов»
4 Rzeczy namocniejsze	246	117	IX. Quatuor quae in terra fortissima sunt, 4	49–52
4 Żywioły i skutki onych	248	117 – 117 об.	X. Quatuor elementa, eorumque effectus, 4	53–56
Czterech części roku pogody	252	117 об.	XI. Quatuor anni tempestates, 4	57–60
4 Szczęści dnia	254	117 об.	XII. Quatuor temporis partes & intervalla, 4	61–64
Miesiące 12 następują	286, 288	118	XIII. Menses duodecim anni solaris, cum totidem signis caelestibus, 13	65–77
Odmiany wszech rzeczy ludzkich	102	118 об.	XIV. Circulus vicissitudinis rerum humanarum, 8	78–85
Czasu odmiana i różność	104, 106	118 об.	XV. Temporis vices, ac variorum per ipsum statuum, virtutum, vitorumque repraesentatio, 9	86–94
4 Świata wieki	258	119 об.	XVI. Quatuor mundi aetates, 4	95–98
Wściekłemi biegasz końmi, Kupidynie... (часть произведения «Czasu odmiana i różność»)	106, 108, 110	119	XVII. Triumphus Cupidinis, Pudicitiae, Mortis, & Temporis, 6	99–104
Szczęście bogaczyów oplakane	112, 114	119 об. – 120	XVIII. Divitum miseria, inquietudo, finis, & divitiarum terminus, 6	105–110
			XIX. Laboris & solertiae natura, commoda, praemium, 6	111–116
Złe poswary	90, 92	116	XX. Litis abusus, 8	117–124
Zaniedbanie duszy dla zbytniego o ciele starania	94	116	XXI. Animae incuria ob nimiam corporis curam, 2	125–126
Trudno wszystkim wygodzić	116	120	XXII. Iudicij popularis vanitas & stoliditas, 6	127–132
8 Dziwów świata	278, 280	120 об.	XXIII. Octo mundi miracula, 8	133–140
Nowoznalezione rzeczy	120, 122, 124	121 – 121 об.	XXIV. Nova hoc saeculo reperta, 20	141–160
			XXV. Americae, vel novi Orbis relectio, 4	161–164
—	—	—	XXVI. Vermis sericus, aut bombyx, 6	165–170
Nowoznalezione rzeczy	124, 126	121 – 121 об.	XXVII. Triplex hominum status, & uniuscuiusque munia ac partes, 4	171–174
			XXVIII. Duces sub triplici Lege selectissimi, 3	175–177
Triumph cierpliwości pięknemi obrazy wyrażony	86, 88	115 об. – 116	XXIX. Patientiae schema & triumphus, 8	178–185
—	—	—	XXX. Tempus omnia & singula consumens, 1	186

Примечания: 1. Составлено на основе данных источника [1], сборника «Зерцало различных умозрительных образов» (Зерцало различных умозрительных образов / [ред. И. Галле]. Антверпен : Иоганн Галле, 1638. 186 с. (на лат.)), архивных данных (Рос. гос. арх. древ. актов. Ф. 381 (Рукописный отдел библиотеки Московской синодальной типографии). Оп. 1. № 1800). 2. Названия произведений приводятся на языке оригинала.

Как можно увидеть, нам не удалось найти в сборнике «Carmina Varia» стихов про шелковичного червя (серия «XXVI. Шелковичный червь, или шелкопряд» («XXVI. Vermis sericus, aut bombyx»²¹)) и про время, пожирающее все и вся (отдельная гравюра «XXX. Время, пожирающее все и вся» («XXX. Tempus omnia & singula consumens»²²)). Нас не удивит, если и такие существуют. Однако мы по каким-то причинам не смогли их опознать, либо они до сих пор не опубликованы.

Подчеркнем, что наша таблица является результатом беглого и поверхностного ознакомления с гравюрами, а также их сопоставления с поэтическими текстами Симеона Полоцкого. Мы не утверждаем, что все перечисленные в ней произведения белорусского поэта являются циклами подписей в стихах к гравюрам из сборника «Зерцало различных умозрительных образов». В каждом случае необходимо разбираться: проводить тщательное исследование, скрупулезно анализировать и сопоставлять произведения графического и поэтического искусства. Если же наша гипотеза подтвердится, это позволит по-новому взглянуть на литературное наследие Симеона Полоцкого, созданное в белорусский период творчества, и пересмотреть сложившиеся представления о его раннем творчестве. С практической точки зрения знание и изучение источников перечисленных в таблице стихотворений могут помочь расшифровать тексты рукописей; правильно разбить поэтические тексты на циклы и отдельные эпиграммы; понять, какой смысл вкладывал в те или иные строки Симеон Полоцкий; идентифицировать упоминаемых им исторических лиц, библейских и мифологических персонажей и т. д.

Заключение

Поэтический текст «Переменчивость и многообразие времени», состоящий из 48 строк, является циклом из девяти оригинальных эпиграмм, которые Симеон Полоцкий написал к девяти «на меди прехитростне и преизрядне нарезанных» [3, с. 22] гравюрам серии «XV. Изображение течения времени, а также сменяющих друг друга состояний, добродетелей и пороков», опубликованной И. Галле в сборнике «Зерцало различных умозрительных образов». Эти 48 строк распределяются на девять подписей к гравюрам следующим образом:

[Эпиграмма 1]

*Okrągłe niebo do koła się toczy,
Czas dniem i nocą skrzydlatymi kroczy:
Wiatr; ogień, ziemia tu na wozie z wodą,
Wzwyż cztery wiatry świat w odmianę wiodą.*

[Эпиграмма 2]

*Bogactwo z córką pychę tryumfuje,
Łupiestwo, zdradę, chytrość forytuje,
By konie jakie – lichwa po prawicy,
Weny z wydaniem biegną po lewicy.
Próżna zaś rozkosz z weselem pozadzie
Za pysznym wozem stopy swoje kładzie.*

[Эпиграмма 3]

*Pycha na wozie z zazdrością, złą córką,
Konie – ciekawość, upór ciągną którą.
Wzgarda powozi, chępliwość przy boku,
Śmiech, nieposłusżność z lewej idą w kroku.*

[Эпиграмма 4]

*Z zazdrością wojna, z której urodzona,
Na wóz nieprawdy wspaniały wsadzona;
Szczypaniem sławy, potwarzą się wozi,
Którym nienawiść biczem woźnic grozi.
Zła turbacja, niepokój – kto gorszy
Pilnują. Niechęć różgą konie płoszy.*

[Эпиграмма 5]

*Wojna na wozie niecnej pomsty siedzi,
W której się u nóg zła pokora biedzi;
Zguba, pustota wóz ten pociągają,
Gniew za woźnicę z ognia biczem mają.
Błuznierstwo, swary i głód oplakany –
Obok, a pozad – mnogi plon zabrany.*

²¹Зерцало различных умозрительных образов... С. 165–170.

²²Там же. С. 186.

[Эпиграмма 6]

*Ubóstwo wozem niedostatku z córą,
Chorym i słabym wlecze się pokorą.
Gnuśność pogan, słabość tu przoduje,
Cierpliwość osi z niewolą pilnuje.*

[Эпиграмма 7]

*Pokora na wóz cierpień wysadzona
U nóg jej pokój – córka z niej spłodzona;
Cichość, stateczność ciągną wmiasto koni,
Bojaźń kieruje i postrachem goni.
Wiara, nadzieja i miłość przy boku
Nie odstępują od jej wozu kroku.*

[Эпиграмма 8]

*Pokój z dostatkiem jednomyślności
Użyły za wozu woźnicę – miłości.
Za asystentów prawdę pilność mają
I sprawiedliwość, które przy nich stoją.
Para tu cudnych koni służy –
Zgoda, pożytek, któż ich nie lubuje!*

[Эпиграмма 9]

*A gdy już przyjdzie ostatni dzień świata,
Tam złym i dobrym odda się zapłata.
Pyszni, bogacze, zazdrosny wojenny
Pójdą do wiecznej na zgubę gehenny,
Ubóstwo zasię pokój i pokora –
Na wieczną rozkosz do rajskiego dwora [1, c. 104, 106].*

Библиографические ссылки

1. Симеон Полоцкий. *Carmina Varia*. Санкт-Петербург: Общество памяти игумении Таисии; 2014. 352 с.
2. Николаев СИ. *От Кохановского до Мицкевича: разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX в.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2004. 266 с. EDN: TNGQIR.
3. Симеон Полоцкий. *Вирши*. Былинин ВК, Звонарева ЛУ, составители; Короткий ВГ, редактор. Минск: Мастацкая літаратура; 1990. 447 с.
4. Rolland PA. Ut poesia pictura...: emblems and literary pictorialism in Simiaon Połacki's early verse. *Harvard Ukrainian Studies*. 1992;16(1–2):67–86.
5. Grześkowiak R. Poetycka recepcja rycin do «Tryumfów» Petrarki (druga połowa XVII i XVIII wiek). *Ruch Literacki*. 2019; 5:493–510. DOI: 10.24425/rl.2019.131385.
6. Черота ВИ. Источники польскоязычной поэзии Симеона Полоцкого. *Вестник БГУИЯ. Серия I, Филология*. 2025;2(2): 194–206.
7. Kochanowski M. *Rotule do synów swych*. Masłowska-Nowak A, editor. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich PAN; 1997. 70 s. (Biblioteka pisarzy staropolskich; tom 10).
8. Grześkowiak R. Wiersze na ryciny jako dominanta polskojęzycznej twórczości Symeona z Połocka. Część 1: Od bajki o starcu, chłopcu i ośle do oślej parabol ludzkiego ciała. *Pamiętnik Literacki*. 2017;3:185–216. DOI: 10.18318/pl.2017.3.12.
9. Grześkowiak R. Wiersze na ryciny jako dominanta polskojęzycznej twórczości Symeona z Połocka. Część 2: Czworaki. *Pamiętnik Literacki*. 2020;2:227–258. DOI: 10.18318/pl.2020.2.18.
10. Сазонова ЛИ. *Литературная культура России. Раннее Новое время*. Москва: Языки славянских культур; 2006. 896 с. (Studia philologica). EDN: ZGJMGL.
11. Хипписли А. Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого. В: Гольдич ЕА, редактор. *Труды Отдела древнерусской литературы. Том 52*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2001. с. 695–708.

Статья поступила в редколлегию 06.02.2026.
Received by editorial board 06.02.2026.

УДК 821.161.3.09:82.01+130.2

ФОРМЫ И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА ЛИМИНАЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

А. В. ТИМОШЕНКО¹⁾

¹⁾Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проводится комплексный феноменологический и структурно-семиотический анализ категории лиминальности. Исследуется эволюция понятия от антропологической модели обрядов инициации до универсальной онтологической метафоры экзистенциального кризиса в литературе модернизма и постмодернизма. Особое внимание уделяется специфике реализации лиминального хронотопа в произведениях белорусских авторов в контексте мирового литературного процесса. На материале широкого корпуса текстов – от сакральных памятников древности и европейской классики до прозы «потерянного поколения», модернизма и современной белорусской литературы – определяются типологические сходства и национальные различия в художественной интерпретации пограничных состояний. Обосновывается тезис о фундаментальной трансформации лиминальности из временной стадии социальной динамики в постоянное экзистенциально напряженное состояние современного субъекта, что определяет новую парадигму художественного мышления.

Ключевые слова: лиминальность; пространство кризиса; инициация; трансгрессия; экзистенциальный кризис; белорусская литература; модернизм; постмодернизм; объекция; гетеротопия; трансформация; гиперреальность; симулякр; симуляция.

ФОРМЫ І СПАСАБЫ РЭАЛІЗАЦЫІ ФЕНОМЕНА ЛІМІНАЛЬНАСЦІ Ў ЛІТАРАТУРЫ

А. В. ЦІМАШЭНКА^{1*}

^{1*}Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
вул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Праводзіцца комплексны феноменалагічны і структурна-семіятычны аналіз катэгорыі лімінальнасці. Даследуецца эвалюцыя паняцця ад антрапалагічнай мадэлі абрадаў ініцыяцыі да ўніверсальнай анталагічнай метафары экзістэнцыяльнага крызісу ў літаратуры мадэрнізму і постмадэрнізму. Асабліва ўвага надаецца спецыфіцы рэалізацыі лімінальнага хронатопу ў творах беларускіх аўтараў у кантэксце сусветнага літаратурнага працэсу. На матэрыяле шырокага корпуса тэкстаў – ад сакральных помнікаў старажытнасці і еўрапейскай класікі да прозы «страчанага пакалення», мадэрнізму і сучаснай беларускай літаратуры – выяўляюцца тыпалагічныя падабенствы і нацыянальныя адрозненні ў мастацкай інтэрпрэтацыі памежных станаў. Абгрунтоўваецца тэзіс пра фундаментальную трансфармацыю лімінальнасці з часовага этапу сацыяльнай дынамікі ў перманентны экзістэнцыяльна напружаны стан сучаснага суб'екта, які вызначае новую парадыгму мастацкага мыслення.

Ключавыя словы: лімінальнасць; прастора крызісу; ініцыяцыя; трансгрэсія; экзістэнцыяльны крызіс; беларуская літаратура; мадэрнізм; постмадэрнізм; аб'екцыя; гетэратопія; трансфармацыя; гіперрэальнасць; сімулякр; сімуляцыя.

Образец цитирования:

Цімашэнка АВ. Формы і спосабы рэалізацыі феномена лімінальнасці ў літаратуры. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2026;2:15–29.
EDN: DJPDGW

For citation:

Tsimashenka AV. Forms and methods of realising the phenomenon of liminality in literature. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;2:15–29. Belarusian.
EDN: DJPDGW

Автор:

Анастасія Вячаславаўна Тімошэнка – аспірантка аддэла тэорыі і гісторыі літаратуры Інстытута літаратурavedення імя Янкі Купалы. Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент А. Н. Кислицына.

Author:

Anastasiya V. Tsimashenka, postgraduate student at the department of theory and history of literature, Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala.
white_land@mail.ru

FORMS AND METHODS OF REALISING THE PHENOMENON OF LIMINALITY IN LITERATURE

A. V. TSIMASHENKA^a

^aCentre for Research of Belarusian Culture, Language and Literature,
National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Abstract. The article is devoted to a comprehensive phenomenological and structural-semiotic analysis of the category of liminality. The study explores the evolution of the concept from the anthropological model of rites of passage to a universal ontological metaphor for existential crisis in modernist and postmodernist literature. Particular attention is paid to the specific realisation of the liminal chronotope in the works of Belarusian authors within the context of the global literary process. Based on a wide corpus of texts – from sacred ancient monuments and European classics to the prose of the «lost generation», modernism, and contemporary Belarusian literature – the article identifies typological convergences and national differences in the artistic interpretation of boundary states. The thesis substantiates the transformation of liminality from a temporary stage of social dynamics into a permanent condition of the contemporary subject, thereby defining a new paradigm of artistic thought.

Keywords: liminality; space of crisis; initiation; transgression; existential crisis; Belarusian literature; modernism; postmodernism; abjection; heterotopia; transformation; hyperreality; simulacrum; simulation.

Уводзіны

У сучаснай гуманітарнай парадыгме катэгорыя лімінальнасці набыла статус фундаментальнай анталогічнай канстанты. Першапачаткова ўведзены ў навуковы ўжытак французскім этнографам А. ван Генэпам [1] для апісання рытуалаў перахода тэрмін абазначаў прамежковую фазу, «нічыйную зямлю» паміж мінулым і будучым сацыяльным статусам. Аднак, як справядліва заўважыў В. Тэрнер, лімінальнасць – гэта не проста структурная паўза, а стан «патэнцыйнасці», дзе «ўсе ранейшыя класіфікацыі скасоўваюцца, і суб'ект становіцца *tabula rasa*, на якой грамадства піша новыя знакі»¹ [2, с. 169]. Як вынік, «лімінальнасць часта прыпадабняецца да смерці, існавання ва ўлонні, нябачнасці, цемры, двухполасці, пустыні, зацмення сонца і месяца» [2, с. 169]. Напрыклад, неафіты ў абрадах ініцыяцыі зводзяцца і прыніжаюцца «да поўнай аднастайнасці, каб здабыць новае аблічча і быць зноўку сфарміраванымі» [2, с. 170–171]. У мастацкай літаратуры гэта схема трансфармуецца: рытуальны пераход ператвараецца ў хранатоп крызісу, дзе персанажы захрашаюць на мяжы сусветаў, часоў або станаў свядомасці. Калі ў міфе герой заўсёды вяртаецца абноўленым, то ў літаратуры мадэрнізму і постмадэрнізму пратаганіст так і застаецца на ўмоўным парозе, ператвараючы лімінальнасць у пастаянны пакутлівы стан быцця. У такіх тэкстах яна перастае быць толькі этнаграфічнай катэгорыяй і рэалізуецца праз спецыфічны хранатоп – прастору і час, дзе законы звычайнай рэальнасці перастаюць працаваць, а героі сутыкаюцца з уласнай дэканструкцыяй.

Матэрыялы і метады даследавання

Матэрыялам даследавання паслужылі мастацкія тэксты беларускіх і замежных аўтараў, у якіх катэгорыя лімінальнасці з'яўляецца сістэмаўтваральнай (Т. Ман, Г. Гесэ, Х. Л. Борхес, С. Лем, браты Стругацкія, А. Федарэнка, Ю. Станкевіч), а таксама тэарэтычныя працы А. ван Генэпа, В. Тэрнера, М. Фуко, Ю. Крысцевай і Ж. Бадрыяра.

Для дасягнення пастаўленай мэты быў выкарыстаны комплекс узаемадапаўняльных навуковых метадаў. Кампаратыўна-тыпалагічны метады прымяняўся для выяўлення агульных заканамернасцей рэалізацыі лімінальнага хранатопу ў нацыянальных літаратурах і супастаўлення тыпаў «парогавых» герояў. Для інтэрпрэтацыі глыбінных сэнсаў мастацкіх сімвалаў (балота, мяжа, мутацыя цела) і выяўлення экзістэнцыяльнага падтэксту ў творах выкарыстоўваўся герменеўтычны метады. Структурна-семіятычны аналіз даў магчымасць дэкадзіраваць лімінальныя прасторы як асаблівыя семіятычныя сістэмы, у той час як феноменалагічны падыход і метады кантэкстуальнага аналізу дапамаглі раскрыць суб'ектыўны вопыт герояў у моманты трансгрэсіі, разглядаючы літаратурныя творы ў непарыўнай сувязі з сацыякультурнымі трансфармацыямі, якія абумоўліваюць з'яўленне «памежнай» свядомасці.

Навуковая навізна працы заключаецца ў сістэматызацыі тыпаў лімінальнасці (прасторавая, тэмпаральная, саматычная, моўная) і вызначэнні іх ролі ў фарміраванні сучаснага беларускага і сусветнага літаратурнага дыскурсу.

¹Тут і далей пераклад на беларускую мову наш. – А. Ц.

Вынікі і іх абмеркаванне

Пераходзячы да аналізу ўнутранай архітэктонікі лімінальнасці, неабходна падкрэсліць, што гэты феномен не з'яўляецца гамагенным. Лімінальнасць выступае як складаная сістэма трансгрэсійных станаў, якія можна класіфікаваць паводле сферы іх праяўлення – ад фізічнай прасторы да метафізічных глыбінь свядомасці.

Першасным узроўнем рэалізацыі феномена выступае прасторавая лімінальнасць, якая ў сацыяльнай антрапалогіі вызначаецца як лакалізацыя суб'екта на «нічыёй зямлі». В. Тэрнер звяртае ўвагу на тое, што лімінальныя локусы – гэта зоны, дзе звычайныя сацыяльныя сувязі анулююцца, саступаючы месца «камунітас» (*communitas*) – стану неструктураванай еднасці [2]. У мастацкай мадэлі свету такімі лімінальнымі локусамі выступаюць прасторы «паміж»: межы, дарогі, бальнічныя калідоры або ізаляваныя зоны катастроф, якія, на думку М. Фуко, па сваёй сутнасці з'яўляюцца гетэратопіямі [3]. Не меншую важнасць мае тэмпаральны (часавы) аспект, дзе лімінальнасць выяўляецца як час па-за часам – спецыфічны стан бесчасоўя, калі лінейная гісторыя спыняецца і суб'ект трапляе ў прастору цыклічнага або статычнага кашмару. М. Эліэдэ апісваў падобныя станы як вяртанне да «святога часу» (*in illo tempore*), аднак у сённяшнім секулярным дыскурсе гэта прыпыненне часу часцей набывае форму экзістэнцыяльнага тупіка [4].

На стыку сацыяльнага і псіхалагічнага пачаткаў узнікае рытуальна-сацыяльная лімінальнасць, звязаная са стратай ранейшага статусу. Гэты від лімінальнасці ўяўляе сабой стан «рытуальнай смерці», дзе асоба часова пазбаўляецца свайго Я, каб прайсці трансфармацыю. Тут асабліваю значнасць набывае экзістэнцыяльна-псіхалагічнае вымярэнне, якое найбольш глыбока разглядаецца ў працах Ю. Крысцевай. Гэта мяжа адначасова адштурхоўвае і прыцягвае, ствараючы кропку максімальнага псіхічнага напружання, якую К. Ясперс называў памежнай сітуацыяй (*Grenzsituation*), дзе чалавек сутыкаецца з ісцінай свайго быцця [5]. Асобнае месца ў тыпалогіі трансгрэсійных станаў займае саматычная (цялесная) лімінальнасць, якая вызначаецца як страта суб'ектам цэласнага вобраза ўласнага цела і яго меж. З навуковага пункту гледжання, гэты феномен грунтуецца на дэканструкцыі цялеснасці, калі цела перастае быць сваім і ператвараецца ў прастору мутацый або хвароб, якія немагчыма кантраляваць. Ю. Крысцева ў працы «Сілы жаху» звязвае такі стан з катэгорыяй аб'екцыі (*abjection*) – кропкай, дзе «я» сутыкаецца з тым, што павінна быць адрынута (кроў, хвароба, смерць), але застаецца часткай фізічнага існавання [6]. Саматычная лімінальнасць уяўляе сабой «цела-парог», якое знаходзіцца ў стане пастаяннага распаду і станаўлення. У літаратурным дыскурсе яна рэалізуецца праз матывы мутацый, страты мовы ці фізічнага ператварэння, што сімвалізуе немагчымасць суб'екта ўтрымаць сваю ідэнтычнасць у агрэсіўным навакольным асяроддзі. Такім чынам, цела становіцца першай і апошняй мяжой, на якой разгортваецца экзістэнцыяльная драма пераходу. Нарэшце, нельга ігнараваць метафізічную (містычную) лімінальнасць, якая апісвае стан душы на парозе сутыкнення з нечым няўлоўным або абсалютна іншым. Згаданы від лімінальнасці, на думку Р. Ота, – вобласць нумінознага, дзе чалавек перажывае адначасова святое трымценне і захапленне перад таямніцай, якая выходзіць за межы лагічнага пазнання [7]. Такім чынам, класіфікацыя лімінальнасці дазваляе ўбачыць у гэтым феномене не проста выпадковы збой у структуры рэальнасці, а фундаментальную ўмову існавання суб'екта ў крызісныя эпохі. Менавіта гэта шматмернасць паняцця стварае базу для яго далейшай рэалізацыі ў літаратурнай творчасці, дзе кожны з апісаных тыпаў знаходзіць сваё канкрэтнае мастацкае ўвасабленне.

Далейшае развіццё тэарэтычнай базы патрабуе інтэграцыі канцэпцыі сімулякраў Ж. Бадрыяра [8] з тэорыяй лімінальнасці. Калі сімуляцыя стварае гіперрэальнасць, то лімінальнасць апісвае стан пераходу, тое самае «памежжа», у якім знаходзіцца суб'ект творчасці ў момант нараджэння новага сэнсу. У гэтым кантэксце мастацкі акт можна разглядаць як існаванне ў лімінальнай прасторы, дзе звыклыя сувязі з арыгіналам ужо разарваны (згодна з Ж. Бадрыярам), але новая структура знакаў яшчэ не замацавалася. Зафіксаваны стан транзіту функцыянуе як прастора «паміж» (паміж рэальным і віртуальным, мінулым вопытам і будучай формай). Лімінальнасць надае сімулякру дынаміку: творчасць перастае быць статычнай копіяй і становіцца працэсам пастаяннага пераходу. Такім чынам, мастацкі аб'ект выступае як парогавы феномен, які не належыць ні да свету чыстых аб'ектаў, ні да свету чыстых ілюзій, ствараючы ўнікальную кропку рэзанансу, дзе гіперрэальнасць набывае чалавечае вымярэнне праз вопыт перажывання гэтага пераходу.

Эвалюцыя лімінальнасці ў літаратуры адлюстроўвае змену анталагічнага статусу чалавека. Калі разглядаць працэсуальныя характарыстыкі пераходу, яго можна прадставіць праз дынамічную мадэль, дзе стан суб'екта *S (status)* у працэсе ініцыяцыі імкнецца да трансфармацыі праз крызісную кропку *L (limen)*:

$$S_{old} \rightarrow [L] \rightarrow S_{new}.$$

Для сістэматызацыі форм рэалізацыі лімінальнасці мэтазгодна выкарыстоўваць інтэграваны падыход, які спалучае храналагічны прынцып з нацыянальна-культурным аналізам, што дазваляе прасачыць дынаміку феномена ад сакральнага архетыпа да экзістэнцыяльнага тупіка.

На этапе, які мы прапануем вызначыць як сакральна-міфалагічны, лімінальнасць успрымаецца як рытуал і ініцыяцыя – неабходная стадыя пераходу, звязаная з пераадоленнем мяжы светаў. Генеалогія лімінальнага хранатопу ўзыходзіць да сакральных тэкстаў чалавецтва. У рэлігіязнаўчым дыскурсе лімінальнасць разглядаецца як фаза «выпадзення» з сацыяльнага часу і прасторы для набыцця новага сакральнага статусу [2]. Кампаратыўны аналіз дазваляе вылучыць дзве магістральныя мадэлі гэтага стану. У заходняй (аўраамічнай і старажытнаегіпецкай) традыцыі лімінальнасць носіць лінейна-гістарычны характар: біблейская пустэля або егіпецкі дуат – гэта прасторы «паміж», дзе старая ідэнтычнасць павінна сімвалічна памерці, каб адкрыць шлях да сакральнай трансфармацыі (выхад) [9]. Усходняя метафізіка (індуізм, будызм, даасізм) пастуліруе лімінальнасць як перманентны стан ісціны: матэрыяльны свет інтэрпрэтуецца як ілюзорны сімулякр (майя), а вышэйшай мэтай становіцца знаходжанне ў «кропцы зборкі» паміж быццём і небыццём (нірвана, дао) [10], дзе бінарныя апазіцыі здымаюцца.

Глобальны кантэкст дапаўняецца архаічнымі практыкамі шаманізму (Сібір, Скандынавія, Афрыка, Паўночная Амерыка і Паўднёвая Амерыка), дзе лімінальнасць рэалізуецца праз экстатычны вопыт сусветнай восі (*axis mundi*) [11]. Ахвярапрынашэнне Одзіна на дрэве Ігдрасіль або трансвае падарожжа шамана з’яўляюцца актамі радыкальнай дэсацыялізацыі, калі цела ператвараецца ў медыятара паміж светамі, а свядомасць – у інструмент атрымання сакральных ведаў. Асаблівае месца ў гэтым дыскурсе займае славянская міфапэтычная мадэль, дзе лімінальнасць мае ярка выражанае прасторавае вымярэнне. У славянскай карціне свету мяжа явы (свету жывых) і навывы (свету мёртвых) з’яўляецца пранікальнай мембранай [12]. Ключавыя лакуны – скрыжаванні дарог, могілкі, лазні ці Калінаў мост праз раку Смародзіну – выступаюць як зоны павышанай небяспекі і адначасова месцы сілы. У славянскім фальклоры герой-вандроўнік (ад казачнага Івана да быліннага асілка) заўсёды праходзіць праз гэтую «шэрую зону» (Баба-яга выступае там як вартаўнік мяжы), каб вярнуцца абноўленым [13]. Такім чынам, нягледзячы на цывілізацыйны код сакральная лімінальнасць з’яўляецца ўніверсальнай тэхналогіяй пераадолення энтрапіі, дзе «парог» выступае адзінай магчымай тэрыторыяй для кантакту з абсалютам і пацверджання сапраўднасці чалавечага існавання. Сінтэтычны агляд сусветных рэлігійных і міфапэтычных сістэм дазваляе сфармуляваць агульную аксіёму: лімінальнасць з’яўляецца фундаментальным механізмам трансфармацыі суб’екта незалежна ад геаграфічнага ці храналагічнага кантэксту.

У антычнай літаратуры, у прыватнасці ў эпасе «Адысея» Гамера [14], мора выступае як глабальная мяжа, якая аддзяляе героя ад дома (*oikos*) і цывілізацыі. Аднак найбольш поўнае ўвасабленне гэта ідэя знаходзіць у творы «Боская камедыя» Д. Аліг’еры [15]. Чысцёц уяўляе сабой архітэктурна вывераную прастору станаўлення. На думку Ж. Ле Гофа, канцэпцыя чыстца стала прасторавай лакалізацыяй пакалення, у якой пакуты памерлых набываюць тэмпаральныя межы і сэнс надзеі на выратаванне [16]. Гэта асаблівае адрознівае яго ад статычнасці пекла. Тут лімінальнасць яшчэ мае тэлеалагічны вектар – яна скіравана да святла. Фундаментам лімінальнага шляху з’яўляецца тэорыя тысячатварога героя Дж. Кэмпбэла. Паводле яго канцэпцыі манаміфа, этап ініцыяцыі – момантам, калі герой пакідае межы свету, які ён ведае, каб увайсці ў свет невядомага, «пераход парога – гэта разнавіднасць самазнiшчэння» [9, с. 77]. Дж. Кэмпбэл падкрэслівае, што парог выступае зонай максімальнай небяспекі і ў той жа час месцам сілы. У кантэксце нашай канцэпцыі лімінальнасці дадзены «заклік да прыгод» трансфармуецца ў экзістэнцыяльны выбар: герой павінен памерці як сацыяльная адзінка, каб нарадзіцца як духоўны суб’ект. Гэта думка сугучна думцы В. Тэрнера аб тым, што неафіты «зводзяцца і прыніжаюцца да поўнай аднастайнасці, каб здабыць новае аблічча» [2, с. 169]. У беларускай традыцыі гэты міфалагічны парог ярка выяўлены ў творчасці Я. Баршчэўскага, дзе сядзіба шляхціца Завальні выступае як гетэратопія, у якой ён *блукваў у прыемных марах дзе-небудзь у цёмнай пушчы або на бязлюдным беразе возера* [17, с. 11]. У творы «Шляхціц Завальня» лімінальнасць мае міфапэтычную прыроду. Сядзіба на беразе возера – гэта гетэратопія (у тэрміналогіі М. Фуко [3]), дзе сустракаюцца рэальны і фантастычны пачаткі. Герой Я. Баршчэўскага пастаянна сутыкаецца з істотамі-медыятарамі (ваўкалакамі, цмокамі), якія сімвалізуюць неўпарадкаванасць быцця на мяжы культур. Параўнанне беларускага і ўкраінскага літаратурнага кантэксту XIX – пачатку XX ст. выяўляе глыбіннае падабенства ў выкарыстанні лімінальнасці як інструмента пазнання нацыянальнага космасу. Я. Баршчэўскі стварае прастору, дзе мяжа рэальнага і дэманічнага светаў з’яўляецца прынцыпова неабавязковай. Яго Беларусь – лімінальная зона, дзе цноты і грахі матэрыялізуюцца ў выглядзе чудаў і пачвар, а галоўны герой выступае медыятарам, які збірае і трансліруе гэтыя «парогавыя» сэнсы. Ва ўкраінскай літаратуры аналагічным чынам ўспрымае рэчаінасць М. Кацюбінскі, што асабліва заўважна ў апавесці «Цені забытых продкаў» [18]. Гуцульскія Карпаты ў М. Кацюбінскага выступаюць прасторай татальнай лімінальнасці, у якой чалавек жыве ў пастаянным суіснаванні з духамі прыроды (чугайстрамі, няўкамі). Смерць каханай Марычкі стварае для галоўнага героя Івана экзістэнцыяльны «парог», на якім ён застаецца да канца жыцця: ён фізічна прысутнічае сярод людзей, але ментальна і духоўна знаходзіцца ў свеце ценяў. У гэтым творы

лімінальнасць рэалізуецца праз эратызаваную і трагічную сувязь з іншабыццём. Таксама варта ўзгадаць М. Гоголя з яго твораў «Вечары на хутары бліз Дзіканькі» [19], дзе лімінальнасць набывае карнавальны характар: ноч перад Калядамі – час, калі «парог» паміж сакральным і прафанным становіцца максімальна тонкім, дазваляючы звычайнаму чалавеку ўступаць у прамую камунікацыю з сіламі іншага свету. Такім чынам, усходнеславянская літаратурная традыцыя выкарыстоўвае міфалагічную лімінальнасць як спосаб захавання нацыянальнай ідэнтычнасці ў сітуацыі гістарычнага ціску, ствараючы гіперрэальнасць, якая з'яўляецца больш жывой, чым афіцыйны сацыяльны сімулякр.

У рускай класічнай літаратуры адбываецца псіхалагічны і анталагічны злом – грунтоўная трансфармацыя паняцця лімінальнасці як крызісу. У гэты перыяд мяжа перамяшчаецца з вонкавай прасторы ва ўнутраны свет герояў, ператвараючыся ў экзістэнцыяльны надлом. У цыкле «Пецярбургскія аповесці» М. Гоголя [20] горад выступае як лімінальная прастора, дзе рэальнасць распадаецца на фантомы, напрыклад, у аповесці «Нос». У аповесці «Палата № 6» А. Чэхава [21] лімінальнасць становіцца статычнай: бальніца ўвасабляе сабой ізалятар, у якім чалавек завісае паміж розумам і вар'яцтвам. У кантэксце тэорыі лімінальнасці фігура «маленькага чалавека» і «лішняга чалавека» ў XIX ст. набывае статус перманентнага лімінальнага суб'екта (тып асобы, які знаходзіцца ў стане анталагічнага разлому: ён ужо дэканструюваў сваю сувязь з прафаннай сацыяльнай іерархіяй, але не здолеў здзейсніць фінальны пераход да новай якасці быцця). У творчасці М. Гоголя лімінальнасць «лішняга чалавека» (напрыклад, Акакія Акакіевіча ці герояў аповесці «Неўскі праспект») набывае гратэскны і трагічны характар. Гоголеўскі герой з'яўляецца істотай, якая існуе ў лімбе паміж рэчаіснасцю і прывідам. Яго лімінальнасць – гэта «маленькі чалавек», які спрабуе спазнаць сакральны сэнс праз прафанны аб'ект (шынель), што непазбежна вядзе да ператварэння яго жыцця ў сімулякр, які распадаецца пры сутыкненні з халоднай безданню Пецярбурга.

У хронічную форму гэты стан трансфармуе А. Чэхаў. Героі яго п'ес «Тры сястры», «Дзядзька Ваня» [22] жывуць у прасторы бясконцага лімінальнага чакання. Яны ўвесь час знаходзяцца «на парозе» перамен, якія ніколі не адбудуцца. Рэфрэн *У Маскву! У Маскву!*, які гучыць у п'есе «Тры сястры», выступае як сімвалічны лімінальны вектар, прагненне трансфармацыі, якое немагчыма рэалізаваць у статычнай прасторы правінцыі [22]. Чэхаўскі «лішні чалавек» выступае як суб'ект, заблакіраваны ў прамежкавым часе. Яго існаванне адбываецца ў «шэрай зоне» паміж невыноснай паўсядзённасцю і прывідным ідэалам. Лімінальнасць тут становіцца «футлярам», спосабам самаізаляцыі ад сапраўднага жыцця, якое патрабуе дзеяння. «Лішні чалавек» і «маленькі чалавек» – гэта людзі-парогі. Яны маргіналізаваны грамадствам, паколькі іх адмова ад падтрымання сацыяльных сімулякраў робіць іх «нябачнымі» або «непатрэбнымі». З пункту гледжання нашага даследавання такія тыпы суб'ектаў з'яўляюцца прамымі папярэднікамі герояў сучаснай літаратуры, якія шукаюць ісціну ў пустэчы, асэнсоўваючы сваю «лішнясць» не як праклён, а як адзіную магчымую пазіцыю для незалежнага назіральніка.

У рамане «Майстр і Маргарыта» [23] М. Булгакаў стварае шматузроўневую лімінальнасць: «нядобрая кватэра», вар'яцкі дом і само змярканне, калі «сілы цемры» ўваходзяць у горад, з'яўляюцца парталамі паміж савецкай будзённасцю і біблейскім міфам. Ф. Дастаеўскі ператварае фізічны парог у метафізічны. Як заўважае М. Бахцін, на парозе «адбываецца крызіс, радыкальная змена, нечаканы паварот лёсу» [24, с. 101]. Гэта прастора крызісу становіцца вызначальнай для герояў М. Гоголя, М. Булгакава і Ф. Дастаеўскага, калі фізічнае перасячэнне мяжы пакоя ці кватэры азначае незваротную трансфармацыю свядомасці, што асабліва відавочна на прыкладзе Радзівона Раскольнікава ў рамане «Злачынства і пакаранне» [25] (яго каморка ўяўляе сабой не проста жылло, а прастору анталагічнага эксперымента).

У беларускай класіцы падобны надлом мы бачым у М. Гарэцкага: Ігнат Абдзіраловіч у аповесці «Дзве душы» знаходзіцца ў стане вечнай лімінальнасці, бо яго душа не вызначылася з пазіцыяй [26]. Тут лімінальнасць становіцца пасткай: калі ў міфе герой вяртаецца з абноўленым статусам, то ў мадэрнісцкай парадыгме ён застаецца на «парозе» назаўжды. Беларуская літаратура, генетычна звязаная з сітуацыяй культурнага і геапалітычнага памежжа, выпрацавала ўнікальныя формы рэалізацыі гэтага феномена. У творчасці Я. Баршчэўскага («Шляхціц Завальня» [17]) сядзіба героя выступае як гетэратопія – прастора, дзе перасякаюцца свет людзей і свет духаў. Возера, лес, начныя дарогі тут з'яўляюцца зонамі рызыкі, дзе чалавек сустракаецца з «іншым». У класічны перыяд беларускай літаратуры лімінальнасць набывае гістарычнае вымярэнне. Якуб Колас у трылогіі «На ростанях» [27] выводзіць метафару скрыжавання дарог як сімвал нацыянальнага самавызначэння. І. Мележ у рамане «Людзі на балоце» [28] трансфармуе тапаграфію ў філасофію. Балота Курані выступае як замкнёны архаічны хранатоп, ізаляваны ад вялікага гістарычнага часу, і ўяўляе сабой класічную лімінальную зону, дзе жыццё рэгулюецца прыроднымі цыкламі, а не сацыяльным прагрэсам. Выхад за межы балота раўназначны ініцыяцыі, якую, аднак, праходзяць не ўсе.

На экзістэнцыяльны ўзровень праблему лімінальнасці падывае В. Быкаў. У яго прозе (творы «Сотнікаў», «Знак бяды» [29]) сітуацыя выбару перад тварам смерці становіцца момантам ісціны, той самай

ярсперсаўскай памежнай сітуацыяй, калі чалавек або пацвярджае сваю сутнасць, або губляе яе [30]. У позняй прозе пісьменніка, прысвечанай катастрофе на ЧАЭС (апавесць «Ваўчыная яма» [31]) лімінальнасць набывае трагічную, амаль апакаліптычную афарбоўку. Зона В. Быкава ўяўляе сабой не фантастычны допуск, а рэальнасць распаду, прастору, якая выпала з гістарычнага часу. Лімінальнасць тут выражаецца праз стан «прысутнасці ў адсутнасці»: героі В. Быкава – людзі, якія засталіся на парозе паміж жыццём і смерцю, у пустэчы, дзе сацыяльныя сувязі анігіляваліся. Калі ў братоў Стругацкіх (апавесць «Пікнік на ўзбочыне» [32]) Зона² з’яўляецца лютэткам будучыні, то ў В. Быкава – лютэткам забыцця. Яго героі перажываюць лімінальнасць як канчатковую адзіноту перад тварам прыроды, якая вярнула сабе свае правы праз тэхнагенную катастрофу. Нягледзячы на розную жанравую прыроду, абодва дыскурсы сыходзяцца ў адной кропцы: Зона выступае лімінальным сімулякрам, у якім рэчаіснасць ператвараецца ў метафару. І ў братоў Стругацкіх, і ў В. Быкава чалавек у Зоне пазбаўляецца сваіх знешніх атрыбутаў і застаецца сам-насам са сваёй «агрэгатнай станцыяй» духу, гэта значыць, апынаецца ў стане «паміж», дзе мінулае ўжо разбурана, а будучыня не вызначана, стварае ўнікальную інтэнсіўнасць перажывання, якую можна акрэсліць як максімальны рэзананс паміж унутраным светам суб’екта і варажым, але сапраўдным асяроддзем. Такім чынам, лімінальнасць у гэтых творах выступае не проста як літаратурны прыём, а як метафізічная ўмова аб’ектывацыі ісціны.

Эвалюцыя лімінальнага модусу ў заходняй прозе XX–XXI стст. дэманструе паступовы пераход ад сацыяльнай ініцыяцыі да радыкальнай саматычнай і метафізічнай ізаляцыі. Для вытокаў мадэрнісцкай лімінальнасці стаіць постаць Ф. Кафкі. У яго творчасці, асабліва ў апавесці «Ператварэнне» [33], лімінальнасць набывае форму саматычнага тупіка. Грэгар Замза не проста пераходзіць у новы стан, ён захрае «паміж» чалавечым і інсектным, што робіць яго цела прасторай непераадольнага адчужэння. Гэту лінію экзистэнцыяльнай мяжы працягвае А. Камю (раман «Старонні» [34]). Яго герой, Мерса, знаходзіцца ў стане «метафізічнага лімба»: ён адчужаны ад сацыяльных эмоцый, і нават момант забойства становіцца для яго толькі фізіялагічнай рэакцыяй на сонца. Лімінальнасць тут выражаецца ў поўнай абыякавасці свету да суб’екта. Л.-Ф. Селін у рамане «Падарожжа на край ночы» [35] радыкалізуе гэты вопыт: вайна, калоніі, начны Парыж выступаюць зонамі распаду чалавечнасці. Герой Л.-Ф. Селіна, Бардаму, існуе ў перманентнай «ночы», дзе маральныя арыенціры адсутнічаюць, а жыццё ператвараецца ў выжыванне біялагічнай адзінкі. Асаблівае месца ў еўрапейскім кантэксце займае Ж. Жэнэ. У рамане «Дзённік злодзея» [36] лімінальнасць становіцца свядомым выбарам трансгрэсіі. Аўтар ператварае знаходжанне на сацыяльным дне ў своеасаблівы рэлігійны досвед. Для яго героя «парог», які існуе паміж законам і злачынствам, святасцю і нізасцю, становіцца месцам здабыцця абсалютнай свабоды. Назавём гэту з’яву этычнай лімінальнасцю, дзе зло апрацаецца ў рызы сакральнасці.

Раман Т. Мана «Чароўная гара» [37] прадстаўляе класічную лабараторную мадэль лімінальнага хранатопу. Санаторый «Берггоф» – гэта ідэальная гетэратопія, ізаляваная ад «нізіны» (звычайнага свету). Лімінальнасць тут носіць герметычны характар: Ганс Касторп трапляе ў прастору, дзе час губляе сваю лінейнасць і становіцца цыклічным, «застылым». Гэта Кастора знаходзіцца паміж жыццём і смерцю, у ёй хвароба выступае як вышэйшая форма пазнання. Саматычная лімінальнасць у Т. Мана сакралізавана: распад плоці (сухоты) адкрывае герою шлях да інтэлектуальнага выпявання. Касторп знаходзіцца ў стане «заягнутага ініцыяцыі» на працягу сямі гадоў, і гэты стан робіцца больш рэальным, чым само жыццё. Выйсці з такой лімінальнай зоны магчыма толькі праз глабальную катастрофу – Першую сусветную вайну, якая гвалтоўна вяртае героя ў гісторыю.

У прозе ранняга мадэрнізму лімінальнасць набывае характар саматычнага вычарпання. У рамане К. Гамсуна «Голад» [38] герой знаходзіцца на перманентнай псіхафізічнай мяжы: голад тут выступае не як сацыяльная праблема, а як інструмент распаду свядомасці, ператвараючы суб’ект у набор нервовых рэакцый. Гэту лінію даводзіць да абсалюту С. Бэкет. У яго п’есе «У чаканні Гадо» [39] лімінальнасць становіцца статычнай. Герой С. Бэкета – гэта істоты, якія захраслі ў «часавай пятлі», дзе акт ініцыяцыі немагчымы, бо адсутнічае сам вектар руху. У гэтай сітуацыі мае месца лімінальнасць чыстага чакання, анталагічная паўза перад метафізічнай пустэчай.

Творчая спадчына Г. Гесэ уяўляе сабой маштабнае даследаванне лімінальнасці як адзінай прасторы, дзе магчымы сапраўднае самапазнанне і трансфармацыя суб’екта. Аўтар пастуліруе, што чалавек не з’яўляецца статычнай дадзенасцю, а выступае як «мост», кропка пераходу паміж прыродай і духам. У рамане «Сідхартха» [40] лімінальнасць набывае форму пастаяннага адмаўлення ад старых ідэнтычнасцей: галоўны герой праходзіць праз каскад «парогавых» станаў (ад саманічнага аскетызму да прафаннага свету жаданняў), пакуль не дасягае кропкі абсалютнага рэзанансу на беразе ракі, якая сама па сабе з’яўляецца метафарай лімінальнага часу, дзе мінулае і будучыня існуюць адначасова. У рамане «Стэпавы воўк» [40] лімінальнасць набывае характар псіхалагічнага разлому: Гары Галер – хрэстама-

²Тут і далей пры разглядзе твораў братоў Стругацкіх і В. Быкава захоўваецца аўтарскае напісанне слоў *Зона*, *Лес* і *Упраўленне*.

тыйны лімінальны суб'ект, які завіс паміж «чалавечым» (цывілізацыйным сімулякрам) і «ваўчыным» (прыродным хаосам). «Магічны тэатр» у рамане выступае як лімінальная зона, дзе межы асобы распадаюцца, дазваляючы герою ўсвядоміць сваю множнасць. Нарэшце, у рамане «Гульня ў бісер» [41] Г. Гесэ апісвае Касталію як інтэлектуальны лімб – сакральную прастору чыстага духу, якая, аднак, патрабуе выхаду за свае межы (лімінальны акт галоўнага героя), паколькі ісціна патрабуе ахвярнага ўзаемадзеяння з прафаннай рэчаіснасцю. Такім чынам, для пісьменніка лімінальнасць з'яўляецца не крызісам, а «агрэгатным станам» душы, якая імкнецца да цэласнасці праз бясконцае перасячэнне ўнутраных і знешніх меж.

Раман «Бляшаны барабан» Г. Граса [42] прапануе ўнікальную мадэль перманентнай лімінальнасці, якая выступае як форма экзістэнцыяльнага і сацыяльнага пратэсту. Галоўны герой Оскар Мацэрэрат ва ўзросце трох гадоў прымае свядомае рашэнне спыніць свой фізічны рост, назаўсёды застаючыся ў лімінальнай прасторы паміж дзяцінствам і сталасцю. Гэта фізіялагічная стагнацыя з'яўляецца радыкальнай адмовай ад уваходжання ў прафанны свет дарослых, які ў кантэксце нацысцкай Германіі ператварыўся ў крывавае сімулякр парадку. Герой становіцца носьбітам перманентнай лімінальнасці, чый позірк знізу (з вышыні трохгадовага дзіцяці) дэканструюе абсурд і жорсткасць навакольнай рэчаіснасці. Бляшаны барабан у гэтай сістэме выступае лімінальным інструментам: яго рытм з'яўляецца не толькі спосабам камунікацыі, але і сродкам разбурэння сімулякраў (здольнасць голасам разбіваць шкло). Оскар знаходзіцца ў стане «паміж»: ён валодае інтэлектам дарослага, але захоўвае статус дзіцяці, што дазваляе яму быць нябачным назіральнікам і адначасова актыўным правакатарам. Лімінальнасць у рамане рэалізуецца як сховішча: герой адмаўляецца ад пераходу, паколькі сам свет, у які ён павінен перайсці, страціў сакральную аснову і ператварыўся ў зону татальнай энтапіі. Такім чынам, Г. Грас паказвае, што ў часы гістарычных катастроф лімінальнасць можа стаць адзінай тэрыторыяй маральнай аўтаноміі асобы.

Творчасць К. Вонегута уяўляе сабой радыкальную інтэрпрэтацыю лімінальнасці як стану інтэлектуальнага і часовага разлому ва ўмовах постмадэрну. У рамане «Калыска для кошкі» [43] ён дэканструюе сацыяльныя сімулякры праз прызму «баканізму» – рэлігіі, якая адкрыта пастуліруе сваю хлуслівасць. Лімінальнасць у творы выступае як стан паміж жаданнем веры і ўсведамленнем пустаты любога знака (сама «калыска для кошкі» – пусты пераплёт нітак, дзе няма ні калыскі, ні кошкі). Гэта акалічнасць ілюструе бадрыяраўскую тэорыю сімулякра, дзе форма цалкам замяняе адсутны змест. У рамане «Бойня нумар пяць, або Крыжовы паход дзетак» [44] лімінальнасць набывае анталагічны статус праз феномен «выпадзення з часу» галоўнага героя Білі Пілігрыма. Ён знаходзіцца ў перманентным лімінальным стане паміж мінулым (траўма Дрэздэна), сучаснасцю і будучыняй, што робіць яго суб'ектам, які існуе адначасова ва ўсіх кропках часовай шкалы. Гэта нелінейнасць успрымання сугучна аўтычнаму спектру перажывання рэчаіснасці, дзе кожны момант мае аднолькавую інтэнсіўнасць. Для К. Вонегута лімінальнасць з'яўляецца адзінай магчымай пазіцыяй гуманіста ў свеце, які рухаецца да тэхнагеннай катастрофы: знаходжанне па-за сістэмай дазваляе захаваць іранічную дыстанцыю і спачуванне да чалавецтва, якое заблыталася ва ўласных сімулякрах прагрэсу.

У творчасці пісьменнікаў «страчанага пакалення» лімінальнасць упершыню маніфэставала сябе як глыбокая гістарычная траўма і тэмпаральны разрыў. Героі Э. М. Рэмарка і Э. Хемінгуэя існуюць у пакутлівым хранатопе «пасля»: вайна знішчыла стары свет, аднак новы так і не быў народжаны. Гэты хранатоп – класічны прыклад прасторава-часовай лімінальнасці, калі персанажы завісаюць у экзістэнцыяльнай пустэчы, спрабуючы заглушыць гул нябыту рытуалізаванымі дыялогамі ў парыжскіх кафэ, якія выступаюць як транзітныя зоны, месцы вечнага чакання без надзеі на прыбыццё. Для іх лімінальнасць з'яўляецца не духоўным выбарам, а гвалтоўным выкідваннем з жыцця. Салдат, які вярнуўся з фронту, ужо не можа стаць ранейшым, але ў мірным свеце ён становіцца чужым. Гэта сітуацыя – «порог» паміж смерцю і імітацыяй жыцця. У творчасці прадстаўнікоў «страчанага пакалення», у прыватнасці Э. М. Рэмарка, лімінальнасць выступае як непераадольная экзістэнцыяльная прорва паміж камбатантам і грамадствам, дзе вопыт вайны становіцца парогам, праз які немагчыма пераступіць назад. Э. М. Рэмарк у рамане «На Заходнім фронце без змен» канстатуе: *Мы ўжо не моладзь. Мы ўжо не хочам заваёўваць свет. Мы – бежанцы. Мы бяжым ад саміх сябе. Ад свайго жыцця. Нам было васьмнаццаць гадоў, і мы толькі пачыналі любіць свет і жыццё; а нам прыйшлося страляць у яго* [45, с. 90]. Э. Хемінгуэй у кнізе ўспамінаў «Свята, якое заўсёды з табой» прыводзіць словы Г. Стайн, якія сталі маніфэстам цэлай эпохі: *Усе вы – страчанае пакаленне. <...> У вас няма павагі ні да чаго. Вы ўсе праніліся* [46, с. 32].

Перамяшчаючы фокус на Лацінскую Амерыку, мы назіраем, як лімінальнасць набывае прасторава-містычнае вымярэнне. У творчасці Х. Л. Борхеса і Х. Картасара мяжа паміж сном і явай, тэкстам і рэальнасцю спіраецца канчаткова. Лімінальная прастора ў іх творах – бібліятэка, бясконцы архіў сусвету, дзе чалавек вечна блукае ў пошуках сэнсу, знаходзячыся на парозе адкрыцця, якое ніколі не здзяйсняецца да канца. Быццё тут прыныпова гібрыднае: чужое ўрываецца ў паўсядзённае, ствараючы рэальнасць, у якой смерць выступае не фіналам, а толькі чарговай трансфармацыяй. Творчасць Х. Л. Борхеса ўяўляе сабой найвышэйшую кропку развіцця лімінальнага дыскурсу ў літаратуры XX ст. Для гэтага

аўтара свет – не матэрыяльная дадзенасць, а бясконцы тэкст, бібліятэка або люстэрка, у якіх рэчаіснасць пастаянна распадаецца на сімулякры. У навеле «Сад сцежак, якія разыходзяцца» Х. Л. Борхес стварае нелінейную мадэль часу – лімінальны стан, дзе ўсе магчымыя будучыні існуюць адначасова: *У адрозненне ад Ньютана і Шапенаўэра, ваш продак не верыў у адзіны, абсалютны час. Ён верыў у бясконцую нітку часоў, у галавакружную сетку часоў, якія разыходзяцца, сыходзяцца і паралеляцца* [47, с. 118]. Для нашага даследавання гэта акалічнасць азначае, што творца заўсёды знаходзіцца ў кропцы выбару, на парозе мільярдаў магчымасцей. Чалавек Х. Л. Борхесам успрымаецца як вандроўнік у лабірынце, які сам з’яўляецца гэтым лабірынтам. У апавяданні «Вавілонская бібліятэка» аўтар апісвае свет як бясконцую сукупнасць кніг, што ўтрымліваюць усе магчымыя камбінацыі літар. Гэта чыстая гіперрэальнасць Ж. Бадрыяра: кожная кніга уяўляе сабой знак, які можа не мець сэнсу, але сам факт яе існавання стварае структуру сусвету: *Бібліятэка – гэта сфера, дакладны цэнтр якой – любы гексагон, а акружнасць недасягальная* [48, с. 138]. Прыведзеная цытата падкрэслівае лімінальнасць пазнання: мы заўсёды знаходзімся ў цэнтры сэнсу, але ніколі не можам ахапіць межы быццёвага цэлага. Асабліваю цікавасць для аналізу «расколатай свядомасці» ўяўляе кароткая нататка «Борхес і я». У ёй апісваецца лімінальны стан паміж рэальным чалавекам і яго літаратурным двойніком (сімулякрам): *Я жыў, я дазваляю сабе жыць, каб Борхес мог плесці сваю літаратуру, і гэта літаратура апраўдвае маё існаванне* [49, с. 316]. Х. Л. Борхес даказвае, што лімінальнасць з’яўляецца не часовым станам, а фундаментальнай умовай існавання свядомасці. Мы заўсёды знаходзімся на мяжы сна і явы, паміж тэкстам і жыццём. Творчасць Х. Л. Борхеса – карта лабірынта, у якім няма выхаду, бо сам выхад з’яўляецца пачаткам новага лабірынта.

У шэдэўры Г. Г. Маркеса «Палкоўніку ніхто не піша» [50] лімінальнасць трансфармуецца ў стан вечнага статычнага чакання. Галоўны герой жыве ў часовай пятлі паміж слаўным мінулым рэвалюцыянера і прывіднай будучыняй, дзе ён павінен атрымаць пенсію. Гэта прастора чакання з’яўляецца лімінальным станам, у якім час запавольваецца, і гэты працэс дасягае кропкі абсурду. Палкоўнік знаходзіцца на мяжы гонару і голаду, жыцця і забыцця. Яго існаванне – сімулякр годнасці ў свеце, які даўно на яго забыўся. Лімінальнасць ператвараецца ў своеасаблівую форму духоўнага супраціву: пакуль палкоўнік чакае ліст, ён усё яшчэ існуе, ён усё яшчэ «стаіць» на парозе, які не дазваляе яму канчаткова знікнуць у небывісці.

Звяртаючыся да літаратуры Усходу, мы сутыкаемся з лімінальнасцю як з формай радыкальнага адчужэння і крызісу ідэнтычнасці. Японскі мадэрнізм К. Абэ ўзводзіць гэты стан у абсалют. Яго раман «Жанчына ў пясках» [51] прапануе нам мадэль герметычнай лімінальнасці: яма ў пяску становіцца замкнёным сусветам, дзе герой пазбаўляецца сацыяльных атрыбутаў і імя, ператвараючыся ў выканаўцу чыстай функцыі выжывання. Пясок – цяжкая, няўстойлівая матэрыя – сімвалізуе зыбкасць самой рэальнасці, у якой чалавек заўсёды знаходзіцца ў працэсе знікнення. Творчасць К. Абэ прапануе нам унікальную мадэль існавання суб’екта. Яе можна вызначыць як працу архітэктара ўнутры замкнёнай прасторы. Тут узнікае прынцыповая для аўтара дыхатамія: статыка ўнутранага спакою, якая лакалізавана ў цэнтры інтэр’ера, сутыкнецца з няспынным рухам вонкавага ландшафту. Менавіта праз гэты дынамічны паток стыхій герой спрабуе вярнуць сабе ідэнтычнасць, ствараючы код абуджэння ўласнай свядомасці. Японскі літаратурны дыкурс прапануе ўнікальную інтэрпрэтацыю «парогавай» свядомасці. У ёй лімінальнасць разглядаецца праз прызму маральнага выбару, эстэтызаванай смерці і метафізічнай адчужанасці.

У навеле Р. Акутагавы «Вароты Расёмон» [52] лімінальнасць лакалізавана ў канкрэтным месцы – паўразбураных варотах, якія з’яўляюцца мяжой горада-прывіда і дзікай прыроды, жыцця і смерці. Герой Р. Акутагавы знаходзіцца ў стане «маральнага лімба»: каб выжыць, ён павінен перайсці парог маралі і стаць злачынцам. Гэта лімінальнасць увасабляе сабой момант ісціны, калі цывілізацыйныя сімулякры спадаюць, агаляючы жорсткую прыроду выжывання. Ю. Місіма прадстаўляе радыкальна іншы тып лімінальнасці – эстэтычны і рытуальны. У яго творах («Залаты храм», «Патрыятызм» [53]) герой шукае кропку найвышэйшага рэзанансу паміж прыгажосцю і яе разбурэннем. Смерць (сэпуку) для Ю. Місімы з’яўляецца апошнім лімінальным актам, пераходам ад недасканалай плоці да вечнага сімвала, свядомым знаходжаннем на лязе нажа, дзе мяжа мастацтва і жыцця спіраецца ў акце самазнішчэння. Сучасная інтэрпрэтацыя гэтага стану ў Х. Муракамі («Паляванне на авечак» [54], «1Q84» [55]) трансфармуецца ў «гіперрэальны лімб». Герой Х. Муракамі – людзі, якія страцілі сувязь з рэчаіснасцю і апынуліся ў прамежкавых прасторах: пустых калодзежах, атэлях-прывідах або свеце з двума месяцамі. Лімінальнасць у Х. Муракамі ўяўляе сабой стан адчужанасці, дзе герой павінен прайсці праз «пустэчу», каб знайсці сваю сапраўдную ідэнтычнасць па-за межамі грамадства спажывання.

У рамане «Веgetарыянка» нобелеўскай лаўрэаткі Х. Ган гераіня Ён Хе спрабуе адмовіцца ад сваёй чалавечай сутнасці і ператварыцца ў дрэва. Гэта не проста вар’яцтва, а радыкальная спроба сысці ў міжвідавую прастору, дзе больш няма гвалту і сацыяльных абавязкаў. Яна завісае паміж флорай і фаўнай, маўчаннем і крыкам. Унутраны маналог гераіні дэманструе адмову ад чалавечага *Я: Мне снілася, што нехта забівае мяне... Але гэта было нармальна. Таму што я ўжо не была чалавекам* [56, с. 18]. У дадзеным творы мяжа праходзіць не па тэрыторыі, а па скуру, робячы само цела месцам балючай трансфармацыі.

Нарэшце, літаратурныя традыцыі Афрыкі і Аўстраліі адкрываюць нам посткаланіяльны аспект лімінальнасці. Тут «парогавасць» выяўляецца праз канфлікт цывілізацыі і хтанічнай моцы зямлі. У афрыканскім літаратурным дыскурсе, і перш за ўсё ў нігерыйскай традыцыі, лімінальнасць набывае рысы магічнага натуралізму. Яскравым прыкладам служыць раман Б. Окры «Галодная дарога». Галоўны герой, Азара, з'яўляецца абіку – дзіцем-духам, які адмаўляецца канчаткова пакінуць свет продкаў і цалкам увайсці ў свет жывых. Яго існаванне ўяўляе сабой перманентнае ваганне на парозе нараджэння і смерці. Сама метафара дарогі ў Б. Окры робіцца сімвалам бясконцага працэсу станаўлення, які ніколі не завяршаецца. Вядомы пісьменнік Афрыканскага кантынента, самы малады лаўрэат Букераўскай прэміі, піша: *у пачатку была рака. Рака стала дарогай, і дарога разгалінавалася на ўвесь свет. І наколькі дарога была некалі ракой, яна заўсёды галодная* [57, с. 5]. Гэты голад дарогі і ёсць прага лімінальнай прасторы паглынуць вандроўніка, пакінуць яго ў вечным «паміж». Афрыканскі раман часта змяшчае героя ў сітуацыю культурнага міжмежжа, дзе ён ужо не належыць цалкам традыцыйнаму свету продкаў, але яшчэ не прымаецца светам глабальным, застаючыся вечным вандроўнікам на скрыжаванні эпох.

Аўстралійскі кантынентальны міф прапануе нам іншае вымярэнне – храналагічны разрыў унутры геаграфічнай анамаліі. У аўстралійскай прозе пустэча ці любая іншая прыродная прастора паўстае як зона метафізічнага выпрабавання, прастора «нідзе», у якой еўрапейскі рацыяналізм рассыпаецца ў прах пры сутыкненні са старажытным «часам сноў». У культавым рамане Дж. Ліндсі «Пікнік ля Вісячай скалы» сама скала выступае як партал, зона нулявога часу, дзе законы фізікі і логікі еўрапейскай цывілізацыі губляюць сілу. Знікненне герайн – не крымінальная падзея, а метафізічны пераход у іншы рэгістр быцця. Яны не паміраюць, а раствараюцца ў ландшафце. Словы адной з герайн гучаць як формула лімінальнасці: *Усё пачынаецца і заканчваецца ў дакладна вызначаны час і ў дакладна вызначаным месцы... Але тут, на Скале, час перастае быць лінейным. Ён ператвараецца ў вечнае «зараз»* [58, с. 12].

Сярэдзіна XX ст. у амерыканскай літаратуры адзначана з'яўленнем пакалення бітнікаў, якія трансфармуюць лімінальнасць у кінетычны стан. У рамане Дж. Керуака «На дарозе» [59] сама дарога становіцца глабальным лімінальным хранатопам. Героі не перамяшчаюцца з пункту А ў пункт Б для змены статусу, яны існуюць у руху, ператвараючы стан «паміж» у адзіна магчымы спосаб быцця (*the beatific state*). У. Бэроўз радыкалізуе гэты падыход, уводзячы паняцце «інтэрзоны» – прасторы, дзе руйнуюцца межы не толькі геаграфічныя, але і фармакалагічныя. Лімінальнасць у У. Бэроўза – гэта стан свядомасці, якая муціруе пад уздзеяннем рэчываў, ствараючы галюцынаторную рэальнасць, дзе суб'ект губляе кантроль над уласнай цялеснасцю і мовай.

Творчасць класіка амерыканскай фантастыкі Ф. К. Дзіка ўяўляе сабой радыкальную інтэрпрэтацыю лімінальнасці як стану пастаяннай анталагічнай няпэўнасці. У яго знакавых творах («Убік», «Ці ма-раць андроіды пра электрычных авечак?», «Тры стыгматы Палмера Элдрыча» [60] і інш.) лімінальнасць перастае быць часовым пераходам і становіцца перманентным спосабам існавання суб'екта ў свеце татальных сімулякраў. Героі Ф. К. Дзіка – ініцыятыўныя праваднікі, якія знаходзяцца на мяжы чалавечай ідэнтычнасці і тэхнагеннай імітацыі, аб'ектыўнай рэчаіснасці і суб'ектыўных галюцынаторных сусветаў. Цэнтральнай тэмай у яго раманах з'яўляецца дэканструкцыя рэальнасці: лімінальны стан правакуецца «прарывам» іншабыцця ў паўсядзённасць, што робіць прафанны свет крохкім і несапраўдным. У рамане «Убік» лімінальнасць набывае форму «паўжыцця» – тэхналагічнага лімба паміж смерцю і поўным знікненнем свядомасці, дзе час і матэрыя падпарадкоўваюцца энтрапіі. Гэта абсалютны «парог», на якім суб'ект вымушаны шукаць ісціну ва ўмовах, дзе кожны знак з'яўляецца падробкай. Для Ф. К. Дзіка лімінальнасць з'яўляецца гнастычным досведам: толькі праз разбурэнне ілюзорнага свету (майя) і знаходжанне ў кропцы максімальнага рэзанансу з Хаосам герой здольны на імгненне ўбачыць сапраўдны твар Сусвету. Такім чынам, Ф. К. Дзік пераводзіць дыскurs лімінальнасці з плоскасці сацыяльнай ініцыяцыі ў плоскасць фундаментальнага выжывання чалавечай душы ў эпоху гіперрэальнасці.

У амерыканскай прозе канца XX ст. (Б. І. Эліс, Ч. Паланік) лімінальнасць пераходзіць у фазу агрэсіўнай саматыкі. Б. І. Эліс у рамане «Амерыканскі псіхопат» [61] даследуе феномен пустога суб'екта. Патрык Бэйтман – лімінальны герой эпохі спажывання – валодае ідэальнай сацыяльнай маскай (*status quo*), але ўнутры яго поўная анталагічная пустэча, якую ён спрабуе запоўніць праз радыкальнае парушэнне цялесных меж іншых людзей. Гэта акалічнасць дэманструе саматычную лімінальнасць у яе гранічнай форме: цела ператвараецца ў аб'ект маніпуляцыі, тавар і, урэшце, у мясную масу, пазбаўленую сакральнага сэнсу. Ч. Паланік у рамане «Байцоўскі клуб» [62] прапануе іншы вектар: добраахвотнае разбурэнне цела як спосаб вярнуць сабе адчуванне рэальнасці ў свеце сімулякраў. Тут лімінальны пераход ажыццяўляецца праз боль і самаразбурэнне, вяртаючы героя да архаічных практык ініцыяцыі ва ўрбаністычным кантэксце.

Вышэйшай кропкай развіцця лімінальнасці ў сучаснай літаратуры выступае творчасць К. Макарыці. У рамане «Дарога» [63] гэта з'ява набывае касмічны маштаб. Свет пасля катастрофы ўяўляе сабой глабальную «шэрую зону», дзе няма ні мінулага, ні будучыні. К. Макарыці малюе хранатоп, у якім героі існуюць

на апошній мяжы паміж быццём і небыццём у стане экзістэнцыяльнай ізаляцыі, дзе ўсе сацыяльныя, рэлігійныя і маральныя коды ануляваны і адзінай каштоўнасцю застаецца «нясенне агню» – захаванне іскры чалавечнасці ў прасторы поўнага распаду. Лімінальнасць тут ператвараецца ў вышэйшае выпрабаванне духу, дзе адсутнасць надзеі не адмяняе неабходнасць ісці наперад.

У сучаснай амерыканскай літаратуры (Д. Дэліла, Д. Ф. Уолес, Дж. Франзэн) лімінальнасць набывае інфармацыйны характар. У рамане Д. Дэліла «Белы шум» [64] мяжа праходзіць паміж рэальнай падзеяй і яе медыйным вобразам. Героі існуюць у «таксічным воблаку» інфармацыі, дзе смерць становіцца тэхнічнай непаладкай. Сучасны суб'ект апынаецца ў «лічбавым чыстцы»: ён прысутнічае ў сетцы, але адсутнічае ў рэальнасці. Гэта сітуацыя дэманструе новую форму адчужэння, дзе лімінальнасць становіцца не часовым выпрабаваннем, а фундаментальнай умовай існавання свядомасці ў эпоху постпраўды. Як адзначае тэарэтык культуры Ф. Джэймісан, гэта форма – шызафрэнічная фрагментацыя, у якой гістарычны час спыняецца, пакідаючы суб'екта ў вечным «зараз» [65, с. 74].

Асобны вектар у даследаванні лімінальнасці прадстаўляе літаратура Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, дзе памежжа з'яўляецца не толькі літаратурным прыёмам, але і спосабам нацыянальнага існавання. Творчасць сербскага майстра М. Павіча – абсалютнае ўвасабленне лімінальнасці ў літаратуры. У яго рамане-лексіконе («Хазарскі слоўнік» [66]), рамане-клепсідры («Унутраны бок ветру» [67]) і рамане-гаданні («Апошняя каханне ў Канстанцінопалі» [68]) чытач і герой заўсёды знаходзяцца ў стане пераходу. Лімінальнасць у рамане «Хазарскі слоўнік» выяўляецца праз хазараў – зніклы народ, які існуе толькі ў памяці іншых на мяжы гісторыі і міфа. М. Павіч літаральна рэалізуе ідэю «парога» ў наступным выказванні: *Чалавек – гэта грань паміж Богам і д'яблам* [66, с. 34]. Ён лічыць, што *хазарская малітва – гэта лодка, якая перавозіць душу праз час* [66, с. 154]. У сербскага пісьменніка лімінальнасць уяўляе сабой стан, пры якім час цячэ ў абодвух напрамках, а жывыя могуць сустракацца з мёртвымі ў прасторы сну. У рамане «Унутраны бок ветру» лімінальнасць перастае быць проста геаграфічным паняццем і становіцца спосабам існавання героя памежжа: *Леандр заўсёды адчуваў сябе як рыба ў вадзе паміж двума імперыямі, трыма вятрамі і столькімі мовамі, колькі дзьмула тут розных вятроў* [67, с. 34]. Героі М. Павіча заўсёды знаходзяцца «на парозе» свайго новага ўвасаблення, часта мяняючы плошч на тэкст. Балканская лімінальнасць глыбока распрацавана ў рамане І. Андрыча «Мост на Дрыне» [69], дзе мост – гэта не проста архітэктурнае збудаванне, а вечны лімінальны аб'ект, які злучае берагі, эпохі і рэлігіі, застаючыся непарушным у патоку часу. У творы М. Селімавіча «Дэрвіш і смерць» [70] лімінальнасць набывае экзістэнцыяльна-рэлігійны характар: галоўны герой апынаецца паміж догмамі ісламу і жывой несправядлівасцю свету, што прыводзіць яго да духоўнага «чыстца».

Раман чэшскага пісьменніка К. Чапека «Вайна з саламандрамі» [71] уяўляе сабой маштабную мадэль лімінальнага калапсу, выкліканага прагнай эксплуатацыяй Іншага. Саламандры ў К. Чапека выступаюць першапачаткова як лімінальныя істоты, якія належаць да герметычнай сакральнай прасторы акіянічных глыбін – зоны, нескранутай прафаннай чалавечай логікай. Аднак працэс іх «акультурацыі» чалавечтвом становіцца актам гвалтоўнага выцгвання суб'екта з лімінальнага стану ў сферу татальнага сімулякра. Саламандры, засвойваючы чалавечую мову, тэхналогіі і ідэалогіі, ператвараюцца ў люстраную імітацыю чалавека, пазбаўленую сакральнай сутнасці. Лімінальнасць у рамане трансфармуецца ў інструмент сатырычнай дэканструкцыі: саламандры становяцца сімулякрам рабочай сілы і салдат, што вядзе да сцірання анталагічнай мяжы паміж прыродай і цывілізацыяй. К. Чапек паказвае, што камерцыялізацыя «парогавага» вопыту і спроба падпарадкаваць стыхійны пачатак камерцыйнай выгадзе непазбежна вядуць да анігіляцыі сушы (прафаннага свету людзей). Разбурэнне мацерыкоў саламандрамі з'яўляецца сімвалічным фіналам, дзе лімінальная стыхія, пазбаўленая сваёй сакральнай дыстанцыі, паглынае цывілізацыю, якая страціла пачуццё мяжы. Такім чынам, раман служыць папярэджаннем аб тым, што ігнараванне лімінальнасці Іншага і ператварэнне яго ў функцыянальны сімулякр вядзе да незваротнага распаду анталагічнага парадку.

Польскі пісьменнік яўрэйскага паходжання Б. Шульц у рамане «Карычныя крамы» [72] стварае прастору «геніяльнай манатоннасці» і «трэцяга часу». У Б. Шульца лімінальнасць – гэта саматычны працэс мутацыі рэчаіснасці, дзе старыя рэчы ажываюць, а людзі ператвараюцца ў манекены або насякомых (што набліжае твор да рамана «Ператварэнне» Ф. Кафкі). У рамане ствараецца лімінальнасць правінцыяльнага мястэчка, якое становіцца цэнтрам сусветнай міфалогіі. Лаўрэатка Нобелеўскай прэміі В. Такарчук у рамане «Бягуны» [73] развівае ідэю «вандроўнай лімінальнасці». Для яе герояў стан пастаяннага руху, знаходжанне ў аэрапортах, гасцініцах і цягніках з'яўляецца адзінай магчымым спосабам быцця. Аўтар стварае лімінальнасць сучаснага «качэўніка», які не мае фіксаванай кропкі прывязкі, а існуе толькі ў момант пераходу.

Найбольш радыкальную форму лімінальнасці – інтэлектуальную – прапануе С. Лем. У рамане «Салярыс» [74] Акіян выступае як абсалютны лімінальны аб'ект – істота, якая з'яўляецца адначасова і свядомасцю, і біялагічнай масай, і люстэркам чалавечых траўмаў. Навукоўцы на станцыі знаходзяцца ў сітуацыі

«парогавага» кантакту: яны ўжо не могуць ігнараваць Акіян, але і не могуць яго зразумець. Сімулякры («госці», якіх стварае Акіян) – гэта матэрыялізаваная лімінальнасць памяці. Чалавек сутыкаецца з мяжой уласнага віду, дзе ўсе навуковыя даныя становяцца бессэнсоўнымі перад непазнавальным. У рамане «Непераможны» [74] С. Лем разглядае некраэвалуючыю – стан «паміж» жывой і мёртвай матэрыяй. Тут лімінальнасць уяўляе сабой кропку, у якой чалавек павінен прызнаць сваё паражэнне перад сіламі, што не маюць розуму з нашага пункту гледжання, але валодаюць дасканалай формай.

У савецкай і сучаснай рускай літаратурнай традыцыі лімінальнасць часта набывае характар «экзістэнцыяльнага завісання» паміж жыццём і смерцю, рэальнасцю і трызненнем, што стварае ўнікальную мадэль непераадольнага парога. У мастацкай філасофіі братоў Стругацкіх («Пікнік на ўзбочыне», «Слімак на схіле ўзгорка», «Гадкія лебедзі» [75] і інш.) лімінальнасць набывае характар інтэлектуальнага і эвалюцыйнага выкліку. Зона тут выступае як абсалютны «парог» паміж чалавечай цывілізацыяй і непасцігальным Іншым. Героі братоў Стругацкіх – сталкеры – тыповыя лімінальныя суб'екты, якія існуюць паміж сацыяльнай нормай і анамаліяй. У рамане «Слімак на схіле ўзгорка» гэты стан існавання дасягае апагею: лес ператвараецца ў прастору біялагічнай і сэнсавай цяжасці, дзе чалавечае Я распадаецца, сутыкаючыся з гіперрэальнасцю, якая не паддаецца лагічнай верыфікацыі. Лімінальнасць у братоў Стругацкіх заўсёды ўяўляе сабой працэс трансфармацыі, балючы пераход ад «чалавека, які існуе» да «чалавека, які ўсведамляе», пры якім кожны крок па ўмоўнай ці ўяўнай Зоне выступае як акт самапазнання праз адчужэнне. Метафізічнае паглыбленне ў творчасць братоў Стругацкіх дазваляе разгледзець лімінальнасць не толькі як знешнюю мяжу, але і як унутраную структуру цэлых цывілізацыйных мадэлей. У раманах «Слімак на схіле ўзгорка» і «Населены востраў» канцэпцыя «парога» набывае маштаб экзістэнцыяльнага і сацыяльнага лабірынта. У першым рамане лімінальнасць праяўляецца праз радыкальную дыхатамію дзвюх прастор: Упраўлення і Лесу. Упраўленне выступае як лімінальны тупік – бюракратычны лімб, дзе мова і сэнс знаходзяцца ў стане пастаяннага распаду, не ствараючы нічога рэальнага. Лес, наадварот, уяўляе сабой прастору абсалютнай біялагічнай лімінальнасці, свет пастаяннага «станаўлення», дзе межы расліннага, жывёльнага і «чалавечага» светаў размытыя. Кандыд і Перац становяцца міжвольнымі суб'ектамі гэтага пераходу, спрабуючы захаваць рацыянальную свядомасць у асяроддзі, якое больш не падпарадкоўваецца чалавечай логіцы. У гэтых творах лімінальнасць уяўляе сабой страх перад непазнавальнай будучыняй, якая паглынае мінулае.

Раман «Населены востраў» [76] прадстаўляе іншы аспект гэтай тэорыі – сацыяпалітычную лімінальнасць. Планета Саракш – свет, які застаўся ў лімінальнай пастцы пасля глабальнай катастрофы. Жыхары гэтага свету знаходзяцца ў стане пастаяннай маніпуляцыі свядомасцю, дзе гіперрэальнасць ствараецца праз выпраменьванне вежаў (класічны прыклад сімулякра Ж. Бадрыяра). Максім Камерэр, трапляючы ў гэты свет, выступае як лімінальны агент – знешняя сіла, якая спрабуе прарваць заганае кола сімуляцыі. Яго вопыт на Саракшы – шлях праз парогі чужой ідэалогіі, дзе само паняцце нормы з'яўляецца хімерай. Тут лімінальнасць рэалізуецца праз супраціў: герой знаходзіцца ў кропцы перасячэння высокаразвітай этыкі Зямлі і дэградзіраванай рэчаіснасці выспы, што стварае канфлікт, які немагчыма вырашыць без разбурэння самой сістэмы. Такім чынам, у Стругацкіх Зона, Лес ці цэлая планета-выспа становяцца метафарамі свядомасці, якая апынулася на мяжы свету, што ўжо сыходзіць, і свету, у якога яшчэ няма імя. Проза братоў Стругацкіх падкрэслівае ўніверсальнасць лімінальнага досведу, дзе творчасць і існаванне становяцца сінонімамі вечнага знаходжання «на парозе».

У аповесці «Хлопец з пекла» [77] лімінальнасць набывае характар глыбокага псіхалагічнага разлому. Галоўны герой Гаг з'яўляецца носьбітам «мілітарысцкага сімулякра». Яго свядомасць цалкам сфарміравана вайной і жорсткай іерархіяй. Трапляючы на мірную Зямлю будучыні, ён апынаецца ў абсалютным лімінальным стане: мінулае героя (пекла вайны) больш не актуальнае, а будучыня (гуманістычнае грамадства) для яго непрымальнае і незразумелае. Гаг ідзе па «парозе» паміж двума светамі, спрабуючы захаваць сваю ідэнтычнасць у асяроддзі, якое адмаўляе яго прыроду. У гэтым творы лімінальнасць рэалізуецца праз канфлікт паміж інстынктам байца і высокаразвітым розумам, які робіць героя трагічнай постацю, заўсёды чужой для абодвух бакоў.

Аповесць братоў Стругацкіх «За мільярд гадоў да канца свету» прапануе ўнікальную мадэль лімінальнасці – інтэлектуальнае памежжа чалавечага розуму і гамеастатычнага сусвету. У адрозненне ад аповесці «Пікнік на ўзбочыне», дзе лімінальная прастора (Зона) лакалізавана геаграфічна, тут «парог» знаходзіцца непасрэдна ў свядомасці герояў і іх творчай дзейнасці. Галоўныя героі – навукоўцы, якія ўшчыльную наблізіліся да адкрыццяў, здольных змяніць структуру свету. Менавіта ў гэты момант яны трапляюць у лімінальны стан. Калі разглядаць лімінальнасць праз прызму філасофскай формулы братоў Стругацкіх, паводле якой *сама сутнасць Гамеастазісу Сусвету заключаецца ў падтрыманні раўнавагі паміж узростаннем энтрапіі і развіццём* [78, с. 160], то ў гэтай мадэлі развіццё героя (яго імкненне пераадолець мяжу і змяніць свой анталогічны статус) непазбежна парушае ранейшую энтрапійную статую свету. Як вынік, Сусвет праз механізм Гамеастазісу пачынае ціснуць на суб'ект, спрабуючы вярнуць яго

ў стан ранейшай раўнавагі або знішчыць як фактар, які яго дэстабілізуе. Менавіта гэты метафізічны ціск і стварае спецыфічную атмасферу лімінальных твораў. Яна праяўляецца праз адчуванне непазбежнага напружання, экзістэнцыяльнага жаху і пагрозы, якая выходзіць ад самой прасторы і не жадае выпускаць героя са сваіх меж. Аповесць «За мільярд гадоў да канца свету» даказвае, што лімінальнасць не заўсёды з'яўляецца падарожжам. Часам яна выступае як нерухомае стаянне перад тварам непераадольнай сілы. Гэта кропка, дзе «код» (адкрыццё) сутыкаецца з «матэрыяй» (быццём), ствараючы зону максімальнай напружанасці, у якой чалавек або ламаецца, або ператвараецца ў нешта большае.

Раман-паэма В. Ерафеева «Масква – Петушкі» [79] з'яўляецца эталонным тэкстам транзітнай лімінальнасці. Электрычка выступае не проста як транспарт, а як лімінальная прастора. Праз алкагольную трансгрэсію герой трапляе ў стан, дзе адзрозненні паміж анёламі і кандуктарамі сціраюцца. Яго шлях – гэта метафізічны трып, які заканчваецца не ў Петушках (утопіі), а ў невядомым пад'ездзе, што сімвалізуе смерць як адзіны парог, які нельга перайсці двойчы. У ХХІ ст. руская літаратура пераходзіць да даследавання лімінальнасці праз «паломку» фізіялагічных і сацыяльных нормаў. У рамане А. Сальнікава «Пятровы ў грыпе і вакол яго» лімінальнасць рэалізуецца праз стан грыпознага трызнання. Хвароба становіцца медытарам, які размывае мяжу шэрай будзённасці Екацерынбурга і міфічнай, амаль паганскай рэчаіснасці. Тут мае месца вірусная лімінальнасць, дзе суб'ект больш не кантралюе сваю свядомасць, становячыся правадніком хаосу: *Пятроў ханіўся сябе і зразумеў, што не адчувае ні найменшай прыкметы якога-небудзь пахмелля, акрамя нейкай адчужанасці сваёй свядомасці ад свайго цела, не поўнай адчужанасці, не, а нейкага ледзь прыкметнага люфта паміж цялесным і разумовым, які пагаршаўся звычайна маркотнай млоснасцю, якой не было выйсця, і галаўным болем* [80, с. 24].

Для В. Пялёвіна лімінальнасць з'яўляецца не проста тэмай, а фундаментальным анталагічным прынцыпам. У яго тэкстах («Чапаеў і Пустэча» [81], «Generation “П”» [82], «Empire “V”» [83], «KGBT+» [84]) лімінальны хранатоп размывае межы аб'ектыўнай рэальнасці і галюцынаторнага сімулякра. Тут мы сутыкаемся з ілюзорнай лімінальнасцю: пратаганіст у В. Пялёвіна пастаянна «пераходзіць мяжу» (праз псіхадэлічны вопыт, лічбавую трансфармацыю або рэлігійны экстаз), каб у фінале высветліць, што ніякага «парога» не існавала, як не існавала і самога суб'екта. Лімінальнасць у В. Пялёвіна – гэта стан свядомасці, якая знаходзіцца ў «лічбавым чыстцы», ператварэнне чалавека ў інфармацыйны паток, дзе саматычнае (цялеснае) цалкам выцясняецца віртуальным. Парог тут становіцца не месцам пераходу, а месцам поўнага анулявання асобы. Многія сучасныя аўтары, такія як У. Сарокін (у ранніх тэкстах) або маладыя прадстаўнікі «новай драмы», паказваюць цела як лімінальны аб'ект, які падвяргаецца сацыяльнай вівісекцыі.

Завяршальным этапам аналізу становіцца рэалізацыя лімінальнага хранатопу ў сучаснай беларускай і ўкраінскай літаратурах, дзе катэгорыя «памежжа» характарызуецца асаблівай саматычнай і сацыяльнай вастрынёй. Ва ўкраінскай прозе лімінальнасць развіваецца праз даследаванне меж чалавечага і іранічную дэканструкцыю міфаў. У рамане «Перверзія» [85] Ю. Андруховіч стварае прастору карнавальнай лімінальнасці. Герой твора знаходзіцца ў Венецыі – горадзе-парозе паміж Усходам і Захадам, мінулым і будучыняй, рэальным жыццём і маскарадам. Гэта лімінальнасць інтэлектуальная, дзе суб'ект губляецца ў лабірынце культурных цытат. Т. Прахаська ў рамане «НепрОсті» [86] прапануе варыянт геаграфічнай лімінальнасці Карпат. Тут час запавольваецца, а грані паміж чалавекам і прыродай сціраюцца. Яго героі з'яўляюцца лімінальнымі істотамі, якія валодаюць асаблівым веданнем, жывучы на мяжы рэальнага і магічнага.

У мастацкім свеце прозы А. Федарэнкі («Мяжа», «Вёска» [87]) лімінальнасць пазбаўлена знешняй атрыбутыкі радыкальнага жэста, яна носіць характар перманентнага экзістэнцыяльнага завісання. Хранатоп у творах А. Федарэнкі заўсёды ўяўляе сабой прастору «паміж»: паміж страчанай вясковай архаікай і непрытульнай гарадской прагматыкай, высокім ідэалам і побытавай дробнасцю. У яго творах пратаганісты знаходзяцца ў стане лімінальнага сталення, якое ніколі не заканчваецца фінальнай ініцыяцыяй, стане вечнага транзіту, дзе чалавек ужо не належыць свайму мінуламу, але не знаходзіць сабе месца ў будучыні. Саматычны аспект у творчасці А. Федарэнкі выяўляецца праз асаблівую фізіялагічную стомленасць – апатыю духу, якая робіць героя чужым у любым хранатопе. Мяжа ў аўтара праходзіць не па геаграфічных аб'ектах, а па самой тканцы паўсядзённасці, ператвараючы жыццё ў шэрую зону непрыкаянасці.

Асаблівае месца ў беларускім літаратурным дыскурсе займае творчасць В. Казько, якая характарызуецца глыбока нацыянальным і адначасова касмічным поглядам на лімінальнасць. Пісьменнік даследуе лімінальнасць праз прызму экалагічнай і маральнай катастрофы. У рамане «Бунт незапатрабаванага праху» [88] межы, што раздзяляюць жывое і мёртвае, памяць і забыццё, становяцца пранікальнымі. Такім чынам узнікае стан посткатастрофы, дзе чалавек спрабуе сабраць сваю ідэнтычнасць з аскепкаў мінулага. Прах тут – метафара суб'екта, які ўжо пазбаўлены сацыяльнай плоці, але ўсё яшчэ валодае воляй да бунту.

Вяршыню радыкальнай лімінальнасці ў беларускім постмадэрнізме прадстаўляе творчасць І. Сіна. Яго тэксты – гэта паток станаў, дзе няма класічнага героя, а ёсць толькі пэўныя вузлы напружання. Лімінальнасць у аўтара становіцца моўнай: само слова завісае паміж сэнсам і гукам, што ілюструе тэзіс Ж. Дэлёза пра «лінію сходу» (*ligne de fuite*) [89], якая выводзіць суб'екта за межы структуры. У мастацкай прасторы рамана «Libido» феномен лімінальнасці маніфестуецца не як часовы стан суб'екта, а як яго фундаментальная анталагічная характарыстыка. Памежжа канцэптуалізуецца праз аўтарскую лексіку (катэгорыі «міжчасе», «міжмоўе» і «міжладдзе» [90, с. 40]), якія дэманструюць стан анталагічнай няпэўнасці суб'екта. Увага гераіні да мікрадэфектаў матэрыяльнага свету інтэрпрэтуецца як пошук «ліній сходу» Ж. Дэлёза – трансгрэсіі: менавіта ў моманты незавершанасці і памылак структуры выяўляецца сапраўдная чалавечая прысутнасць.

У межах сучаснага беларускага літаратурнага працэсу ўнікальным з'яўляецца творчасць Ю. Станкевіча, які выступае як дэміург асаблівага тыпу лімінальнасці – саматычна-дэструктыўнай лімінальнасці. Калі ў класічным мадэрнізме лімінальнасць вяла да абнаўлення статусу, то ў Ю. Станкевіча яна становіцца «кропкай незвароту», дзе суб'ект трапляе ў прастору татальнай энтрапіі. У раманах і апавесцях пісьменніка («Любіць ноч – права пацукоў», «П'яўка», «Мільярд удараў», «Бесапатам», «Ізмурудна-зялёныя мухі» [91] і інш.) беларуская прастора маркіруецца як гетэратопія распаду. Героі Ю. Станкевіча – гэта суб'екты, якія існуюць у метафізічным і фізіялагічным інтэрвале паміж згасаючай савецкай рэчаіснасцю і агрэсіўнай безаблічнасцю глабалізму. Гэты «ззор» і з'яўляецца лімінальнай зонай, у якой чалавек губляе сваю анталагічную апору, калі лімінальнасць выступае не як парог умоўнага храма, а як парог бездані. Найбольш важным аспектам даследавання тэкстаў Ю. Станкевіча з'яўляецца стан саматычнай лімінальнасці, калі цела становіцца галоўным месцам рэалізацыі крызісу. Яно пастаянна знаходзіцца ў працэсе «пераходу» праз боль, хваробу ці гвалт. Суб'ект прозы Ю. Станкевіча – гэта часта цела-для-смерці, якое праз фізічныя пакуты спрабуе намагацца межы сваёй ідэнтычнасці і такім чынам набывае радыкальны саматычны вопыт, калі дух выпяняецца біялагічным жахам. Межы цела ў яго творах часта размываюцца ў забруджаным, таксічным асяроддзі, ствараючы феномен «лімінальнасці, якая муціруе», дзе чалавек перастае быць сабой, але яшчэ не становіцца іншым, захрасаючы ў жахлівай прамежкавай форме. Трэба заўважыць, што прэзінтэкс таксама працуе з сацыяльнай лімінальнасцю (напрыклад, «Любіць ноч – права пацукоў»). Яго героямі становяцца маргіналы, людзі «на ўзбочыне», якія назіраюць за разбурэннем цывілізацыі. Пісьменнік паказвае лімінальнасць як стан нацыянальнай і экзістэнцыяльнай катастрофы, дзе парог становіцца месцам жорсткага сутыкнення з іншым. Для Ю. Станкевіча характэрна разуменне лімінальнасці як перманентнага паражэння. Яго героі не праходзяць ініцыяцыю, яны фіксуюць калапс. Гэта лімінальнасць тупіка, дзе кожны акт трансгрэсіі заканчваецца не выхадам на новы ўзровень, а саматычнай ліквідацыяй. Ю. Станкевіч трансфармуе беларускі экзістэнцыялізм у форму «чорнага метафізічнага рэалізму», дзе парог паміж быццём і небыццём з'яўляецца адзінай сапраўднай тэрыторыяй, на якой яшчэ магчыма зрабіць мастацкае выказванне. Такая інтэрпрэтацыя дазваляе ўпісаць яго творчасць у сусветны кантэкст побач з амерыканскім бітніцтвам, усходнім аскетызмам і заходняй трансгрэсіўнай літаратурай мяжы XX–XXI стст., аднак з істотным нацыянальным удакладненнем: калі заходняя лімінальнасць уяўляе сабой крызіс перасычанасці, то лімінальнасць Ю. Станкевіча – крызіс выжывання ў прасторы анталагічнага голаду.

Разглядаючы праблему героя ў каардынатах сучаснасці, Г. М. Кісліцына падкрэслівае важную ролю экзістэнцыяльнага крызісу як каталізатара творчых змен, што сугучна з канцэпцыяй лімінальнага пераходу. Паводле меркавання даследчыцы, спецыфіка нацыянальнага мастацкага дыскурсу абумоўлена яго існаваннем у зоне пастаяннага культурнага дыялогу, што стварае эффект памежнасці як натуральнага асяроддзя для развіцця сучасных жанраў [92]. Лімінальнасць больш не з'яўляецца часовым этапам ініцыяцыі. Яна ператварылася ў перманентную ўмову існавання сучаснага суб'екта. Калі ў мадэрнізме «парог» быў выпрабаваннем, то ў постмадэрнізме ён становіцца адзіным магчымым месцам жыцця. Сучасны герой – гэта вечны вандроўнік у прастору паміж сэнсамі, чыё цела і свядомасць з'яўляюцца галоўнай арэнай гэтай бясконцай трансгрэсіі.

Заклучэнне

Праведзены аналіз дапамог выявіць, што лімінальнасць з'яўляецца адной з фундаментальных катэгорый сучаснага літаратуразнаўства, якая дазваляе апісаць стан чалавека ў сітуацыі анталагічнай і сацыякультурнай нявызначанасці. Лімінальнасць у літаратурным працэсе эвалюцыяніравала ад рытуальнага механізма ініцыяцыі да ўніверсальнага метафізічнага стану, у якім сучасны суб'ект знаходзіць адзіную магчымасць захавання сваёй аўтэнтычнасці праз пастаяннае існаванне на мяжы сэнсаў. Лімінальны хранатоп у літаратуры – гэта зона максімальнай сэнсавай напружанасці, дзе праз разбурэнне старых структур адбываецца нараджэнне новых мастацкіх форм і ідэнтычнасцей. Падводзячы вынікі,

варта адзначыць, што катэгорыя лімінальнасці ў сучасным навуковым і мастацкім дыскурсе перастае быць выключна інструментам апісання пераходных абрадаў, набываючы статус фундаментальнай экзістэнцыяльнай канстанты. Сінтэз сакральных традыцый мінулага, метафізічных лабірынтаў Х. Л. Борхеса, энтапійных зон В. Быкава, Ю. Станкевіча, братоў Стругацкіх і іншых аўтараў дазваляе інтэрпрэтаваць стан «паміж» як адзіную прастору, дзе магчыма захаванне сапраўднай суб'ектыўнасці ва ўмовах татальнай сімуляцыі. Даследаванне паказвае, што менавіта на мяжы рацыянальнага і ірацыянальнага, тэхнагеннага і прыроднага, калектыўнага і індывідуальнага латэнтна фарміруецца новая мадэль чалавека – суб'екта, які здольны не толькі існаваць у сітуацыі пастаяннай нявызначанасці, але і выкарыстоўваць гэты лімінальны рэзананс як крыніцу бесперапыннага творчага станаўлення. Такім чынам, мастацтва становіцца не месцам уцёкаў ад рэчаіснасці, а адзінай лакацыяй, дзе гэта рэчаіснасць можа быць нанова асэнсаванай і дэканструяванай, што адкрывае перспектывы для далейшага вывучэння меж чалавечай свядомасці ў эпоху гіперрэальнасці.

Катэгорыя лімінальнасці ў літаратуры прайшла складаную эвалюцыю: ад сакральнага парога ў міфалагічнай карціне свету да «экзістэнцыяльнага тупіка» мадэрнізму і татальнай трансгрэсіі постмадэрнізму. Сённяшні літаратурны герой – гэта часта вандроўнік па руінах сэнсаў, які шукае апору не ў знешніх сацыяльных структурах, а ва ўласнай цялеснасці або мове. Для беларускай літаратуры лімінальны хранатоп з'яўляецца арганічнай формай асэнсавання нацыянальнага быцця, якое гістарычна разгортваецца ў прасторы «паміж» (паміж Усходам і Захадам, вёскай і горадам, традыцыяй і глабалізацыяй). Менавіта ў гэтай памежнасці крыецца магутны генератыўны патэнцыял, які дазваляе беларускай культуры ствараць унікальныя мастацкія тэксты, сугучныя сусветным пошукам ідэнтычнасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. ван Геннеп А. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. Лукьянова ИВ, переводчик. Москва: Восточная литература; 1999. 198 с.
2. Тернер В. *Символ и ритуал*. Мыльников АС, переводчик. Москва: Наука; 1983. 277 с.
3. Фуко М. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3*. Москва: Практикс; 2006. Другие пространства (гетеротопии); с. 191–204.
4. Элиаде М. *Миф о вечном возвращении*. Васильева АА, переводчик. Санкт-Петербург: Алетейя; 1998. 250 с.
5. Ясперс К. *Философия. Книга 2, Просветление экзистенции*. Судakov AK, переводчик. Москва: Канон +; 2012. 448 с.
6. Крестева Ю. *Силы ужаса: эссе об отвращении*. Костинова А, переводчик. Москва: Академический проект; 2003. 256 с.
7. Отто Р. *Святое. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным*. Руткевич АМ, переводчик. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2008. 304 с.
8. Бадрийяр Ж. *Симулякры и симуляция*. Качалов А, переводчик. Москва: Постум; 2015. 240 с.
9. Кэмпбелл Дж. *Тысячеликий герой*. Санкт-Петербург: Питер; 2025. 352 с.
10. Элиаде М. *Священное и мирское*. Москва: Издательство Московского государственного университета; 1994. 144 с.
11. Элиаде М. *Шаманизм: архайческие техники экстаза*. Киев: София; 2000. 480 с.
12. Афанасьев АН. *Поэтические воззрения славян на природу*. Москва: Современный писатель; 1995. 414 с.
13. Пропп ВЯ. *Исторические корни волшебной сказки*. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета; 1986. 370 с.
14. Гомер. *Одиссея*. Вересаев ВВ, переводчик. Москва: Просвещение; 1987. 350 с.
15. Алигьери Д. *Божественная комедия*. Лозинский МЛ, переводчик. Москва: Художественная литература; 1967. 624 с.
16. ле Гофф Ж. *Рождение чистилища*. Бабинцев В, Краева Т, переводчики. Екатеринбург: У-фактория; 2009. 544 с.
17. Баршчэўскі Я. *Шляхіцэ Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1990. 383 с.
18. Кацюбінскі ММ. *Творы. Том 2, Аповесці і апавяданні*. Мінск: Навука і тэхніка; 1992. 420 с.
19. Гоголь НВ. *Собрание сочинений. Том 1, Вечера на хуторе близ Диканьки*. Москва: Художественная литература; 1984. 319 с.
20. Гоголь НВ. *Собрание сочинений. Том 3, Повести*. Москва: Художественная литература; 1984. 303 с.
21. Чехов АП. *Полное собрание сочинений и писем. Том 8*. Москва: Наука; 1985. 528 с.
22. Чехов АП. *Полное собрание сочинений и писем. Том 13*. Москва: Наука; 1986. 530 с.
23. Булгаков МА. *Собрание сочинений. Том 5, Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература; 1990. 734 с.
24. Бахтин ММ. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Im-Werden-Verlag; 2002. 167 с.
25. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 6, Преступление и наказание*. Ленинград: Наука; 1973. 423 с.
26. Гарэцкі МІ. *Збор твораў. Том 2, Аповесці*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1985. 414 с.
27. Колас Я. *Збор твораў. Том 9, На ростанях*. Мінск: Беларуская навука; 2007. 765 с.
28. Мележ ІП. *Збор твораў. Том 6, Людзі на балоце*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1979. 510 с.
29. Быкаў ВУ. *Знак бяды*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1984. 284 с.
30. Ясперс К. *Введение в философию*. Михайлов АА, переводчик. Минск: Пропилеи; 2000. 192 с.
31. Быкаў ВУ. *Ваўчыная яма*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2001. 188 с.
32. Стругацкі АН, Стругацкі БН. *Пикник на обочине*. Москва: Текст; 1991. 156 с.
33. Кафка Ф. *Превращение*. Апт С, переводчик. Санкт-Петербург: Азбука; 2015. 288 с.
34. Камю А. *Посторонний*. Галь Н, переводчик. Москва: АСТ; 2014. 160 с.
35. Селин ЛФ. *Путешествие на край ночи*. Корнеев ЮБ, переводчик. Санкт-Петербург: Азбука; 2015. 448 с.
36. Жэнэ Ж. *Дневник вора*. Мавлевич НП, переводчик. Москва: Гилея; 2005. 304 с.
37. Манн Т. *Волшебная гора*. Курелл В, переводчик. Москва: АСТ; 2011. 912 с.

38. Гамсун К. *Голод*. Балтрушайтис Ю, переводчик. Санкт-Петербург: Азбука; 2018. 224 с.
39. Беккет С. *В ожидании Годо*. Наумов А, переводчик. Москва: Текст; 2009. 156 с.
40. Гессе Г. *Сиддхартха. Степной волк*. Москва: АСТ; 2014. 416 с.
41. Гессе Г. *Игра в бисер*. Апт С, переводчик. Санкт-Петербург: Азбука; 2013. 544 с.
42. Грасс Г. *Жестяной барабан*. Апт С, переводчик. Москва: Махаон; 2005. 608 с.
43. Воннегут К. *Колыбель для кошки*. Райт-Ковалева Р, переводчик. Москва: АСТ; 2010. 288 с.
44. Воннегут К. *Бойня номер пять, или Крестовый поход деток*. Райт-Ковалева Р, переводчик. Москва: Эксмо; 2015. 256 с.
45. Ремарк ЭМ. *На Западном фронте без перемен*. Фёдорова Н, переводчик. Москва: АСТ; 2023. 288 с.
46. Хемингуэй Э. *Праздник, который всегда с тобой*. Брук М, Петрова Л, Хитрук Ф, переводчики. Москва: АСТ; 2023. 256 с.
47. Борхес ХЛ. *Сад расходящихся тропок*. Санкт-Петербург: Азбука; 2014. 320 с.
48. Борхес ХЛ. *Лабиринты: выбранные творы*. Шупа С, перекладчык. Мінск: Радыёла-плюс; 2007. Вавілонская бібліятэка; с. 138–147.
49. Борхес ХЛ. *Лабиринты: выбранные творы*. Шупа С, перекладчык. Мінск: Радыёла-плюс; 2007. Борхес і я; с. 316–317.
50. Маркес ГГ. *Полковнику никто не пишет*. Столбов В, переводчик. Москва: АСТ; 2011. 160 с.
51. Абэ К. *Женщина в песках*. Гривнин В, переводчик. Санкт-Петербург: Кристалл; 2000. 448 с.
52. Акутагава Р. *Ворота Расёмон*. Москва: Эксмо; 2011. 608 с.
53. Мисима Ю. *Золотой Храм*. Чхартишвили Г, переводчик. Санкт-Петербург: Северо-Запад; 1993. 480 с.
54. Мураками Х. *Охота на овец*. Коваленин Д, переводчик. Санкт-Петербург: Амфора; 2003. 430 с.
55. Мураками Х. *1Q84. Книга 1, Октябрь – декабрь*. Коваленин Д, переводчик. Москва: Эксмо; 2011. 512 с.
56. Хан Г. *Вегетарианка*. Михеева ЛВ, переводчик. Москва: АСТ; 2018. 320 с.
57. Окри Б. *Голодная дорога*. Блейз А, переводчик. Москва: Иностранка; 2011. 672 с.
58. Линдси Дж. *Пикник у Висячей скалы*. Капустина В, переводчик. Москва: Азбука; 2014. 256 с.
59. Керуак Дж. *На дороге*. Коган В, переводчик. Санкт-Петербург: Азбука; 2012. 352 с.
60. Дик ФК. *Убик. Мечтают ли андроиды об электроовцах? Три стигмата Палмера Эдрича*. Москва: Эксмо; 2011. 800 с.
61. Эллис БИ. *Американский психопат*. Парусова ТЮ, переводчик. Москва: АСТ; 2003. 544 с.
62. Паланик Ч. *Бойцовский клуб*. Кормильцев И, переводчик. Москва: АСТ; 2004. 256 с.
63. Маккарти К. *Дорога*. Степаненко Ю, переводчик. Москва: Азбука; 2010. 256 с.
64. Делилло Д. *Белый шум*. Грецкая Г, переводчик. Москва: Корпус; 2015. 480 с.
65. Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. Узланер Д, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2019. 808 с.
66. Павич М. *Хазарский словарь: роман-лексикон в 100 000 слов*. Савельева Л, переводчик. Москва: Азбука; 2017. 352 с.
67. Павич М. *Внутренняя сторона ветра. Роман о Геро и Леандре*. Савельева Л, переводчик. Москва: Эксмо; 2024. 224 с.
68. Павич М. *Последняя любовь в Константинополе: роман-гадание*. Савельева Л, переводчик. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2005. 192 с.
69. Андрич И. *Мост на Дрине*. Волконский М, переводчик. Москва: Художественная литература; 1985. 336 с.
70. Селимович М. *Дервиш и смерть*. Слуцкий Б, Савельева Л, переводчики. Москва: Художественная литература; 1987. 384 с.
71. Чапек К. *Война с саламандрами*. Аксель Т, Кондратьев С, переводчики. Москва: Художественная литература; 1985. 256 с.
72. Шульц Б. *Коричневые лавки. Санатория под клепсидрой*. Цивьян Л, переводчик. Москва: Известия; 1990. 400 с.
73. Токарчук О. *Бегуны*. Гессен Э, переводчик. Москва: Эксмо; 2020. 416 с.
74. Лем С. *Солярис. Непобедимый*. Гуревич Г, Брускин Д, переводчики. Москва: АСТ; 2010. 416 с.
75. Стругацкий АН, Стругацкий БН. *Пикник на обочине. Улитка на склоне. Гадкие лебеди*. Москва: АСТ; 2016. 608 с.
76. Стругацкий АН, Стругацкий БН. *Обитаемый остров*. Москва: АСТ; 2015. 416 с.
77. Стругацкий АН, Стругацкий БН. *Парень из преисподней*. Москва: АСТ; 2018. 224 с.
78. Стругацкий АН, Стругацкий БН. *За миллиард лет до конца света*. Москва: АСТ; 2021. 224 с.
79. Ерофеев ВВ. *Москва – Петушки*. Москва: АСТ; 2019. 192 с.
80. Сальников АБ. *Петровы в гриппе и вокруг него*. Москва: АСТ; 2017. 416 с.
81. Пелевин ВО. *Чапаев и Пустота*. Москва: АСТ; 2023. 416 с.
82. Пелевин ВО. *Generation «П»*. Москва: АСТ; 2022. 384 с.
83. Пелевин ВО. *Empire «V»*. Москва: АСТ; 2023. 416 с.
84. Пелевин ВО. *KGBT+*. Москва: Эксмо; 2022. 560 с.
85. Андрухович Ю. *Перверзія*. Івано-Франковск: Лілея-НВ; 1999. 192 с.
86. Прохасько ТБ. *НепрОсті*. Івано-Франковск: Лілея-НВ; 2002. 140 с.
87. Федарэнка АМ. *Мяжа. Вёска*. Мінск: Кнігазбор; 2011. 304 с.
88. Казько ВА. *Бунт незапатрабаванага праху*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2013. 287 с.
89. Делёз Ж. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Свирский ЯИ, переводчик. Екатеринбург: У-фактория; 2010. 895 с.
90. Сін І. *Libido*. Мінск: Кнігазбор; 2019. 140 с.
91. Станкевіч Ю. *Любіць ноч – права пацую*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2000. 302 с.
92. Кісліцына ГМ. *Культурны градыент: ідэі, маніфесты, кірункі беларускай літаратуры на мяжы XX–XXI стагоддзяў*. Мінск: Права і эканоміка; 2015. 169 с.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 14.04.2026.
Received by editorial board 14.04.2026.

УДК 82.091

НАРРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ТРАВЕЛОГОВ 1920-х гг. НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ГОРЕЦКОГО И ДЖ. ТУМЕРА

Т. А. ДАНИЛОВА¹⁾, А. В. ДАНИЛЕНКО²⁾

¹⁾Минский городской машиностроительный колледж,
ул. Долгобродская, 25, 220070, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проводится сравнительно-нарратологический анализ белорусских и американских травелогов 1920-х гг. на примере цикла «Сибирские образки» М. Горьцкого и сборника «Тростник» Дж. Тумера. В исследовании травелог рассматривается как универсальный жанр, в котором движение в пространстве, встреча с Другим и саморефлексия путешественника становятся основой формирования нарративной структуры. Показывается, что, несмотря на различный культурный генезис, в обоих произведениях используется рефлексия над путешествием как способ осмысления идентичности. Такой прием позволяет увидеть в травелог универсальную художественную форму, способную отражать сходные модели восприятия пространства. Практическая значимость исследования заключается в разработке нарратологической модели анализа, которая может быть использована в последующих структурных компаративных исследованиях.

Ключевые слова: травелог; нарративная структура; компаративное исследование; время и пространство; нарратор; фокализатор.

НАРАТЫЎНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ БЕЛАРУСКІХ І АМЕРЫКАНСКІХ ТРАВЕЛОГАЎ 1920-х гг. НА ПРЫКЛАДЗЕ ТВОРАЎ М. ГАРЭЦКАГА І ДЖ. ТУМЕРА

Т. А. ДАНИЛАВА^{1*}, А. В. ДАНИЛЕНКА^{2*}

^{1*}Мінскі гарадскі машынабудаўнічы каледж,
вул. Даўгабродская, 25, 220070, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Праводзіцца параўнальна-нараталагічны аналіз беларускіх і амерыканскіх травелогаў 1920-х гг. на прыкладзе цыкла «Сібірскія абразкі» М. Гарэцкага і зборніка «Трыснёг» Дж. Тумера. Травелог вылучаецца як універсальны жанр, у якім рух у прасторы, сустрэча з Іным і самарэфлексія падарожніка становяцца асновай для фарміравання наратыўнай структуры. Даказваецца, што, нягледзячы на розны культурны генезіс, у абодвух творах выкарыстоўваецца рэфлексія над падарожжам у якасці спосабу асэнсавання ідэнтычнасці. Такі прыём дазваляе

Образец цитирования:

Данилова ТА, Даниленка АВ. Нарративные особенности белорусских и американских травелогов 1920-х гг. на примере произведений М. Горьцкого и Дж. Тумера. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;2:30–36.
EDN: BJTETD

For citation:

Danilava TA, Danilenka AV. Narrative features of Belarusian and American travelogues of the 1920s: a case study of works by M. Gorky and J. Toomer. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;2:30–36. Belarusian.
EDN: BJTETD

Авторы:

Татьяна Александровна Данилова – преподаватель.
Анастасия Витальевна Даниленко – преподаватель-стажер кафедры зарубежной литературы филологического факультета.

Authors:

Tatsiana A. Danilava, lecturer.
belfil.rpi.oit@gmail.com
Anastasia V. Danilenko, trainee lecturer at the department of foreign literature, faculty of philology.
annasdanilenko@mail.ru

ўбачыць травелог як універсальную мастацкую форму, здольную адлюстроўваць аналагічныя мадэлі ўспрымання прасторы. Практычная значнасць даследавання заключаецца ў распрацоўцы нараталагічнай мадэлі аналізу, якая можа выкарыстоўвацца ў далейшых структурных кампаратыўных даследаваннях.

Ключавыя словы: травелог; наратыўная структура; кампаратыўнае даследаванне; час і прастора; наратар; факалізатар.

NARRATIVE FEATURES OF BELARUSIAN AND AMERICAN TRAVELOGUES OF THE 1920s: A CASE STUDY OF WORKS BY M. HARETSKI AND J. TOOMER

T. A. DANILAVA^a, A. V. DANILENKA^b

^aMinsk City Mechanical Engineering College, 25 Dawgabrodskaja Street, Minsk 220070, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: T. A. Danilava (belfil.rpi.oit@gmail.com)

Abstract. The article is devoted to a comparative narratological analysis of Belarusian and American travelogues of the 1920s, using the cycle «Sibirskiya abrazki» by M. Haretski and the collection of prose, poetry and drama titled «Cane» by J. Toomer as case studies. The study examines the travelogue as a universal genre in which spatial movement, the encounter with the *Other*, and the traveler's self-reflection become the foundation for the formation of narrative structure. The article demonstrates that, despite their different cultural origins, both works employ reflection on travel as a means of comprehending identity, which allows the travelogue to be seen as a universal artistic form capable of reflecting analogous models of spatial perception. The practical significance of the research lies in the development of a narratological model of analysis that can be used in subsequent structural comparative studies.

Keywords: travelogue; narrative structure; comparative study; time and space; narrator; focaliser.

Уводзіны

Кампаратыўнае вывучэнне наратываў у прозе М. Гарэцкага (цыкл «Сібірскія абразкі») і Дж. Тумера (зборнік «Трыснёг») дазваляе вызначыць структурныя аналогіі ў беларускіх і амерыканскіх травелогах 1920-х гг. Асабліва інфарматыўнымі з'яўляюцца характарыстыкі такіх структурных складнікаў травелогаў, як наратарская інстанцыя, арганізацыя часу і прасторы, механізмы кумуляцыі і паўтараў, а таксама спосабы ўключэння ў тэкст дакументальнага і мастацкага элементаў. Мэтай вывучэння цыкла «Сібірскія абразкі» з'яўляецца аналіз мазаічнай кампазіцыі, сістэмы ітэрацый і ролі адзінага факалізатара, які аб'ядноўвае фрагменты ў цэласны наратыв. У даследаванні тэкстаў са зборніка «Трыснёг» патрабуюць разгляду арнаментальная структура, узаемадзеянне лірычных і празаічных элементаў, а таксама спецыфіка псіхалагізаванага наратыву.

Тэарэтычныя асновы даследавання

Травелог як жанр узнікае з-за патрэбы асэнсаваць перамяшчэнне ў прастору і зафіксаваць яго як феноменалагічны досвед. Такая патрэба з'яўляецца галоўнай мэтай стварэння падарожных нататак, таму што само падарожжа як факт яшчэ не будзе наратывам. Наратыв узнікае тады, калі чалавек пачынае апісваць убачанае і перажытае. Гэту заканамернасць пацвярджаюць словы В. І. Цюпы: «Аб «факце» як адзінкавым стане некаторага аспекту быцця немагчыма гаварыць або думаць без тэксту, які фіксуе гэты стан»¹ [1, с. 6]. Падобнай думкі прытрымліваецца В. Шмід. Паводле яго тэорыі, факт у літаратуры выступае не як аб'ектыўная падзея, а як наратывная канструкцыя, тое, што зафіксавана наратывнай інстанцыяй: «Падобна таму, як гісторык стварае ўласную гісторыю пра пэўныя падзеі, спалучаючы асобныя элементы з таго ці іншага ўрыўка бесперапыннай рэчаіснасці пад агульным паняццем («Сямігадовая вайна»), так і наратар стварае сваю індывідуальную гісторыю аб падзеях, пра якія ён апавядае» [2, с. 159].

Травелог як жанр характарызуецца высокай ступенню ўніверсальнасці: ён грунтуецца на базавым для чалавечага досведу сюжэце перамяшчэння ў прастору, сустрэчы з *Іншым* і асэнсавання ўласнай ідэнтычнасці праз кантакт з чужым. Менавіта па гэтай прычыне травелог дэманструе выразныя

¹Тут і далей пераклад наш. – Т. Д., А. Д.

кроскультурныя ўласцівасці: у розных нацыянальных літаратурах ён паўстае як форма, у якой лакальнае (канкрэтна-гістарычнае, нацыянальна абумоўленае) пастаянна ўзаемадзейнічае з універсальным (мадэлямі шляху, ініцыяцыямі, выпрабаваннямі, вяртаннем).

Асаблівая наратыўная структура травелога – рух у прасторы, паслядоўнасць сустрэч, чаргаванне апісання і рэфлексіі, пастаянная прысутнасць фігуры назіральніка – адначасова пластычная і стабільна пазнавальная. Яна лёгка адаптуецца да розных культурных кантэкстаў, гістарычных эпох і аўтарскіх стратэгий, але пры гэтым захоўвае шэраг устойлівых структурных рыс: дарогу як кампазіцыйную і фабульную аснову, эпізадычнасць, мазаічнасць, дыялагічнасць. Гэта асаблівасць стварае шырокі абсяг для супастаўлення наратыўнай будовы травелогаў, якія належаць да розных літаратурных традыцый.

Нараталагічная метадалогія дазваляе працаваць менавіта з пэўнымі структурнымі ўзроўнямі – тыпамі наратыўнага суб'екта, арганізацыяй прасторы і часу, формамі апавядальнай перспектывы, спосабамі ўключэння дакументальнага і фікцыянальнага. Звяртаючыся да такога ўзроўню аналізу, можна выявіць структурныя супадзенні нават у тых тэкстах, што ўзніклі ў літаратурах з розным культурным генезісам, як, напрыклад, беларуская і амерыканская літаратуры. У выпадку зборніка Дж. Тумера і цыкла М. Гарэцкага параўнанне наратыўных мадэлей падарожжа, фігуры апавядальніка, спосабаў рэпрэзентацыі «чужой прасторы» і механізмаў самарэфлексіі героя дазваляе ўбачыць, як тэксты з аналагічнай структурай напаяняюцца розным ідэалагічным, гістарычным і культурным зместам.

Такі кампаратыўны аналіз не зводзіцца да простага пошуку падабенстваў і адрозненняў, ён спрыяе актуалізацыі і ўдакладненню месца канкрэтных з'яў беларускай літаратуры ў шырэйшым – сусветным – кантэксце, паказвае, як нацыянальны досвед уключаецца ў глабальныя мадэлі асэнсавання прасторы. Нараталагічны аналіз пашырае кампаратыўныя магчымасці, таму што дазваляе параўноўваць не толькі тэматычныя або ідэалагічныя ўзроўні, але і больш складаныя механізмы пабудовы сэнсу: структуру апавядання, тыпы суб'ектыўнасці, спосабы арганізацыі досведу падарожжа ў тэксце.

Трэба адзначыць, што даследуемы намі жанр травелога стаіць на мяжы фікцыянальнасці, паколькі з'яўляецца дакументальна-мастацкім жанрам. Травелог мае асаблівы статус у сістэме літаратуры, які абумоўлены ўвагай да зменлівасці, трансфарматыўнасцю і нават шырокай (на сучасным этапе) магчымасцю інтэграцыі элементаў іншых жанраў [3].

Паступовае назапашванне ўражанняў пісьменніка для травелога вядзе да трансфармацыі суб'екта ў апаведзе. Можна казаць, што мэтай напісання травелога становіцца структураванне асабістага досведу. Падарожніка змяняе не адзін драматычны паварот, а дробныя зрухі, якія назапашваюцца і ў выніку ствараюць новае разуменне сябе і свету. Згадаем словы Д. Тамарчанкі: «Прынцып кумуляцыі, у сваю чаргу, спрыяе таму, што любы элемент гэтага неўпарадкаванага багацця жыццёвых з'яў можа набыць большую значнасць, але не абсалютную і безумоўную, а ўмоўную і часовую»². З гэтага выказвання вынікае, што кумулятыўны сюжэт травелога заўсёды адкрыты: падарожжа можа працягвацца, а разам з ім можа працягвацца і наратыў. Такая структура адпавядае самой прыродзе жанру, які грунтуецца на руху, адкрытасці і неперадкавальнасці.

Усе гэтыя асаблівасці робяць кумуляцыю адным з ключавых прынцыпаў травелога. Яна дазваляе сумяшчаць апісанне, рэфлексію і аналітыку без неабходнасці падпарадкоўваць іх жорсткай фабульнай схеме. Прастора характарызуецца шматгалосsem, а аўтарская пазіцыя фарміруецца ў руху праз паслядоўнасць сустрэч з *Іншым* і з самім сабой. Перафарміраванне шэрагу фактаў, якія прайшлі праз прызму аўтарскай свядомасці, у гісторыю і фіксацыя іх у тэксце непазбежна запускаяць працэс самаканстрування, таму што ў травелозе аўтар не проста апісвае свет, але і дэманструе сябе ў гэтым свеце.

М. Бахцін лічыў жанр дынамічнай, гістарычна зменлівай формай, якая адначасова задае рамкі для выказвання і развіваецца разам з культурнай свядомасцю. У яго разуменні жанр – гэта не статычная літаратурная катэгорыя, а «памяць літаратуры», форма, у якой захоўваюцца і трансліруюцца тыповыя спосабы ўспрымання і асэнсавання свету. Даследчык асобна выдзяляе хранатоп дарогі, робячы эmfазу ў тым ліку на аксіялагічным чынніку «сэнсапараджэння» [4, с. 79], звязанага з паняццем хранатопу ўвогуле. Уласна дарога выступае «пунктам звязвання і месцам здзяйснення падзей. Тут час як бы ўліваецца ў прастору і цячэ па ёй...» [4, с. 234].

Храналагічны чыннік (пранангацыя, спісканне, тэмпаральныя дэвіцыі) з'яўляецца надзвычай прыдатным для супастаўлення мастацкіх тэкстаў, даючы магчымасць для фарміравання канкрэтнай шкалы вымярэнняў. Аднак перад пераходам да непасрэдна храналагічнага аналізу неабходна зрабіць заўвагі адносна спецыфікі рэпрэзентацыі часу ў амерыканскай і беларускай літаратурах падарожжаў.

Амерыканская літаратура сцвярджае выключную ролю падарожжа як «аднаго з найгалоўнейшых чыннікаў нацыянальнага вопыту» [5, с. 15], і, адпаведна, на думку Е. А. Сцяцэнкі, «формаўтваральнага элемента ўсёй нацыянальнай літаратуры» [5, с. 15]. Гісторыя ЗША пачынаецца з падарожжаў, мэтай якіх з'яўляецца апрапрыяцыя «невядомай зямлі», што ўключае прыцягненне комплексных анталагічных

²Тамарченко Н. Д. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М. : Изд-во Кулагиной, 2008. С. 233.

працэсаў «абазначэння» прасторы. Аўтар уводзіць да выдання «Кембрыджскі дапаможнік па літаратуры падарожжаў» раіць звяртаць асаблівую ўвагу на змены ў прасторы і часе, падкрэсліваючы, што спосаб, з дапамогай якога «амерыканцы ўспрымалі свой уласны фізічны і культурны ландшафт, застаецца цесна звязаным з іх рэальнымі і ўяўнымі адносінамі з іншымі месцамі і часамі» [6, с. 3]. Аналагічны статус матыўным і вобразным увасабленням канцэпту шляху ў беларускай літаратуры надае І. В. Жук [7].

У межах тэкставага аналізу больш увагі будзе звернута на трансфармацыю травелога, у якой прысутнічае мастацкая дамінанта, але нельга не згадаць, што зараджэнню гэтага жанру ў нацыянальнай беларускай літаратуры, безумоўна, папярэднічала шырокая этнаграфічная традыцыя. Фізічнае перамяшчэнне ў прасторы, сутыкненне з *Іным*, збор і запіс інфармацыі збліжаюць этнаграфічныя падарожжы навуковага характару і літаратуру падарожжа мастацкага або дакументальна-мастацкага характару. Найбольш вядомымі вучонымі, якія зрабілі значны ўнёсак у развіццё беларускай этнаграфічнай навукі з улікам запісаў, зробленых у падарожжах, былі А. Кіркор, І. Насовіч, Ю. Крачкоўскі, М. Дзмітрыеў, П. Шэйн, Я. Карскі і інш.

У той жа час неабходна ўлічваць «шырокі» кантэкст напаўнення катэгорыі падарожжа, які ўключае не толькі «гарызантальнае» перамяшчэнне (паслядоўную змену лакацый), але і «вертыкальны» аспект (духоўны шлях). У абсягу, утвораным названымі восямі, травелог можа змяшчацца на «сярэдзінных» пазіцыях і мець аслаблены тапаграфічны чыннік пры экспліцытным выяўленні «памежных» спірытуальных элементаў (відзежы, плынь свядомасці і інш.). Такім напаўненнем у амерыканскай літаратуры характарызуецца зборнік Дж. Тумера «Трыснёг», у беларускай літаратуры – цыкл «Сібірскія абразкі» М. Гарэцкага.

Зборнік «Трыснёг» створаны як адзін з першых тэкстаў гарлемскага рэнесансу [8]. Ён адрозніваецца складанай «арнаментальнай» структурай, утворанай як сінтэз рознажанравых элементаў, згрупіраваных геаграфічна з раздзяленнем на тры часткі. У першым раздзеле расказваецца пра падарожжа па амерыканскім поўдні, штаце Джорджыя, вектар якога вызначаны эмпазай катэгорыі фемінасці (цэнтральныя актыры – чарнаскурныя жанчыны, чыя актарская кампетэнцыя, як правіла, абмежавана іх палажэннем у грамадстве, катэгорыя падзеі часта звязана з раскрыццём спецыфікі міжполавых адносін). Другі раздзел з’яўляецца ўрбаністычным, у ім прэзентуецца сталіца ЗША (Вашынгтон) у наборы апавяданняў і лірычных або квазілірычных структурных элементаў (прэзентацыя засяроджана пераважна на актарах-мужчынах). У сваю чаргу, трэцяя частка характарызуецца маналітнасцю і ўвасабляецца ў гібрыднай жанравай форме (з інкарпарацыяй лірычнай прозы), аднак падпарадкоўваецца драматычнаму дыскурсу. Відавочна, што ў зборніку часткі паступова становяцца больш маналітнымі. Асобнай увагі заслугоўваюць уласна лірычныя складнікі: вершы, размяшчэнне якіх паміж апавяданнямі з’яўляецца спарадычным, але семантычнае напаўненне гэтых твораў характарызуецца дуплікацыйнасцю (матыўны паралелізм, напрыклад, забойства ў апавяданні «Карынта» і вершы «Жняцы» [9, р. 22]), што дадае сутэстыўнасці тэксту, і стварэнню лінейнай «наратыўнай прагрэсіі» [9, р. 21].

У гэты ж перыяд (1920-я гг.) М. Гарэцкі стварае цыкл «Сібірскія абразкі», які можа быць тыпалагізаваны як травелог. Цыкл стаў часткай літаратурнага працэсу толькі ў 1970-я гг. Ён прадстаўляе сабой корпус падарожных нататак (42 тэкставыя адзінкі) рознай паўнаты сэнсаўтрымання і завершанасці. Летам 1926 г. М. Гарэцкі здзейсніў падарожжа ў Сібір і на Далёкі Усход з мэтай даследаваць жыццё беларускіх перасяленцаў, іх моўную сітуацыю, умовы працы, ступень захаванасці нацыянальнай ідэнтычнасці і яе страты ва ўмовах адарванасці ад звыклых прасторы. Менавіта гэта паездка стала асновай для стварэння цыкла.

Кожны абразок існуе як асобная сцэна, самастойны фрагмент жыцця з уласнай сюжэтнай логікай і ўнутранай драматургіяй. На першы погляд, такая мазаічная структура магла б лёгка распасціся на набор не звязаных паміж сабой замалёвак, выпадковых назіранняў і эпізодаў. Аднак тэкст утрымлівае выразную ўнутраную цэласнасць. Варта звярнуць увагу на наратыўныя прыёмы, якія накіраваны на падтрымку гэтай цэласнасці.

У першую чаргу звернемся да структуры тэксту. Унутры цыкла працуе вельмі выразная логіка паўтараў, дзякуючы якой ствараецца ўражанне цэласнасці і наратыўнай завершанасці. М. Гарэцкі будзе тэкст як ланцуг ітэрацый – паўторных сітуацый, тыпаў людзей, рытмаў дарогі, якія выкарыстоўваюцца ў розных варыяцыях.

Самым відавочным прыкладам структурнай ітэрацыі ў цыкле «Сібірскія абразкі» з’яўляюцца два паралельна выбудаваныя падарожжы ў адным тэксце. Асноўнае падарожжа адбываецца ў 1926 г. Але яно перакрываецца і звязваецца ўспамінамі з падарожжам дзесяцігадовай даўніны, калі ў 1916 г. наратар, служачы ў войску, быў камандзіраваны ў гэтыя ж месцы. Стылістычныя паўторы і дуплікацыі сустракаюцца на узроўнях сістэмы персанажаў і кампазіцыі. Унутры кампазіцыі ёсць і мікрапаўторы слоў, сінтаксічныя і лексічныя паралелізмы, выразныя інтанацыйныя паўторы. Як прыклад прывядзём абразкі «Угода богу» і «Скапцы». Іх аб’ядноўвае не толькі агульная тэма рэлігійных абрадаў, але і адзін і той жа матыў – рытуальная

фізічная страта, якая ў абодвух выпадках падаецца як «угода богу», аднак мае несупастаўляльны маштаб, розную ступень абсурднасці і неаднолькавы этычны статус у вачах наратара. У абразку «Угода богу» абразанне паказана праз аповед Дзісяна, які шчыра верыць у сэнс і прыгажосць гэтага абраду. Для яго абразанне – свяшчэнны акт, які аб’ядноўвае сям’ю і народ. Наратар унутрана адчувае, што гэты абрад не будзе прыняты новым пакаленнем. У абразку «Скапцы» той самы матыў набывае радыкальную форму. Тут рытуальная страта ўжо не сімвалічная, а фанатычная і не прымальная для наратара: пазбаўленне рэпрадуктыўных магчымасцей адбываецца «ўва ймя нейкае нялепае ідэі, угоды богу» [10, с. 317]. М. Гарэцкі апісвае гэтыя абрады наступным чынам: «Настаўнік казаў, што ў мужчын скапцы выразаюць ядры, а ў жанчын – грудзі. У некаторых выразаюць усё – гэта завецца “сесці на белага каня”. У некаторых выразаюць не ўсё – гэта завецца “сесці на работа каня”». Так паўтор матыву рытуальнай страты стварае градацую пачуццёў наратара ад мяккага здзіўлення да маральнага жаху.

Сувязь згаданых абразкоў праяўляецца і ў закальцаванасці. Абразок «Скапцы» заканчваецца наступнымі словамі: «...каб не звёўся род, каб не звялася “ўгода богу”» [10, с. 317]. Гэта прамая адсылка да назвы першага абразка. Так М. Гарэцкі замыкае матыўную дугу. Закальцаванасць узмацняецца і праз фігуру Дзісяна. Менавіта ён уводзіць у тэкст скапца Алёхіна з наступнага абразка. Дзісян апраўдвае скапцоў, бо верыць, што «кожны хваліць бога, як умее» [10, с. 306]. У тэкстах мы таксама знойдзем паўторы на лексічным і сінтаксічным узроўнях, дуплікацыі, якія не прыносяць новай інфармацыі.

Матыўная дуплікацыя характэрна і для зборніка «Трыснёг» Дж. Тумера (феномен пераходу матываў паміж лірычнымі і праяічнымі часткамі ўказваўся вышэй), аднак з улікам спецыфікі зборніка асаблівага разгляду заслугоўвае пытанне ўласна наратарскай інстанцыі. Адметна, што ў трэцяй драматычнай частцы зборніка аўтар факсіруецца на «сферы псіхічнага» [11, р. 13]. Пацверджаннем гэтай думкі служыць крайняя алегарычнасць топаснай арганізацыі твора: уключэнне ў топас дома склепа, «вядомага як прорва» (*the Hole*) [12, р. 107]. Але «ментальны» фокус, асабліва актуалізаваны ў сітуацыі пачатку, не прыводзіць да кардынальнай змены форм наратарскай прысутнасці, тыповых для твора ўвогуле. Трэцяя частка ўключае наратара з неабмежаванай магчымасцю інтраспекцыі: так, падпарадкоўваючыся драматычнай арыентацыі, пачатак раздзела імкнецца да дэтэрмінацыі мізансцэны³ ў формах трэцяй асобы: *Ralph Kabnis, propped in his bed, tries to read. To read himself to sleep. An oil lamp on a chair near his elbow burns unsteadily. The cabin room is spaced fantastically about it* [12, р. 94] ‘Ральф Кэбніс, паўлежачы ў ложку, спрабуе чытаць. Чытаць, каб заснуць. На крэсле побач з яго локцем няроўна гарыць масляная лямпа. Прастора пакоя дзівосна скажаецца ад яе агеньчыка’. Кагнітыўныя зрухі могуць атрымаць неабмежаванае тэкставае выражэнне. У той жа час для прыцягнення ў наратыў цэнтральнай падзеі прыніжэння, здзейсненага беласкурым насельніцтвам, выкарыстоўваецца яўна маркіраваная (у тым ліку з’яўленнем у тэксце нерэгулярнай формы цяперашняга часу) інтраспекцыя: *Kabnis’ mind clears. He sees himself yanked beneath that tower. He sees white minds, with indolent assumption, juggle justice and a nigger... Somewhere, far off in the straight line of his sight, is Augusta. Christ, how cut off from everything he is* [12, р. 96] ‘Розум Кэбніса праясняецца. Ён бачыць, як яго зацягваюць пад тую вежу. Ён бачыць белыя розумы, падпарадкаваныя лянівай здагадцы, якія жангліруюць справядлівасцю і неграм... Дзесьці далёка, на прамой лініі яго зроку, знаходзіцца Аўгуста. Божа, як ён адрэзаны ад усяго’. «Інтуітыўная» наратыўная цэнтрызацыя, у тым ліку цэнтрызацыя з прыцягненнем рэтраспектыўных чыннікаў, перасякаецца з іншымі часткамі зборніка і ставіць пытанне пра «маштабнасць» падзеі, якая ўтварае дыскурс, у Дж. Тумера.

Аб’яднанне фрагментаванага тэксту з дапамогай наратарскай інстанцыі прасочваецца і ў М. Гарэцкага. Перш за ўсё наратар аб’ядноўвае тэкст праз прэзентацыю адзінага (сінгулярнага) пункту гледжання. Усе падзеі, сустрэчы, дыялогі і назіранні падаюцца праз яго свядомасць, наратар з’яўляецца асноўным факалізатарам. Чытачу мастацкі свет цыкла «Сібірскія абразкі» падаецца так, як бачыць яго наратыўная інстанцыя: абмежавана, але эмацыйна насычана, як гатовы прадукт сэнсаўтварэння. Гэта адзіная аптычная перспектыва стварае агульны ракурс, які робіць неаднародныя эпізоды часткамі адной апавядальнай плыні. Адзначым, што, каб некаторыя навелы набылі закончаны выгляд, наратару, абмежаванаму ў ведах, на дапамогу прыходзяць персанажы, пазбаўленыя актарскай функцыі. Напрыклад, грамадзянін Дзісян, які выпадкова едзе разам з галоўным факалізатарам у адным вагоне і з’яўляецца яго даўнім знаёмым, завяршае навелы «Чорны лебедзь» і «Фельчар Плакун». Асабліва моцным эпізодам выступае гісторыя пра Панаса Пушчу і чорнага лебедзя: прыезджы пасяленец Панас упалываў велічную птушку, за што потым быў жорстка забіты сваімі новымі аднавяскоўцамі на вачах дзяцей і жонкі. Апавед па сваёй прыродзе ўстаўны. Дзісян становіцца другасным факалізатарам, і праз яго голас мы чуем гісторыю, што па драматычнасці і трагічнасці выходзіць далёка за межы звычайнай падарожнай замалёўкі. Герой перадае факты і як галоўны сведка актуалізуе нечаканую і эмацыянальную кульмінацыю. А эмоцыі (жах,

³Адзначым з’яўленне ў пачатку раздзела аўдыяльнай устаўкі. Аўдыяльная арыентацыя характэрна для большасці апавяданняў зборніка.

спачування, смутак) выяўляюцца ў аповедзе непасрэдна праз наратара: «Грамадзянін Дзісян апавядаў, а ўваччу стаялі мне Панасавы вочы. Глыбокія, добрыя вочы на худым цьмяным твары, блакітныя, як неба. У іх было вялікае разуменне жыцця, але пакорныя адносіны да ўсяго, што ні здарыцца» [10, с. 310]. Прысутнасць Дзісяна выступае як «мост» паміж двума часавымі пластамі, стварае сюжэтную цэласнасць, якая была б немагчымай з-за абмежаванасці наратара ў полі той інфармацыі, што вызначаецца ракурсам падарожжа. У дадзеным выпадку можна гаварыць аб абмежаванай факалізацыі, якая стварае эфект дакументальнай праўдападобнасці. Напрыклад, у аповедзе «Інтэлігенты» наратар назірае за парай: «Можна было падумаць, што яны муж і жонка: яны елі разам і адно, гаманілі ціхенька, глядзелі ў вакно, стоячы плячо ў плячо. Але потым я пачуў, што яны кажуць адзін аднаму вы» [10, с. 361]. Ён можа толькі рабіць здагадкі, але не можа быць упэўненым у сваіх высновах. На дапамогу аўтару прыйшоў чарговы персанаж, пазбаўлены актэрства: «У той жа вечар хворы інжынер ад кагосьці ў падарожных даведаўся і шапнуў мне, хто яны» [10, с. 362]. Аднак абмежаванасць ведання не сведчыць аб нейтральнасці. Наадварот, наратар у М. Гарэцкага мае выразную аксіялагічную пазіцыю, якая праяўляецца ў выбары дэталей, інтанацыі і спосабе пабудовы сцэны. Яго маральная перспектыва пастаянна прысутнічае, што стварае адзіны «тэкставы клімат».

Адпаведна, у зборніку «Трыснёг» атрыбут усёведання, скамбініраваны з факалізатарам у форме трэцяй асобы, з'яўляецца найбольш частотнай формай наратыўнай прэзентацыі праявітых элементаў зборніка. Другую вялікую групу наратыўнай прэзентацыі складае асабліва інстанцыя ў форме першай асобы, сумежная ўжо не з атрыбутам усёведання, але з крайне дэскрыптыўнай нарацыяй у форме трэцяй асобы. Найадметнейшыя прыклады яе выкарыстання ёсць у апавяданнях «Бэкі» і «Фёрн» з першай часткі зборніка. Яны дэманструюць фігуру наратара з праяўленай актэрскай кампетэнцыяй (асаблівага наратара-падарожніка, які паходзіць з поўначы).

Кампазіцыйная будова апавядання «Бэкі» адметная паратэкстуальнымі элементамі: апошні абзац выносіцца за межы твора і фарміруе перспектывы падзагаловак, які мадэліруе чаканні рэцыпіента: *Becky was the white woman who had two negro sons. She's dead; they've gone away* [12, р. 96] «Бэкі была белая жанчына, якая нарадзіла двух чорных сыноў. Яна памерла; яны з'ехалі». Наратар у антрапаморфнай форме выяўляецца ў апавяданні ў «постпазіцыі», фіксуе ўжо заняпад хаты (эпілог). Гісторыя жыцця жанчыны як кароткая лінейная паслядоўнасць падзей выступае цэнтральным элементам.

Статус Бэкі выразна маргіналізаваны. Наратар пазбаўлены ўсёведання, і наратыў імкнецца да паліфікацыі (гетэрагеннасць перспектывы пацвярджаецца наступным фрагментам: *Who gave it to her? Low-down nigger with no self-respect, said the black folks' mouths* [12, р. 18] «Хто падарыў яго [дзіця] ёй? Заняпалы негр, які не мае самапавагі ані на кроплю» – казалі вусны чарнаскурых). Так, «маргінальнасць» учынку Бэкі азначаецца менавіта астракізмам, пад які яна падпадае. Астракізм з'яўляецца ў тым ліку элементам, што фарміруе апавяданне. Антрапаморфная перспектыва ад першай асобы выступае сродкам «гуманізацыі» аб'екта нарацыі і, зрэшты, асаблівай варыяцыі гуманізацыі, прымаючы пад увагу абраную постпазіцыю.

Апавяданне «Фёрн», у сваю чаргу, характарызуецца большай нязмушанасцю наратыву, у якім ёсць месца для непасрэднага звароту наратара да чытача. Цэнтральная падзея мінімалізавана. Яна зводзіцца да шпацыру апавядальніка з чарнаскурай дзяўчынай. Дэскрыптыўная скіраванасць гісторыі пра двух персанажаў, расказанай адным з іх, яўна арыентуе чытача на маналагічны аповед, аднак фактычна яму прапануецца дыялог, уведзены выкарыстаннем звароту «дружа» (*friend*), і гэты прыём дадае мастацкай выразнасці да своеасаблівай «эпістэлярызацыі» наратыву: *Would you tell your wife or sweetheart about a girl you saw? Your thoughts can help me, and I would like to know* [12, р. 22] «Ці распавёў бы ты сваёй жонцы ці каханай пра бачаную табой дзяўчыну? Твае думкі былі б мне ў дапамогу, я цікаўлюся». Статус чытача, такім чынам, з'яўляецца пераходным паміж тэкстава выяўленым ідэальным рэцыпіентам (створаным і абумоўленым дыскурсам адрасата нарацыі) і антрапаморфнай фігурай актара, парнай антрапаморфнаму наратару: *Something I would do for her. Some fine unnamed thing... And, friend, you? She is still living, I have reason to know. Her name, against the chance that you might happen down that way, is Fernie May Rosen* [12, р. 24] «Што-небудзь, што я зрабіў бы для яе... Якую-небудзь фاینую, невядома якую рэч. А, дружа, ты? Яна ўсё яшчэ жыве, я маю як ведаць. Яе завуць Ферні Мэй Розэн – на выпадак, калі ты выпадкова апынешся ў тых мясцінах». Дыверсіфікацыя гэтага тыпу служыць сродкам як сацыяльнай кантэкстуалізацыі падзеі (рэсемантызацыя мінімальнага сацыяльнага акта ў перспектыве міжрасавага ўзаемадзеяння), так і спецыфічнай «арнаменталізацыі» наратыву з дапамогай увядзення розных інстанцый. Антрапаморфная прырода наратара ў форме першай асобы не парушаецца ні ў адным з апавяданняў, аднак магчымасці наратыўнай прэзентацыі значна эсклікуюцца з дапамогай «дадатковых» атрыбутаў. Адметна, што такой шырыні перспектывы ў абодвух выпадках вымагаюць «мінімальныя» падзеі, маркіраваныя толькі праз сацыяльны кантэкст. Другая частка зборніка (урбаністычная) змяшчае тэксты, у якіх Дж. Тумер увогуле адмаўляецца ад уцелаўлення наратара для дасягнення максімальнай панарамнасці прэзентацыі «мінімальнай» падзеі, у тым ліку праз увядзенне большай колькасці актараў, структурызацыю дыялогаў як «драматызаваных» рэплік і неабмежаваную магчымасць інтраспекцыі для наратарскай інстанцыі.

Вынікі і іх абмеркаванне

Усе вышэйпералічаныя характарыстыкі прыводзяць нас да наступных высноў аб асаблівасцях структуры тэкстаў.

1. Зборнік «Трыснёг» з’яднаны як мастацкае цэлае з дапамогай арнаменталізацыі наратыўных атрыбутаў у арнаменталізаваным (з жанравай перспектывы) тэксце. «Асноўная» наратыўная інстанцыя мае адзнакі ўсёведання, выкарыстанага для «панарамізацыі» цэнтральнай падзеі, «мінімальнай» у кожным апавяданні. Атрыбут усёведання можа замяняцца дуплікацыяй (тэкст – верш), эксплікацыяй (паліфанія – сінгулярнасць галаса). Кожны з прыёмаў павінен прывесці да дадатковай семантызацыі, а ў выніку – крайняй эксплікацыі, «касмізацыі» мінімальнай падзеі.

2. Кампазіцыя цыкла «Сібірскія абразкі» з’яўляецца не хаатычнай мазакай, а сістэмай ітэрацый, дзе кожны абразок паўтарае жанравую структуру іншых, але з адхіленнем, новым акцэнтам, іншай эмоцыяй. У цыкле ёсць абразкі, якія выглядаюць выбітнымі ў сістэме ітэрацый і таму падаюцца чужароднымі. У такім выпадку як механізм аб’яднання працуе ўсюдысны матыў руху і падарожжа. Дзякуючы гэтаму прыёму тэкст набывае цэласнасць, хоць і складаецца з фрагментаў. У такім спосабе пабудовы кампазіцыі мы бачым імкненне да маналітызацыі: аўтар свядома складае цыкл так, каб фрагменты не існавалі ізалявана, а ўтваралі адзіную наратыўную прастору.

3. Жанравая дыверсіфікацыя ў зборніку «Трыснёг» падпарадкоўваецца аўтарскай мэце (жанравы чыннік мае прамую сувязь з архітэктонікай зборніка). Жанравыя элементы служаць адбору магчымых форм наратарскага выяўлення (напрыклад, з лімітацыяй выяўлення інстанцыі ў форме першай асобы адзіночнага і множнага лікаў), тым самым натуральным чынам усталёўваючы трансструктурныя наратыўныя сувязі, якія забяспечваюць цэласнасць твора.

4. Адносна цыкла «Сібірскія абразкі» неабходна заўважыць, што структурным элементам, які аб’ядноўвае тэкст, будзе таксама аўтарская інстанцыя. У дадзеным выпадку яна ўяўляе сабой не чыста тэкставую наратыўную канструкцыю, а суб’ект, аўтабіяграфічна набліжаны да аўтара, што ў першую чаргу выяўляецца біяграфічнымі супадзеннямі. У тэксце ёсць некалькі момантаў, дзе адкрыта ўводзяцца рэтраспектыўныя элементы біяграфіі, якія супадаюць з біяграфіяй М. Гарэцкага: смерць сястры Ганны, заключэнне ў польскай турме, камандзіроўка ў Сібір падчас Першай сусветнай вайны і г. д. Да таго ж для аўтарскага стылю М. Гарэцкага ў цэлым і стылю цыкла «Сібірскія абразкі» ў прыватнасці характэрна спалучэнне дакументальнасці і лірычнасці. Аўтар піша факталагічна і дакладна, часта ў рэпартажнай форме, але пераходзіць да мастацкага дыскурсу, дадае эмацыйныя адценні, лірычныя адступленні, філасофскія разважанні. Гэта манера пісьма падкрэслівае зменлівую ўзаемасувязь наратара і аўтара. Наратар у творы мае форму першай асобы і з’яўляецца дыягетычным. Ён слухае, назірае, размаўляе, успамінае, гэта значыць, існуе ўнутры аповеду, удзельнічае ў падарожжы, вызначаючы яго вектар. Ён не нейтральны назіральнік, ён ацэньвае, спачувае, абураецца. Яго маральная перспектыва з’яўляецца аднолькавай для ўсіх абразкоў, яна стварае этычны ўніверсум тэксту.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Тюпа В.И. *Нарратология как аналитика повествовательного дискурса: «Архиерей» А. П. Чехова*. Тверь: Издательство Тверского государственного университета; 2001. 58 с.
2. Шмид В. *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры; 2008. 304 с.
3. Русакова ОФ, Русаков ВМ. *Травелог: теоретико-методологический анализ*. Екатеринбург: Дискурс-Пи 2021. 266 с.
4. Бахтин ММ. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература; 1975. 500 с.
5. Стеценко ЕА. *История, написанная в пути... (записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.)*. Москва: Наследие; 1999. 310 с.
6. Bendixen A. Introduction. In: Bendixen A, Hamera J, editors. *The Cambridge companion to American travel writing*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. p. 1–16.
7. Жук ІВ. *Прыхінуцца да крыніцы*. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы; 2017. 235 с.
8. Афанасьева ЮА. Ритмизация лирической прозы в сборнике Дж. Тумера «Тростник». В: Шахназарян НМ, редактор. *Романо-германские литературы: традиции и современность. Материалы III Международной научной конференции, посвященной 85-летию филологического факультета Белорусского государственного университета; 19–21 сентября 2024 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2024. с. 81–87.
9. Wagner-Martin L. Toomer’s cane as narrative sequence. In: Kennedy JG, editor. *Modern American short story sequences: composite fictions and fictive communities*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. p. 19–34.
10. Гарэцкі М. *Збор твораў. Том 1. Апавяданні*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1984. 446 с.
11. Kodat CG. To «flash white light from ebony»: the problem of modernism in Jean Toomer’s cane. *Twentieth Century Literature*. 2000;1:1–19. DOI: 10.1215/0041462X-2000-2007.
12. Toomer J. *Cane*. New York: Penguin Classics; 2019. 224 p.

УДК 81'27

КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ ПРОСЬБЫ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

П. С. БАБКИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются особенности реализации косвенных речевых актов просьбы в китайском языке. Отмечается, что непрямой способ выражения просьбы в китайском лингвокогнитивном пространстве считается более вежливым, демонстрирующим уважительное отношение к собеседнику. С помощью анализа данных, полученных в ходе проведенного лингвистического эксперимента, выявляются основные лингвистические средства и тактики реализации косвенных речевых актов с интенцией просьбы в китайской лингвокультуре, а также определяется частота их использования. Исследование национально-культурной специфики речевого поведения носителей китайского языка на материале не прямой коммуникации является эффективным инструментом оптимизации межкультурного взаимодействия, что приобретает особую значимость в контексте динамично развивающихся отношений между Беларусью и Китаем.

Ключевые слова: просьба; косвенный речевой акт; китайский язык; не прямая коммуникация; лингвистический эксперимент.

Образец цитирования:

Бабкина П.С. Косвенный речевой акт просьбы в китайской лингвокультуре (по данным лингвистического эксперимента). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;2:37–44.
EDN: MKFGLI

For citation:

Babkina PS. Indirect speech act of request in the Chinese linguaculture (based on data from a linguistic experiment). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;2:37–44. Russian.
EDN: MKFGLI

Автор:

Полина Сергеевна Бабкина – кандидат филологических наук; доцент кафедры китайской филологии филологического факультета.

Author:

Palina S. Babkina, PhD (philology); associate professor at the department of Chinese philology, faculty of philology.
babkina.pol@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9581-3199>

УСКОСНЫ МАЎЛЕНЧЫ АКТ ПРОСЬБЫ Ў КІТАЙСКОЙ ЛІНГВАКУЛЬТУРЫ (ПА ДАНЫХ ЛІНГВІСТЫЧНАГА ЭКСПЕРЫМЕНТА)

П. С. БАБКИНА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разглядаюцца асаблівасці рэалізацыі ўскосных маўленчых актаў просьбы ў кітайскай мове. Адзначаецца, што непрамы спосаб выражэння просьбы ў кітайскай лінгвакагнітыўнай прасторы лічыцца больш ветлівым і дэманструе паважлівае стаўленне да суразмоўцы. З дапамогай аналізу даных, атрыманых у ходзе праведзенага лінгвістычнага эксперыменту, выяўляюцца асноўныя лінгвістычныя сродкі і тактыкі рэалізацыі ўскосных маўленчых актаў з інтэнцыяй просьбы ў кітайскай лінгвакультуры, а таксама вызначаецца частата іх выкарыстання. Даследаванне нацыянальна-культурнай спецыфікі маўленчых паводзін носьбітаў кітайскай мовы на матэрыяле непраймой камунікацыі з'яўляецца эфектыўным інструментам аптымізацыі міжкультурнага ўзаемадзеяння, што набывае асаблівую значнасць у кантэксце адносін паміж Беларуссю і Кітаем, якія дынамічна развіваюцца.

Ключавыя словы: просьба; ўскосны маўленчы акт; кітайская мова; непраямая камунікацыя; лінгвістычны эксперымент.

INDIRECT SPEECH ACT OF REQUEST IN THE CHINESE LINGUACULTURE (BASED ON DATA FROM A LINGUISTIC EXPERIMENT)

P. S. BABKINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the indirect speech acts of request implementation in the Chinese language. It is noted that the indirect method of expressing requests in the Chinese linguistic and cognitive space is considered more polite and demonstrating respect for the interlocutor. Based on the analysis of data obtained during the linguistic experiment, the main linguistic means and tactics of indirect speech acts with the intention of request in the Chinese linguaculture are identified, as well as the frequency of their use, which determines the scientific novelty of this work. Research of the national and cultural specifics of the speech behaviour of Chinese speakers based on indirect communication phenomena is an effective tool for optimising intercultural interaction, which is of particular importance in the context of the dynamically developing relations between Belarus and China.

Keywords: request; indirect speech act; the Chinese language; indirect communication; linguistic experiment.

Введение

Просьба является неотъемлемым и крайне востребованным элементом речевого взаимодействия во всех сферах жизни социума. Ряд филологических вопросов, связанных с изучением просьбы, рассматривается в теории речевых актов (Дж. Серль, А. Вежбицка, Н. И. Формановская, В. Г. Гак, А. В. Павлова, Р. Конрад, Н. С. Аристова, Э. Ринтелл, Ш. Блум-Кулка, Ши Пин, Ли Кэпин и др.), теории речевых жанров (Т. В. Шмелева, М. Ю. Федосюк, Д. А. Сафронова, В. В. Дементьев, Г. М. Ярмаркина, Д. Х. Можде и др.), лексикографии (Ю. Д. Апресян, Е. В. Бойчук и др.). Существуют некоторые исследования различных аспектов выражения просьбы с точки зрения национально-культурной специфики (Е. И. Беляева, В. А. Адамян, В. Н. Василина, Л. В. Филиппова, Т. В. Фурменкова, Чжан Шаоцзе и Ван Сяотун, Чэнь Чэнь и др.), в том числе сопоставительные (Т. В. Абрамова, Кан Сон Хи, Н. В. Григорьева, С. Фукушима, Д. Койке, К. Риннерт и Х. Кобаяши, Л. Янг, Ван Юньфан и Дун Линхуа, Юй Дэхай, Лю Яньфан и др.).

В соответствии с классификацией Дж. Серля речевой акт просьбы относится к директивам, целью которых является побуждение адресата делать или же не делать что-либо. А. В. Павлова отмечает, что «речевой акт просьбы, будучи директивом, подразумевает затраты времени, требует усилий от адресата, в какой-то степени ограничивает его свободу» [1, с. 45]. Ввиду вышесказанного неудивительно, что чаще всего адресант просьбы выбирает именно косвенную форму ее выражения. С одной стороны,

вуализирование интенций позволяет наиболее эффективно достигать поставленных целей, оказывая влияние на собеседника, с другой стороны, оно снижает угрозу для репутации адресата, делает просьбу вежливой и тактичной.

Как отмечают Чжан Шаоцзе и Ван Сяотун, «конвенциональная косвенная стратегия является наиболее распространенной и вежливой формой выражения просьбы в китайском языке»¹ [2, с. 64], что связано со стремлением представителей этой лингвокультуры к поддержанию гармонии, сохранению лица, а также демонстрации уважения к собеседнику. С точки зрения китайского речевого этикета просьба должна выражаться очень вежливо, в мягкой, но убедительной форме [3, с. 250].

Целью настоящего исследования является выявление основных лингвистических средств и тактик реализации косвенных речевых актов с интенцией просьбы в китайской лингвокультуре, а также определение частоты их использования по данным проведенного лингвистического эксперимента. Для достижения данной цели использовались описательный и экспериментальный методы, количественный и коммуникативно-прагматический анализ.

Материалы и методы исследования

Единицей анализа в данной работе являются косвенные речевые акты с интенцией просьбы. Для получения необходимого эмпирического материала нами был проведен лингвистический эксперимент, в котором приняли участие 104 китайских студента Белорусского государственного университета в возрасте от 17 до 28 лет.

Каждый информант получал бланк, на котором описывались пять конкретных ситуаций общения. После знакомства с каждой ситуацией студентам предлагалось в письменной форме сформулировать на родном языке непрямую просьбу в соответствии с предложенной ситуацией. В результате были получены 520 эпизодов, содержащих косвенные речевые акты с интенцией просьбы на китайском языке.

Все предложенные ситуации общения с точки зрения типов ролевых отношений являлись симметричными. Перед началом эксперимента испытуемым сообщалось, что они и их потенциальные собеседники обладают равными социальными статусами и никто из них не находится в зависимом положении от другого коммуниканта.

Результаты и их обсуждение

В рамках настоящего исследования анализу подверглись следующие аспекты реакций китайских информантов на каждую из пяти предложенных ситуаций:

- лингвистические средства реализации косвенной просьбы в китайском языке и частота их употребления;
- причины, на которые ссылаются представители китайской лингвокультуры при обращении к адресату, и количественное соотношение этих причин;
- тактики непрямого выражения просьбы и процентное соотношение случаев их использования китайскими респондентами.

Анализ каждого из этих аспектов позволил определить закономерности в использовании и реализации косвенных речевых актов с интенцией просьбы в китайском лингвокогнитивном пространстве.

Ситуация 1: 你会如何间接请别人帮你把文件翻译成英语? ‘Как Вы непрямо попросите другого человека помочь Вам перевести документы на английский язык?’

В данной ситуации по частоте использования лидирует (39,4 %) вопросительная конструкция «能不能...?» ‘Можешь или не можешь...?’ (你能不能帮我翻译一个文件? ‘Не мог бы ты помочь мне перевести один документ?’). Часть информантов (26 %) предпочли реализовывать просьбу о переводе документов при помощи выражения «需要...» ‘нужно...’ (我需要翻译一个文件, 我简直不知道怎么办 ‘Мне нужно перевести один документ, прямо не знаю, что делать’). Вторая часть примера не только акцентирует внимание на необходимости решения проблемы (我简直不知道怎么办 ‘прямо не знаю, что делать’), но и позволяет адресанту просьбы подчеркнуть вынужденность обращения к адресату, тем самым повысив эффективность воздействия на него.

Кроме того, 18,2 % респондентов в ситуации 1 для непрямого выражения своей интенции предпочли использовать выражение «可以...吗» ‘Можешь...?’ (你这会有时间吗? 如果方便的话, 可以帮我翻译一下这个文件吗? ‘У тебя сейчас есть свободное время? Если удобно, можешь помочь мне перевести этот документ?’).

Данное высказывание представляет собой пример наиболее вежливой формулировки просьбы. Во-первых, говорящий интересуется наличием свободного времени у собеседника, выражая таким образом уважение к нему. Во-вторых, адресант использует выражение «如果方便的话» ‘если удобно’, что

¹Здесь и далее перевод наш. – П. Б.

позволяет не нарушать личные границы адресата, проявлять чувство такта. В-третьих, сама формулировка просьбы при помощи вопросительной конструкции с модальным глаголом «可以...吗» ‘Можешь...?’ позволяет снизить степень давления на слушающего.

Далее по частоте использования (7,7 и 5,8 % соответственно) в ситуации 1 следуют выражения «能...吗» ‘Можешь...?’ (你能帮我翻译一下这个文件吗? ‘Не мог бы ты помочь мне перевести этот документ?’), а также высказывание «你会说英语吗» ‘Ты говоришь по-английски?’. Последняя фраза представляет собой лингвистическое средство реализации косвенной просьбы, применимое лишь в особых случаях. Другими словами, данное лингвистическое средство является ситуативно обусловленным.

Помимо этого, три информанта (2,9 %) для выражения просьбы в ситуации 1 отдали свое предпочтение выражению «我想请...» ‘Я хочу попросить...’ (不知你最近忙不忙,但我想请你帮我翻译一个文件 ‘Не знаю, занят ты или нет в последнее время, но я хотел бы попросить тебя помочь мне перевести один документ’).

В первой части данного высказывания говорящий, как и в одном из примеров выше, интересуется наличием у адресата свободного времени и степенью его занятости. Такая формулировка позволяет не только выразить просьбу в вежливой форме, но и прояснить одно из условий для ее выполнения – наличие у собеседника времени.

Интересно, что в данной ситуации семь респондентов (6,7 %) при выражении просьбы упоминали «вознаграждение» для адресата в случае ее удовлетворения (приглашение на обед или ужин), например: 你可以帮我翻译一下吗? 请你吃饭 ‘Ты можешь помочь мне перевести кое-что? Я угощу тебя обедом’.

Безусловно, обещание подобной компенсации за возможное оказание услуги, заблаговременное выражение благодарности таким способом носят национально-специфический характер, что связано в первую очередь с культом еды, существующим в Китае. Ввиду этого обстоятельства неудивительно, что, приглашая слушающего на обед за свой счет, говорящий повышает свои шансы на успешное решение возникшего вопроса.

Стоит отметить, что 39,4 % информантов в ситуации 1 предпочли отказаться от упоминания каких-либо оснований для обращения за помощью к собеседнику, применив тактику осведомления о возможностях адресата (你会说英语吗? ‘Ты говоришь по-английски?’; 你能帮我把文件翻译成外语吗? 我会请你吃饭 ‘Ты можешь помочь мне перевести документы на иностранный язык? Я угощу тебя ужином’).

Основная же причина, на которую говорящие ссылались в рамках использования тактики объяснения причины (60,6 %), – это собственная беспомощность в сложившейся ситуации (33,6 %), т. е. незнание либо недостаточное владение иностранным языком, необходимым для перевода документов: 我要翻译一个文件,但是我的英语水平低得不能再低了! 你能不能帮我? ‘Мне нужно перевести один документ, но мой уровень английского ниже некуда! Ты не мог бы помочь мне?’.

Оставшаяся часть опрошенных (27 %) при непрямом выражении просьбы апеллировали к факту владения слушающим иностранным языком. Другими словами, в отличие от предыдущей причины, фокус внимания говорящего был смещен с собственных навыков и способностей как необходимого условия осуществления желаемого действия на навыки и умения собеседника: 你的英语很厉害啊! 能帮我翻译一下吗? ‘Твой английский потрясающий! Можешь перевести кое-что для меня?’.

Использование комплиментов способностям адресата повышает эффективность воздействия на него, а также позволяет адресанту просьбы выразить свое уважение к собеседнику.

Ситуация 2: 你会如何间接请别人把钱借给你? ‘Как Вы непрямо попросите другого человека одолжить Вам деньги?’

В ситуации 2 доминирующим лингвистическим средством реализации косвенной просьбы (67,3 %) стала вопросительная конструкция с модальным глаголом «能...吗» ‘Можешь...?’ (能借我一点钱吗? ‘Можешь одолжить мне немного денег?’). Вторыми по частоте использования (23 %) стали вопросительные предложения с тем же модальным глаголом «能», однако построенные по другой форме: «能不能...?» ‘Можешь или не можешь...?’ (你能不能借我点钱? ‘Не мог бы ты одолжить мне немного денег?’). Третье по частоте использования лингвистическое средство (9,7 %), которое применяли говорящие в данной ситуации, – выражение «可以...吗» ‘Можешь...?’ (可以借我一些钱吗? ‘Можешь одолжить мне немного денег?’).

Во всех случаях для непрямого выражения просьбы одолжить деньги китайские информанты использовали три варианта вопросительных конструкций с двумя модальными глаголами, которые можно перевести на русский язык с помощью глагола «мочь». Все опрашиваемые в данной ситуации предпочли сформулировать просьбу, акцентируя внимание на наличии у собеседника возможности оказать им материальную помощь. Чтобы поинтересоваться у адресата просьбы его финансовым положением, два респондента (1,9 %) использовали устойчивое выражение «手头宽裕» ‘быть при деньгах, жить в достатке’ (你最近手头宽裕吗? ‘Ты в последнее время при деньгах?’).

Важно отметить, что 61,5 % информантов при выражении просьбы фокусировали внимание на своем обещании вернуть деньги в кратчайшие сроки: 你能不能借我点钱? 我过几天还你 ‘Не мог бы ты одолжить мне немного денег? Через несколько дней я все верну’.

Любопытно, что один испытуемый (1 %), формулируя непрямую просьбу одолжить деньги, выразил желание подкрепить свои слова о готовности вернуть долг написанием расписки: 我需要前. 你能不能帮我? 我可以写借条承诺在什么时候还钱 ‘Мне нужны деньги. Не мог бы ты помочь мне? Я могу написать долговую расписку с обещанием вернуть деньги к определенному времени’.

Кроме того, в большинстве (77 %) косвенных речевых актов просьбы в данной ситуации было обнаружено использование слова «(一)点» ‘немного, чуть-чуть’ перед существительным «деньги», обозначающим объект просьбы. По-видимому, используя эту лексему, говорящие стремились таким образом уменьшить масштабы своей просьбы для увеличения шансов на благоприятное развитие событий.

В ситуации 2 большая часть говорящих (61,5 %) для реализации косвенной просьбы предпочли использовать тактику осведомления о возможностях адресата: 你最近手头宽裕吗? ‘Ты сейчас при деньгах?’; 你能借我一些钱吗? ‘Ты можешь одолжить мне немного денег?’. Оставшиеся информанты (38,5 %) для выражения данной интенции применили тактику объяснения причины. В рассматриваемой ситуации единственной причиной, на которую ссылались информанты при обращении к адресату, стали финансовые затруднения (38,5 %). Говорящие акцентировали внимание на том, что у них сложное материальное положение, а также проблемы, решение которых требует денежной помощи, например: 我最近手头有点紧. 能不能借我点钱? ‘В последнее время у меня туго с деньгами. Не мог бы ты одолжить мне немного денег?’; 我需要修车, 但是没有钱. 你能帮助我吗? ‘Мне нужно починить машину, но нет денег. Ты можешь помочь мне?’.

Ситуация 3: 你要打电话, 但是把自己的手机忘在家里了. 你会如何间接请别人帮助你? ‘Вам необходимо сделать звонок, но Вы забыли мобильный телефон дома. Как Вы непрямо попросите другого человека помочь Вам?’

При выражении просьбы в ситуации 3 были обнаружены всего две конструкции, используемые китайскими информантами. Первая из них (92,3 %) – вопросительная конструкция «能不能...?» ‘Можешь или не можешь...?’ (你能不能借给我你的手机? ‘Не могли бы вы одолжить мне свой телефон?’), вторая (7,7 %) – конструкция «可以...吗?» ‘Можешь (можно)...?’ (可以用你的手机吗? ‘Можно воспользоваться Вашим телефоном?’). На наш взгляд, доминирующее число косвенных речевых актов, выраженных при помощи первой из них, обусловлено тем, что данная вопросительная структура позволяет предоставить адресату свободу выбора, снизить оказываемое на него давление. Вторая конструкция является менее вежливой, поэтому используется реже.

Что касается причин, на которые говорящие ссылались при обращении к адресату просьбы, то в ситуации 3 большая часть испытуемых предпочли отказаться от аргументации (77,8 %), применив тактику осведомления о возможностях адресата (你能借给我你的手机吗? ‘Вы можете одолжить мне свой телефон?’; 你能帮我一个忙吗? ‘Вы можете оказать мне одну услугу?’).

Вторая часть информантов (22,2 %) для выражения просьбы предпочли использовать тактику объяснения причины. Часть из них (16,4 %) ссылались на необходимость сделать срочный звонок: 很着急要打电话. 你能不能帮我? ‘Очень срочно нужно сделать звонок. Вы не могли бы помочь мне?’. Оставшиеся респонденты (5,8 %) упоминали, что забыли телефон дома: 我把自己的手机忘在家里了, 你能帮我一个忙吗? ‘Я забыл телефон дома, вы не могли бы сделать мне одолжение?’. Стоит отметить, что говорящие нередко комбинировали вышеупомянутые причины при выражении косвенной просьбы одолжить телефон: 很着急要打电话, 附近并没有可以打电话的地方. 你能不能借给我你的手机? ‘Очень срочно нужно сделать звонок, но поблизости нет никаких мест, откуда можно было бы позвонить. Не могли бы Вы одолжить мне свой телефон?’.

Упоминание сразу двух причин обращения за помощью к собеседнику – необходимости сделать звонок и отсутствия мобильного устройства – позволяют говорящему сделать свою просьбу более убедительной, повысить шансы на благоприятное решение проблемы.

Ситуация 4: 你会如何间接请别人帮助你画画儿 (为了学习/工作)? ‘Как Вы непрямо попросите другого человека помочь Вам нарисовать плакат (для учебы или работы)?’

В вышеописанной ситуации китайскими информантами были использованы только три лингвистических средства. Доминирующим среди них (88,5 %) является вопросительная конструкция с модальным глаголом «能不能...?» ‘Можешь или не можешь...?’ (你能不能帮我画画儿? ‘Не мог бы ты помочь мне нарисовать плакат?’). Часть говорящих (6,7 %) для непрямого выражения просьбы в ситуации 4 применили высказывания с выражением «需要...» ‘нужно...’ (我要画一幅画儿, 但是我画得很差. ‘Мне нужно нарисовать плакат, но рисую я очень плохо’). Еще пять информантов (4,8 %) предпочли косвенно реализовывать просьбу при помощи выражения «..., 好吗?» ‘..., хорошо?’ (你帮我画画儿, 好吗? ‘Ты поможешь мне нарисовать плакат, хорошо?’).

Что касается тактик, применяемых опрашиваемыми для непрямого выражения просьбы, на первом месте по частоте использования (95,2 %) в ситуации 4 находится тактика объяснения причины.

Наибольшее число информантов (76 %) при выражении данной интенции акцентировали внимание на таланте адресата просьбы: 你画得很好! ‘Ты очень хорошо рисуешь!’; 你有绘画天赋! ‘У тебя талант к рисованию!’; 你画得很棒! ‘Ты потрясающе рисуешь!’; 听说你打算考艺术学校. 好厉害呀! ‘Слышал, ты собираешься поступать в художественную школу. Круто!’ и т. д. Характер просьбы в ситуации 4 предполагает наличие творческих способностей у адресата как необходимого условия достижения цели адресанта, что обуславливает особое внимание испытуемых к таланту слушающего, желание сделать комплимент его способностям. Подобный фокус на творческих навыках собеседника помогает адресанту просьбы расположить его к себе.

Кроме того, 19,2 % испытуемых упомянули отсутствие либо низкий уровень навыка рисования как основание для обращения за помощью: 我画得很差. 你能不能帮我一下? ‘Я рисую очень плохо. Ты можешь помочь мне?’.

Оставшиеся говорящие (4,8 %) отдали предпочтение выражению просьбы без описания каких-либо причин для обращения к партнеру по коммуникации, воспользовавшись тактикой осведомления о возможностях адресата: 你能抽出一时间来帮助我吗? ‘Ты можешь выкроить немного времени, чтобы помочь мне?’.

Ситуация 5: 你会如何间接请熟人从外国给你带来书 (调料, 衣服, 等)? ‘Как Вы непрямо попросите знакомого привезти Вам книги (специи, одежду и др.) из другой страны?’

В данном случае на первое место по частоте употребления (39,4 %) выходит лингвистическое средство, которое не встречалось в ситуациях, описанных выше. Этим лингвистическим средством реализации косвенной просьбы является выражение «你有没有机会...?» ‘У тебя есть возможность...?’ (你有没有机会从国外给我带一个东西? ‘У тебя есть возможность привезти мне из этой страны одну вещь?’). Выбирая данный способ выражения просьбы, говорящий проявляет особую деликатность, акцентируя внимание не на своем желании, а на возможностях адресата.

Равное количество информантов воспользовались двумя средствами воплощения интенции в ситуации 5. Для формулировки просьбы 27 человек (26 %) использовали вопросительную конструкцию «能不能...?» ‘Можешь или не можешь...?’ (你能不能从欧洲给我带来纪念品? ‘Не мог бы ты привезти мне сувенир из Европы?’), столько же респондентов применили вопросительную конструкцию с тем же модальным глаголом «能», образованную по несколько другому принципу: «能...吗?» ‘Можешь...?’ (我收集外国硬币. 你能帮我一个忙吗? ‘Я коллекционирую иностранные монеты. Можешь оказать мне услугу?’).

Оставшиеся 8,6 % информантов при формулировании просьбы в ситуации 5 отдали предпочтение использованию выражения «...买不到» ‘не купить (не достать, не найти)’ (在这里买不到这个东西. 也许你可以找到它. ‘Здесь не достать такую вещь. Возможно, тебе удастся найти ее’).

Подобные высказывания для выражения просьбы в ситуации 5 звучат довольно убедительно, ведь говорящий за счет акцентирования внимания на главной проблеме – отсутствии возможности приобрести необходимую вещь в определенных территориальных границах – указывает на вынужденность обращения за помощью к собеседнику.

Говоря о тактиках, применяемых информантами для реализации просьбы в ситуации 5, стоит отметить, что большая часть опрошенных (67,3 %) отдали предпочтение тактике объяснения причины: 62,5 % говорящих сфокусировали внимание на невозможности купить желаемые вещи в своей стране. В рамках ситуации 5 этот аргумент является весомым для самого факта обращения к собеседнику с просьбой, а также достаточно убедительным для решения сложившейся проблемы в интересах говорящего: 在我国没有这个东西. 你能不能帮我一下? ‘В нашей стране нет этой вещи. Ты не мог бы помочь мне?’.

Помимо этого, пять испытуемых (4,8 %) при косвенной реализации интенции говорили о коллекционировании предметов, являющихся в рамках последней ситуации объектом просьбы: 我从小就开始集邮. 你能从俄罗斯给我带一些吗? ‘Я с детства коллекционирую марки. Ты можешь привезти мне несколько из России?’.

При этом немалое количество информантов (32,7 %) в ситуации 5 предпочли использовать тактику осведомления о возможностях адресата, отказавшись от описания каких-либо оснований при обращении к собеседнику с просьбой (你能帮我找找这个东西吗? ‘Ты можешь помочь мне найти эту вещь?’; 你有没有机会从这个国家给我带来一本书? ‘У тебя есть возможность привезти мне из этой страны одну книгу?’).

Заключение

Анализ материала исследования позволил прийти к выводу, что все лингвистические средства реализации косвенной просьбы в китайском языке можно разделить на две группы. К первой относятся средства, которые можно применить для непрямого выражения просьбы в широком круге ситуаций.

Другими словами, такие лингвистические средства носят универсальный характер. К наиболее часто используемым средствам этой группы в китайском языке относятся вопросительная конструкция «能不能...?» ‘Можешь или не можешь...?’, выражение «能...吗?» ‘Можешь...?’ и некоторые другие языковые средства, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

**Универсальные лингвистические средства реализации
косвенной просьбы в китайском языке**

Table 1

**Universal linguistic means of implementing
indirect request in the Chinese language**

Лингвистическое средство	Количество случаев использования
能不能...? ‘Можешь или не можешь...?’	280 (53,8 %)
能...吗? ‘Можешь...?’	105 (20,2 %)
你有没有机会...? ‘У тебя есть возможность...?’	41 (7,9 %)
可以...吗? ‘Можешь...?’	37 (7,1 %)
需要... ‘нужно...’	34 (6,5 %)
..., 好吗? ‘..., хорошо?’	5 (1,0 %)
我想请... ‘Я хочу попросить...’	3 (0,6 %)

Однако наряду с вышеперечисленными лингвистическими средствами, характеризующимися универсальностью применения, в китайском лингвокультурологическом пространстве существуют средства, использование которых для не прямой реализации просьбы возможно только в конкретных ситуациях общения. Например, фраза «你会说英语吗?» ‘Ты говоришь по-английски?’, как и выражение «...买不到» ‘не купить (не достать, не найти)’ могут использоваться только в определенных ситуациях. Первое выражение позволяет говорящему сформулировать свою интенцию в форме вопроса о наличии у собеседника навыка, необходимого для осуществления желаемого адресантом просьбы действия. Вторая фраза использовалась информантами для формулировки косвенной просьбы в ситуации 5.

Наибольшее число косвенных речевых актов просьбы в китайском языке реализуются в форме вопросительных предложений. В рамках данного лингвистического эксперимента количество просьб, выраженных в такой форме, составило 91,2 %. Остальная часть (8,8 %) косвенных просьб представляли собой повествовательные предложения (рис. 1).

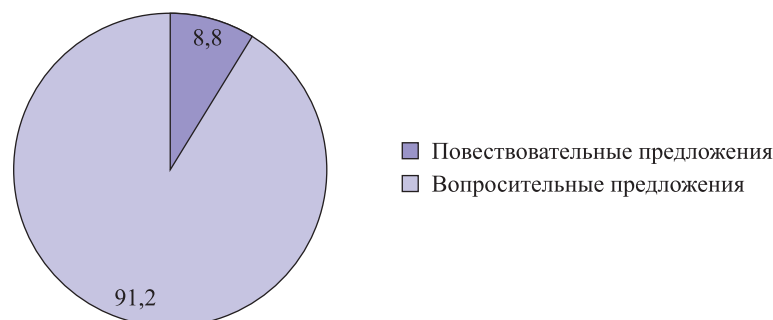

Рис. 1. Соотношение косвенных речевых актов с интенцией просьбы по типу предложений, %

Fig. 1. The ratio of indirect speech acts with the intention of request by type of sentence, %

Во всех ситуациях для непрямого выражения просьбы китайскими информантами были использованы только две тактики (рис. 2): тактика объяснения причины (56,8 %), что свидетельствует о значимости аргументации в качестве фактора, повышающего эффективность влияния на адресата просьбы, и тактика осведомления о возможностях адресата (43,2 %). Однако несмотря на то, что в большинстве случаев говорящие предпочитали описывать причины обращения к собеседнику за помощью, аргументируя свою просьбу, в ситуациях 2 и 3 тактика объяснения причины превалировала по количеству применений над тактикой осведомления о возможностях адресата. В ситуации 3 эту тактику использовали 77,8 % респондентов. В то же время в ситуации 4 тактику осведомления о возможностях адресата применили лишь 4,8 % опрошенных.

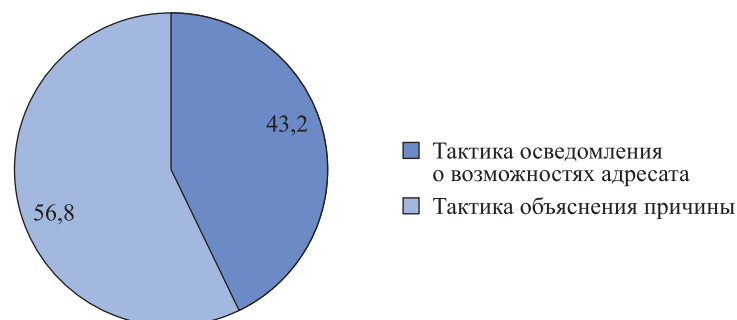

Рис. 2. Соотношение использования тактик выражения косвенной просьбы, %

Fig. 2. The ratio of tactics for expressing indirect request usage, %

Стоит обратить внимание на то, что только в 32 случаях из 520 испытуемые использовали некоторые актуализаторы вежливости, которые представлены в табл. 2.

Таблица 2

Актуализаторы вежливости в косвенных речевых актах с интенцией просьбы

Table 2

Politeness actualisers in indirect speech acts with the intention of request

Актуализатор вежливости	Количество случаев использования
麻烦你 ‘Извините за беспокойство; пожалуйста’	15 (2,6 %)
请问 ‘Скажите, пожалуйста’	11 (1,9 %)
如果方便的话 ‘Если можно’	3 (0,5 %)
如果于您方便的话 ‘Если Вас не затруднит’	2 (0,3 %)
打扰一下 ‘Простите, извините за беспокойство’	1 (0,2 %)

Важно отметить, что 32 случая употребления вышеупомянутых актуализаторов вежливости составляют лишь 6 % от общего числа полученных косвенных речевых актов с интенцией просьбы. На наш взгляд, это обстоятельство позволяет утверждать, что косвенная форма выражения просьбы в китайской лингвокультуре уже считается в достаточной степени вежливой и не требует употребления дополнительных интенсификаторов.

Библиографические ссылки

1. Павлова АВ. *Когнитивные и прагматические аспекты речевого акта просьбы при искусственном билингвизме*. Курск: Юго-Западный государственный университет; 2018. 142 с.
2. 张绍杰, 王晓彤. 请求语言行为的对比研究. *现代外语*. 1997;3:63–72 = Чжан Шаоцзе, Ван Сяотун. Сравнительное исследование речевого акта просьбы. *Современные иностранные языки*. 1997;3:63–72.
3. 沈志. 请求言语行为. *广西大学学报*. 2008;5:250–252 = Шэнь Чжи. Речевой акт просьбы. *Вестник Гуансийского университета*. 2008;5:250–252.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025.
Received by editorial board 24.12.2025.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ СРЕДСТВ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. В. ОВСЕЙЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет иностранных языков,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализирована когнитивно-дискурсивная эволюция периферийных средств сочинительной связи во французском языке. Построены диахронические семантические карты, визуализирующие траектории развития рассматриваемых единиц. Определены четыре ключевых аспекта этого процесса: 1) функционально-дискурсивные сдвиги; 2) семантические трансформации; 3) структурно-системные преобразования; 4) стилистическая и прагматическая динамика. Разработана классификационная матрица, которая включает 17 конкретных типов трансформаций, сгруппированных в шесть макрокатегорий, и представляет собой комплексную типологию семантико-функциональных сдвигов в языковой подсистеме. Установлено, что периферийные средства сочинительной связи являются динамичными, когнитивно мотивированными и функционально адаптируемыми единицами.

Ключевые слова: средства сочинительной связи; грамматикализация; когнитивные механизмы; семантическая карта; корпусные данные; французский язык; дискурсивные маркеры; типология сдвигов; языковая эволюция.

КАГНІТЫЎНА-ДЫСКУРСІЎНАЯ ЭВАЛЮЦЫЯ ПЕРЫФЕРЫЙНЫХ СРОДКАЎ ЗЛУЧНІКАВАЙ СУВЯЗІ Ў ФРАНЦУЗСКОЙ МОВЕ

Ю. У. АЎСЕЙЧЫК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт замежных моў,
вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Прааналізавана кагнітыўна-дыскурсіўная эвалюцыя перыферыіных сродкаў злучнікавай сувязі ў французскай мове. Пабудаваны дыяхранічныя семантычныя карты, якія візуалізуюць траекторыі развіцця разгляданых адзінак. Вызначаны чатыры ключавыя аспекты гэтага працэсу: 1) функцыянальна-дыскурсіўныя зрухі; 2) семантычныя трансфармацыі; 3) структурна-сістэмныя пераўтварэнні; 4) стылістычная і прагматычная дынаміка. Распрацавана класіфікацыйная матрыца, якая ўключае 17 канкрэтных тыпаў трансфармацый, згрупаваных у шэсць макракатэгорый, і уяўляе сабой комплексную тыпалогію семантыка-функцыянальных зрухаў у моўнай

Образец цитирования:

Овсейчик ЮВ. Когнитивно-дискурсивная эволюция периферийных средств сочинительной связи во французском языке. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;2:45–59.
EDN: LKFZAA

For citation:

Auseichyk YuV. The cognitive-discursive evolution of peripheral coordinating elements in French. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;2:45–59. Russian.
EDN: LKFZAA

Автор:

Юлия Владимировна Овсейчик – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета английского языка.

Author:

Yulia V. Auseichyk, PhD (philology), docent; head of the department of theoretical and applied linguistics, faculty of English language.
ovsei77@rambler.ru

падсістэме. Устаноўлена, што перыферычныя сродкі злучнікавай сувязі з’яўляюцца дынамічнымі, кагнітыўна матываванымі і функцыянальна адаптыўнымі адзінкамі.

Ключавыя словы: сродкі злучнікавай сувязі; граматыкалізацыя; кагнітыўныя механізмы; семантычная карта; карпусныя даныя; французская мова; дыскурсіўныя маркеры; тыпалогія зрухаў; моўная эвалюцыя.

THE COGNITIVE-DISCURSIVE EVOLUTION OF PERIPHERAL COORDINATING ELEMENTS IN FRENCH

Yu. V. AUSEICHYK^a

^aBelarusian State University of Foreign Languages,
21 Zaharava Street, Minsk 220034, Belarus

Abstract. This study examines the cognitive-discursive evolution of peripheral coordinating elements in French. Diachronic semantic maps were constructed to visualise developmental trajectories of the analysed units. Four key aspects of this process were identified: 1) functional-discursive shifts; 2) mechanisms of semantic transformation; 3) structural-systemic transformations; 4) stylistic and pragmatic dynamics. The developed classification matrix, comprising 17 specific types of transformations grouped into six macrocategories, constitutes an integrated typology of semantic-functional shifts within this linguistic subsystem. It has been established that peripheral coordinating elements represent dynamic, cognitively motivated, and functionally adaptable units.

Keywords: coordinating elements; grammaticalisation; cognitive mechanisms; semantic map; corpus data; French; discourse markers; typology of shifts; language evolution.

Введение

Современные лингвисты, переосмысливая статус служебных слов, рассматривают их не как вспомогательные элементы, а как ключ к пониманию когнитивных механизмов языка. Этот концептуальный переход сопровождается расширением методологического инструментария: наблюдается переход от традиционного грамматического анализа к корпусной лингвистике и компьютерному моделированию (см. аналитический обзор теоретических и прикладных проблем изучения служебных слов [1], а также надкорпусную базу дискурсивных коннекторов¹). В этом контексте средства сочинительной связи в широком понимании (союзы, наречия и т. д.) получают функцию динамичных дискурсивных маркеров [2], играющих ведущую роль в организации текста и управлении коммуникативным взаимодействием [3]. Их эволюция представляет собой сложное переплетение разнонаправленных процессов, среди которых центральное место занимают грамматикализация и прагматикализация. Неотъемлемым результатом этих процессов выступает транскатегориальность как способность языковой единицы функционировать в рамках разных грамматических категорий [4; 5].

Особую значимость транскатегориальность приобретает во французском языке: такие единицы, как *alors*, *pourtant* или *sinon*, сохранив исходные категориальные свойства, получили способность выступать как в роли сочинительного союза, устанавливающего логико-семантические отношения между пропозициями, так и в роли дискурсивного маркера, выражающего отношение говорящего и организующего взаимодействие. Можно привести несколько примеров из Национального корпуса французского языка *Frantext*² (далее – FR): *Elles semblent se maintenir à une distance infime, **pourtant**³ perceptible* ‘Они как бы удерживаются на крошечном, **но** ощутимом расстоянии’⁴ (FR; Toniello Fl. Ganaha: un conte futur dans une langue passé. 2020); *Je suis la concierge. Je suis laide, grasse et acariâtre. – **Pourtant**, vous n’avez pas l’air d’une concierge* ‘Я консьержка. Я некрасивая, толстая и сварливая. – **И все же** Вы не похожи на консьержку’ (FR; Barbéry M. L’élégance du hérisson. 2006). В нашей работе такие неоднородные по ча-

¹Надкорпусные базы данных: многоаспектное аннотирование параллельных текстов [Электронный ресурс]. URL: <http://a179.frccsc.ru/PublicLingvoProjects/main.aspx> (дата обращения: 20.05.2025).

²Bienvenue dans Frantext // Frantext : website. URL: <http://www.frantext.fr> (date of access: 20.05.2025).

³Здесь и далее полужирный курсив наш. – Ю. О.

⁴Здесь и далее перевод наш. – Ю. О.

стеречной принадлежности единицы, по-разному формирующие конъюнктивные свойства в ходе развития французского языка, квалифицируются как периферийные единицы сочинения в отличие от ядерных единиц сочинения (унаследованных из латыни сочинительных союзов *et* 'и', *ni* 'ни' и *ou* 'или' и новообразованных в старофранцузском языке единиц *car* 'так как', *donc* 'поэтому', *or* 'а, но, однако, итак', *mais* 'но') [6, с. 31–38].

Несмотря на значительное количество работ, посвященных как отдельным единицам (например, транскатегориальному статусу единицы *soit* [7], метатекстовым маркерам переформулирования *c'est-à-dire*, *à savoir* [8], дискурсивным значениям единицы *alors* [9; 10] и т. д.), так и трансформационным процессам и их результатам (например, многозначности дискурсивных маркеров в романских языках [11], функционированию коннекторов в устном и письменном дискурсе [12], общим тенденциям грамматикализации и прагматикализации во французском языке [13], пониманию и интерпретации разного рода логических и дискурсивных связей [14]), комплексная типология семантических и функциональных сдвигов, способная описать системную динамику транскатегориальных единиц, которые выступают в роли средств сочинительной связи во французском языке, в ее многоаспектности, до сих пор отсутствует. Целью настоящей статьи является освещение разработанной комплексной типологии разнопорядковых сдвигов в системе периферийных средств сочинительной связи французского языка на основе интеграции когнитивного, функционального, синтаксического и системного подходов.

Материалы и методы исследования

Методологию исследования составляют фундаментальные основы типологии семантических переходов⁵, содержащиеся в базе данных Database of semantic shifts [16], и типологии колексификации [17], в частности метод семантических карт, успешно апробированный на материале модальных глаголов [18], пространственных предлогов и падежей [19], отрицательных экзистенциальных конструкций [20], темпоральной лексики древнеегипетского языка в диахронии [21] и получивший дальнейшее теоретическое осмысление в исследованиях семантической типологии [22]. Также методологическая база включает теорию грамматикализации [23; 24], механизм концептуальной метафоры [25; 26], теорию аргументации [27] и принципы корпусной лингвистики⁶.

Для унифицированного представления каждой из отобранных нами транскатегориальных единиц, которые проявляют конъюнктивные свойства в современном французском языке (согласно академическому справочнику по грамматике французского языка [28] зафиксировано 49 таких единиц), на основе систематизированной информации из оцифрованной версии 16-томного печатного издания фундаментального академического словаря французского языка «Сокровищница французского языка» («Trésor de la langue française»⁷) и электронной базы данных среднефранцузского периода Dictionnaire du moyen français (1330–1500)⁸ нами создан шаблон блок-схемы диахронической семантической карты. Для каждой единицы фиксировалось ее исходное значение и устанавливались этапы семантической эволюции, т. е. изменения исходного значения через функциональную специализацию в различных дискурсивных сферах, закрепление связующей функции и развитие дискурсивных значений. Полученные данные дополнялись иллюстративными примерами из Национального корпуса французского языка⁹. В частности, в результате применения метода были сконструированы диахронические семантические карты для единиц *d'ailleurs* 'впрочем', *alors* 'тогда', *à savoir* 'а именно', которые визуализируют в хронологической последовательности множественные процессы трансформаций единиц (см. рисунок).

Следующим шагом анализа, основанного на результатах построения диахронических семантических карт для всего корпуса отобранных единиц, выступила систематизация выявленных трансформаций. Обобщение материала позволило выделить четыре ключевых аспекта эволюции рассматриваемых транскатегориальных единиц: 1) функционально-дискурсивные сдвиги; 2) семантические трансформации; 3) структурно-системные преобразования; 4) стилистическую и прагматическую динамику.

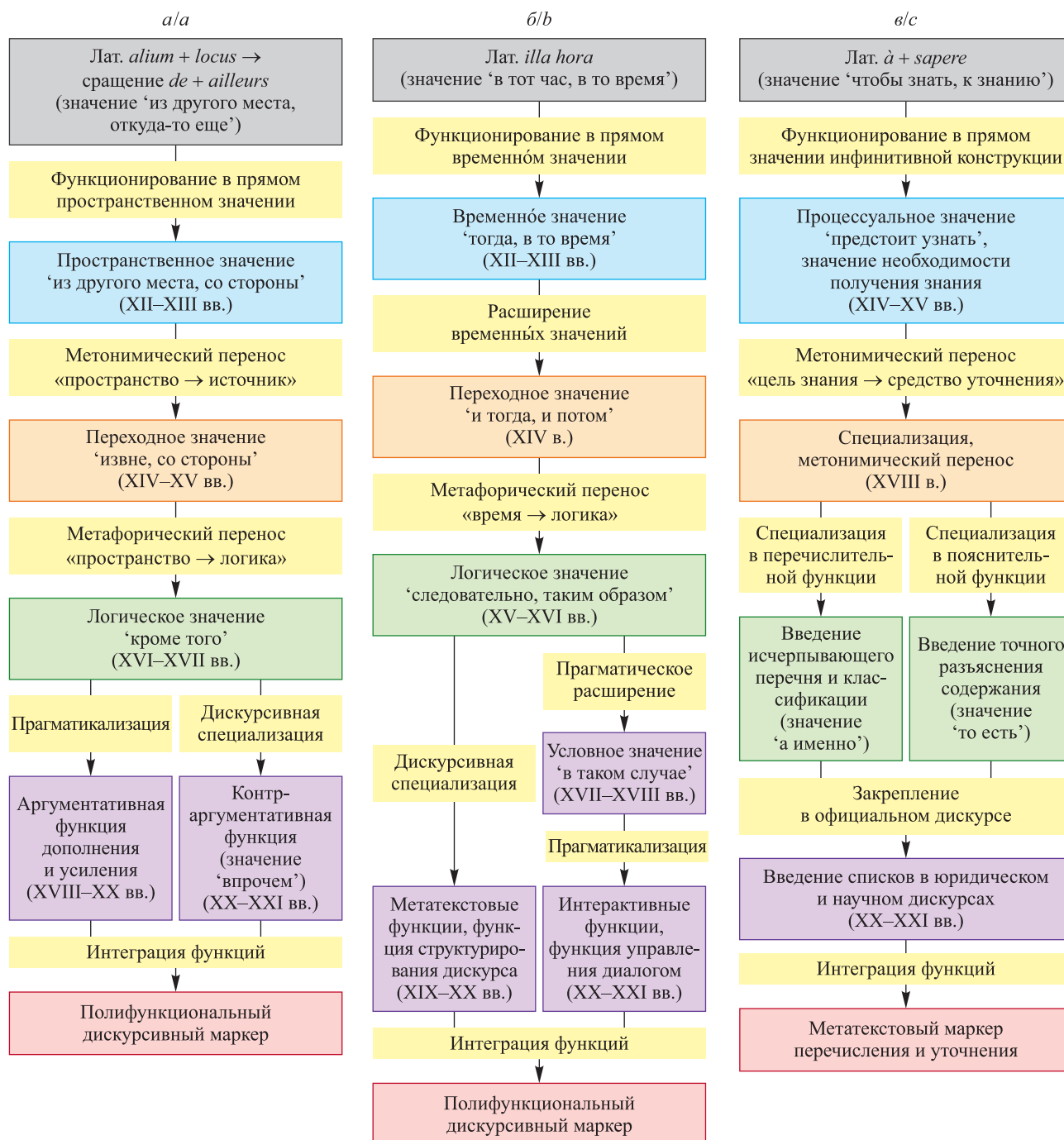
⁵Семантический переход понимается как историческое изменение значения слова, приводящее к установлению новой устойчивой связи между звуковым комплексом и понятием [15].

⁶Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. М. : Едиториал УРСС, 2001. 360 с.

⁷Trésor de la langue française informatisé // Analyse et traitement informatique de la langue française : website. URL: <http://atilf.fr/ressources/tlfi> (date of access: 20.05.2025).

⁸Dictionnaire du moyen français (1330–1500). Version 2023 // Analyse et traitement informatique de la langue française : website. URL: <http://www.atilf.fr/dmf> (date of access: 20.05.2025).

⁹Bienvenue dans Frantext // Frantext : website. URL: <http://www.frantext.fr> (date of access: 20.05.2025).

Диахронические семантические карты для единиц *d'ailleurs* (a), *alors* (б), *à savoir* (в).
Серым цветом выделены блоки, отражающие этимологию, исходное значение единицы;
желтым цветом – блоки, отражающие тип сдвига; голубым цветом – блоки, отражающие ранние этапы семантической эволюции; оранжевым цветом – блоки, отражающие переходные этапы семантической эволюции и ключевые когнитивные сдвиги;
зеленым цветом – блоки, отражающие союзную функцию единицы;
фиолетовым цветом – блоки, отражающие прагматические функции единицы;
розовым цветом – блоки, отражающие современное состояние единицы

Diachronic semantic maps for *d'ailleurs* (a), *alors* (b), *à savoir* (c).
Gray colour indicates blocks, reflecting the etymology, the original meaning of the unit;
yellow colour – blocks, reflecting the type of shift; blue colour – blocks, reflecting early stages of semantic evolution; orange colour – blocks, reflecting transitional stages of semantic evolution and key cognitive shifts;
green colour – blocks, reflecting the union function of the unit;
purple colour – blocks, reflecting the pragmatic functions of the unit;
pink colour – blocks, reflecting the current state of the unit

Функционально-дискурсивные сдвиги

В эволюции транскатегориальных языковых единиц функционально-дискурсивный сдвиг представляет собой переход единиц из сферы лексики или грамматики в дискурсивное пространство, где они приобретают организующую, интерпретативную и интересубъективную функции. В рамках этого перехода особое значение имеют три взаимосвязанных процесса: грамматикализация, прагматикализация и дискурсивная специализация. Грамматикализация, как «процесс формирования грамматических показателей, который затрагивает как морфемы, так и целые конструкции» [23, р. 11], обеспечивает структурную интеграцию единицы в систему средств сочинительной связи, в то время как прагматикализация, обусловленная коммуникативной необходимостью, наделяет ее интересубъективной и регулятивной функциями [24], а дискурсивная специализация закрепляет ту или иную единицу в социальных и жанровых практиках.

Корпусный анализ репрезентативной выборки из базы FR (22 720 243 словоупотребления за период с 2000 г. по 2025 г.) выявил значительную вариативность в степени конъюнкционализации рассматриваемых единиц (табл. 1). Методика исчисления представлена в работе [6, с. 93–112, 217–222].

Таблица 1

Доля союзного способа употребления транскатегориальных единиц

Table 1

The proportion of conjunctive usage of transcategorial units

Единица	Доля, %	Единица	Доля, %	Единица	Доля, %
<i>et (ou)</i>	100,0	<i>par contre</i>	36,0	<i>au moins</i>	21,5
<i>soit... ou</i>	95,0	<i>au surplus</i>	34,5	<i>par conséquent</i>	21,0
<i>voire</i>	95,0	<i>(à) savoir (que)</i>	33,0	<i>de même (que)</i>	20,0
<i>c'est-à-dire</i>	91,0	<i>après tout</i>	33,0	<i>en effet</i>	20,5
<i>c'est pourquoi</i>	82,0	<i>toutefois</i>	32,0	<i>enfin</i>	19,5
<i>tantôt</i>	79,0	<i>de fait</i>	31,0	<i>soit</i>	17,5
<i>puis</i>	71,3	<i>pourtant</i>	30,5	<i>au reste</i>	17,1
<i>sinon</i>	68,5	<i>en fait</i>	28,0	<i>du reste</i>	16,0
<i>en outre</i>	57,0	<i>ainsi (que)</i>	26,5	<i>encore que</i>	9,0
<i>non moins que</i>	50,0	<i>aussi bien que</i>	26,0	<i>par suite</i>	8,8
<i>du moins</i>	47,5	<i>au contraire</i>	25,5	<i>encore</i>	7,8
<i>ou bien</i>	45,5	<i>finaleme nt</i>	25,5	<i>conséquemment</i>	7,1
<i>alors</i>	45,3	<i>néanmoins</i>	25,0	<i>partant</i>	7,0
<i>en revanche</i>	43,0	<i>effectivement</i>	25,0	<i>de plus</i>	6,0
<i>cependant</i>	41,5	<i>d'ailleurs</i>	24,5	<i>aussi</i>	5,3
<i>ensuite</i>	38,5	<i>à la vérité</i>	23,0	<i>plutôt, sitôt</i>	по 1,0

Как следует из полученных корпусных данных, доля употреблений исследуемых единиц в союзной функции, т. е. их полная грамматикализация, сопровождаемая утратой лексического содержания и фиксацией в инициальной позиции, колеблется от 1,0 до 100 %. Однако для более чем 80 % единиц пропозициональный способ употребления не является основным: союзную функцию при маркировании логико-семантических отношений (о разграничении семантики выражаемого логико-семантического отношения и уровня анализа, на котором оно устанавливается, подробнее см. [29, с. 64–67]) они выполняют в менее половины контекстов репрезентативной выборки.

Каждая из единиц следует своей индивидуальной траектории развития. Так, единица *puis* (лат. *post* ← *post* ‘после’¹⁰) с высокой степенью конъюнкционализации прошла следующий путь от временного значения к аддитивному, сохранив при этом все промежуточные значения: ‘позже, после, затем’ (XI–XII вв.) → ‘потом’ (XIV–XV вв.) → ‘далее, а также, в-третьих’, ‘вдобавок, сверх того’ (XVII–XVIII вв.) → ‘и’ (XIX–XX вв. и далее). Ср.: *Puis chevalcherent, laissent estes les porz* ‘Затем они поехали, оставив позади перевалы’ (FR; La Chanson de Roland. 1100); *Si lui fut la ville rendue... et puis se mist en son obéissance tout le pays d’alentour* ‘Итак, город был ему возвращен... и **u nomom** в его владение

¹⁰Trésor de la langue française informatisé // Analyse et traitement informatique de la langue française : website. URL: <http://atfl.fr/ressources/tlfi> (date of access: 20.05.2025).

перешла вся окружающая страна' (FR; de Pizan Ch. Le Livre de la Cité des Dames. 1405); *On distingue deux mémoires: la mémoire des choses et la mémoire des raisonnements. On peut puis en ajouter une troisième* 'Различают два вида памяти: память о вещах и память о рассуждениях. Можно **затем (далее)** добавить и третью' (FR; Diderot D. Éléments de physiologie. 1780); *Elle était belle, gracieuse, puis elle avait cet esprit vif qui séduit* 'Она была красива, изящна, **к тому же** обладала тем живым умом, который пленяет' (FR; de La Fayette M. La Princesse de Clèves. 1678); *J'ai bien dormi, puis je me suis promenée* 'Я хорошо поспала **и** погуляла' (FR; Flaubert G. Madame Bovary. 1856); *Ils s'engueulent en portugais ou en espagnol, puis se taisent* 'Они ругаются по-португальски или по-испански **и** замолкают' (FR; Quentin A. Soeur. 2019).

Эволюционный путь единицы *alors* 'в тот час, в то время' со средней степенью конъюнкционализации от временного значения к выражению логического следствия, а впоследствии к маркированию инициализации реплики, усиления, заполнению паузы, выражению эмоций (см. рисунок) соответствует предложенной Э. К. Трауготт модели семантико-прагматического изменения: выражение объективного содержания (*propositional*) → организация текста (дискурса) (*textual*) → выражение отношения говорящего к пропозиции (*subjective*) → ориентация на адресата, управление его вниманием, ожиданиями, взаимодействием (*intersubjective*) [30]. В свою очередь, единица *soit* (изначально глагольная форма сослагательного наклонения глагола *être* 'быть') в результате частичной грамматикализации (доля употреблений в союзной функции составляет 17,5 %) трансформируется в служебный элемент, маркирующий дизъюнкцию или пояснение. Ср.: *Soit aidanz...* 'Да **будь** он помощником...' (FR; Serments de Strasbourg. 842); *...cette matière doit être divisible en parties... soit en effet actuelles, soit potentielles* '...эта материя должна быть делима на части... **либо** на части актуальные, **либо** на части потенциальные' (FR; Descartes R. Les Principes de la philosophie. 1644); *La première vérité qui sort de cet examen sérieux de la nature, soit de ces calculs réels...* 'Первая истина, которая возникает из этого серьезного изучения природы, **то есть** из этих реальных расчетов' (FR; Leclerc de Buffon G.-L. Histoire naturelle, générale et particulière. 1788).

Особую роль в эволюции транскатегориальных единиц играет дискурсивная специализация – процесс их закрепления за определенным типом дискурса. Так, две изначально описательные инфинитивные конструкции *c'est-à-dire* (букв. 'это значит сказать') и *à savoir* (букв. 'чтобы знать') теряют свое пропозициональное значение и становятся инструментами управления интерпретацией. Полифункциональный маркер *c'est-à-dire* используется для переформулирования и коррекции (*Il faut être ce que vous êtes... c'est-à-dire qu'il faut être faux avec les uns, vrai avec les autres* 'Нужно быть тем, кто вы есть... **то есть** нужно быть лживым с одними, правдивым с другими' (FR; Diderot D. Le Neveu de Rameau. 1773)), ввода примера или иллюстрации (*Le sens des responsabilités... il se nourrit dans l'action. C'est-à-dire qu'il naît dès que l'on s'engage* 'Чувство ответственности... оно взращивается в действии. **То есть** оно рождается, как только ты принимаешь на себя обязательства' (FR; de Saint-Exupéry A. Terre des hommes. 1939)), указания на саморефлексию (...*j'ai senti que j'avais été heureux. C'est-à-dire... que je n'avais plus rien à désirer* '...я почувствовал, что был счастлив. **То есть**... мне больше нечего было желать' (FR; Camus A. L'Étranger. 1942)). Лексическая единица *à savoir* специализируется во введении исчерпывающего перечня в философских, юридических и академических текстах (*Les justificatifs requis sont les suivants, à savoir: pièce d'identité, justificatif de domicile, formulaire CERFA* 'Требуемые документы следующие: удостоверение личности, документ, подтверждающий место жительства, и формуляр CERFA' (FR; Document juridique. 2024)). Сравнительный корпусный анализ частотности употребления единиц по типам дискурса свидетельствует о дискурсивной специализации единиц (табл. 2).

Таблица 2

Частотное распределение единиц *c'est-à-dire* и *à savoir*
на 1 млн словоупотреблений по типам дискурса

Table 2

Frequency distribution of units *c'est-à-dire* and *à savoir*
per 1 mln word tokens by discourse types

Единица	Частотность употребления				
	Художественный дискурс	Публицистический дискурс	Философский и юридический дискурсы	Академический дискурс	Драматургический дискурс
<i>c'est-à-dire</i>	168	119	51	29	243
<i>à savoir</i>	7	35	93	128	< 1

Примечание. Составлено на основе данных FR за период с 1800 по 2025 г.

Еще одним примером дискурсивной специализации является изначальное использование единицы *par conséquent* 'следовательно' (калька латинского слова *per consequens*), сигнализирующей о строгой логической дедукции, в переводах и сочинениях ученых, следующих латинской традиции, и ее сохра-

няющееся преобладание в академическом и философском дискурсах (табл. 3) в отличие от более употребительных единиц с семантикой следствия *alors* и *donc*, допускающих менее формальные логические связи: ...*et par conséquent il est nécessaire que la terre soit de nature pesante* ‘...и, следовательно, необходимо, чтобы земля была по природе тяжелой’ (FR; Oresme N. Le Livre du ciel et du monde. 1377); *Si la douleur est nécessaire pour l’expiation des péchés, par conséquent ceux que vous assurez d’un salut facile et prochain doivent être dans une grande indifférence pour les souffrances* ‘Если страдание необходимо для искупления грехов, следовательно, те, кому вы обещаете легкое и скорое спасение, должны с великим равнодушием относиться к страданиям’ (FR; Pascal Bl. Les Provinciales. 1656).

Таблица 3

Частотное распределение единиц *donc*, *alors* и *par conséquent*
на 1 млн словоупотреблений по типам дискурса

Table 3

Frequency distribution of units *donc*, *alors* and *par conséquent*
per 1 mln word tokens by discourse types

Единица	Частотность употребления				
	Художественный дискурс	Публицистический дискурс	Философский и юридический дискурсы	Академический дискурс	Драматургический дискурс
<i>donc</i>	203	178	86	69	281
<i>alors</i>	141	109	29	23	249
<i>par conséquent</i>	6	19	112	141	2

Примечание. Составлено на основе данных FR за период с 1800 по 2025 г.

Функционально-дискурсивные сдвиги взаимообусловлены: единица *alors* одновременно демонстрирует признаки грамматикализации (утрата исходного временного значения), прагматикализации (выражение эмоциональной оценки) и частичной дискурсивной специализации (преобладание в драматургических контекстах), в то время как единица *par conséquent* остается маркером академического дискурса.

Семантические трансформации

Семантическая эволюция рассматриваемого функционального класса слов во французском языке подчиняется универсальным когнитивным принципам, в основе которых лежит переход знаний из конкретных, телесно-ориентированных сфер (пространство, время, физическое действие) в абстрактные (логика, аргументация, дискурс) [25; 26]. Эта трансформация, ведущую роль в которой играют когнитивные механизмы метафоры и метонимии¹¹, сопровождается семантическим ослаблением, расширяющим функциональную гибкость языковых единиц. Анализ сформированных нами диахронических семантических карт позволяет проиллюстрировать универсальные траектории концептуальных трансформаций (изменение исходного значения единиц, приобретение союзной функции при маркировании логико-семантических отношений).

Метонимический тип семантического сдвига, основанный на смежности внутри одной концептуальной области, является доминирующим (23 единицы, или 46,94 %). Рассмотрим примеры данного типа семантического сдвига.

1. Метонимический перенос «причина → следствие». Данный метонимический сдвиг основан на том, что упоминание причины автоматически активирует представление о ее следствии и именно оно становится фокусом высказывания. Изначально относительное придаточное предложение причины *c’est pourquoi*¹², отсылающее к антецеденту, редуцируется до маркера, указывающего на следствие. Ср.: *Ço sent Rollant que la mort li est pres, par quei son caple desment effaitement* ‘Чувствует Роланд, что смерть близка к нему, и потому свой обет он исполняет сполна’ (FR; La Chanson de Roland. 1100); *Tout est bien sortant des mains de l’Auteur des choses, tout dégénère entre les mains de l’homme... C’est pourquoi je le veux élever dans la campagne* ‘Все выходит совершенным из рук Творца вещей, все вырождается в руках человека... Вот почему я хочу воспитывать его [Эмиля] в деревне’ (FR; Rousseau J.-J. Émile, ou De l’éducation. 1762); *Il a menti. C’est pourquoi je ne lui fais plus confiance* ‘Он солгал. Поэтому я ему больше не доверяю’ (FR; Borie M. Dulce de leche. 2021).

¹¹Единицы *c’est-à-dire* (грамматикализация описательной инфинитивной конструкции), *et (ou)* (сращение двух антагонистических союзов), *ou bien* (прагматическая интенсификация разделительного союза частицей) классифицированы как особые случаи, не связанные с когнитивным переносом.

¹²Trésor de la langue française informatisé // Analyse et traitement informatique de la langue française : website. URL: <http://atfl.fr/ressources/tlfi> (date of access: 20.05.2025).

2. Метонимический перенос «время → следствие». Хронологическая последовательность переосмысливается как логическая последовательность. Уже упомянутая единица *alors* проходит следующий трансформационный путь: указание на момент времени (значение ‘в тот час, в то время’) → указание на нарративное следствие (значение ‘и тогда, и потому’) → логический оператор (значение ‘следовательно, таким образом’). Ср.: *Alors s’an issi de la chapele uns homs... ‘В тот час* вышел из часовни один человек...’ (FR; Queste del Saint Graal. 1220); *Et quant il oy que la pucelle devoit estre arse, moult en fu esbahy et courroucé, alors y envoya ses messages* ‘И когда он услышал, что девицу должны сжечь, он был сильно изумлен и разгневан, *и тогда* послал туда своих гонцов’ (FR; de Pizan Ch. Le Livre de la Cité des Dames. 1405); *...et pour ce que nos raisonnements ne sont jamais si évidents ni si accomplis pendant le sommeil que pendant la veille, alors mon esprit s’aperceva assez, qu’il ne doit point du tout se laisser persuader* ‘...и поскольку наши рассуждения никогда не бывают столь ясны и совершенны во сне, сколь наяву, *то* мой разум с очевидностью заключит, что ему вовсе не должно поддаваться никакому убеждению’ (FR; Descartes R. Discours de la méthode. 1637).

3. Метонимический перенос «образ действия → результат». Конкретный способ совершения действия переосмысливается как его закономерное следствие. Ср.: *Si se delibera qu’il yroit vers le saint homme pour l’assaillir de son fait, et ainsi le fist* ‘И он вознамерился пойти к святому мужу, дабы обвинить его в своем проступке, и *так (таким образом)* он и поступил’ (FR; de Pizan Ch. Le Livre de la Cité des Dames. 1405); *L’homme n’est qu’un roseau, le plus faible de la nature; mais c’est un roseau pensant... Ainsi, toute notre dignité consiste dans la pensée* ‘Человек – всего лишь тростник, слабейший из творений природы; но это тростник мыслящий... *Таким образом (umak)*, все наше достоинство заключается в способности мыслить’ (FR; Pascal Bl. Les Pensées. 1670); *Je faisais mes cours comme si j’étais un civil. J’étais en civil. Ainsi ils ne me devaient pas salut. Et ils ne me saluaient pas* ‘Я читал лекции, как если бы я был штатским. Я был в штатском. *Следовательно*, они не должны были отдавать мне честь. И мне не отдавали честь’ (FR; Roubaud J. Impératif catégorique: récit. 2008).

4. Метонимический перенос «цель знания → средство уточнения». Процесс получения знания переосмысливается как инструмент точного определения того, что следует знать. Ср.: *...et leur bailla certaines enseignes, à savoir un anneau et une lettre* ‘...и вручил им опознавательные знаки, *а именно* кольцо и письмо’ (FR; Froissart J. Chroniques. 1400); *Il y a trois espèces de gouvernements: à savoir le républicain, le monarchique et le despotique* ‘Существует три вида правления, *а именно* республиканское, монархическое и деспотическое’ (FR; de Montesquieu Ch. L. De l’esprit des lois. 1748).

5. Метонимический перенос «часть → целое». Единицы *au reste* и *du reste* (букв. ‘к остатку, из остатка’), восходящие к существительному *reste* ‘остаток’, переосмысливаются: изначально они указывали на отдельную часть (значение ‘остаток, последний пункт’), а сейчас обобщают все сказанное (значение ‘впрочем, одним словом’). Ср.: *Un courtisan... est bas, insolent... selon les personnes... Au reste, il croit être inconnu... et il ne se trompe pas* ‘Придворный... низок, нагл... в зависимости от того, с кем имеет дело... *Впрочем*, он полагает, что остается неузнанным... и он не ошибается’ (FR; de La Bruyère J. Les Caractères. 1688); *Il travaillait... du reste, il était sans inquiétude* ‘Он работал... *впрочем*, он был без тревог’ (FR; Flaubert G. Madame Bovary. 1856).

6. Метонимический перенос «все обстоятельства → уступка». Значение ‘при всех обстоятельствах’ развивается в значение ‘несмотря ни на что’ через включение обстоятельств, противоречащих ожиданиям. Ср.: *Et je, qui toutefois l’amoie... ‘А я, который постоянно ее любил...’* (FR; de Machaut G. Le Livre du Voir-Dit. 1365); *Le gain de nos batailles doit être attribué à la bonté de nos chefs, la perte à leur malheur; toutefois il y a de l’injustice à s’en plaindre* ‘Успех в наших сражениях должно приписывать доблести наших полководцев, поражение – их злему року; *но при всем том* роптать на это несправедливо’ (FR; de Montaigne M. Essais. 1580).

Метафорический тип семантического сдвига, основанный на сходстве между концептуальными областями, также широко представлен (17 единиц, или 34,69 %). Рассмотрим примеры данного типа семантического сдвига.

1. Метафорический перенос «пространство → время → логика». Эта когнитивная универсалия отражает, как линейное расположение в пространстве становится моделью для представления хронологического порядка, а затем – моделью для представления логической связи. Так, единица *ensuite* (лат. *sequi* ‘следовать за’), изначально описывающая физическое следование одного объекта или лица за другим в пространстве, в XIV–XV вв. в соответствии с когнитивной моделью *время как путь* начинает выражать временную последовательность и к XVII в. закрепляется как нарративный маркер хронологии. Ср.: *Elle... avait les yeux rivés sur lui; ensuite, se tournant vers ses dames...* ‘Она... не сводила с него глаз; *затем*, обращаясь к своим дамам...’ (FR; de La Fayette M. La Princesse de Clèves. 1678); *Il y a deux mémoires: l’une, l’effet de l’habitude et de l’organisation... l’autre, la mémoire des faits. Ensuite, il y a un troisième genre de mémoire, la mémoire des invectives* ‘Существует два вида памяти: одна – следствие привычки

и организации... другая – память о фактах. *Далее (затем)* существует и третий вид памяти – память об оскорблениях’ (FR; Diderot D. *Éléments de physiologie*. 1774).

2. Метафорический перенос «физическое действие → противопоставление». Конкретные действия или состояния становятся основой для абстрактных логических операторов. В качестве примера можно привести семантический сдвиг единицы *au contraire*, а именно изменение ее пространственного значения ‘направление к противоположному’ на значение интеллектуального опровержения ‘напротив, наоборот’. Ср.: *...et non pas que la nature y ait failli, au contraire elle y a bien ouvert* ‘...и не то чтобы природа здесь ошиблась, **напротив**, она хорошо потрудились’ (FR; de Pizan Ch. *Le Livre de la Cité des Dames*. 1405); *La vérité, ce n’est point ce qui se démontre. Au contraire, c’est ce qui simplifie* ‘Истина – это вовсе не то, что доказуемо. **Напротив**, это то, что упрощает’ (FR; de Saint-Exupéry A. *Terre des hommes*. 1939).

3. Метафорический перенос «возмездие → компенсация». Ответное враждебное действие в контексте конфликта переосмысливается как позитивное уравнивание, возмещение потери или недостатка. Ср.: *...ils firent en revanche de grands dommages sur les frontières* ‘...они **в отместку** нанесли большой ущерб в приграничных землях’ (FR; Froissart J. *Chroniques*. 1400); *...il ne pouvait s’empêcher d’avoir de la douleur... en revanche il avait une satisfaction sensible de voir* ‘...он не мог не чувствовать боли... **наоборот**, он испытывал осязаемое удовлетворение видеть’ (FR; de La Fayette M. *La Princesse de Clèves*. 1678).

4. Метафорический перенос «материальный излишек → добавление». Конкретный финансовый или юридический избыток переосмысливается как дополнительная информация: *Giton a le teint frais, le visage plein et les joues pendantes, l’œil fixe et assuré, les épaules larges... il est grave dans sa marche... Il parle avec confiance; au surplus, ignorant* ‘Житон обладает свежим цветом лица, ликом полным и щеками отвислыми, взором неподвижным и уверенным, широкими плечами... Поступь его величавая... Говорит он самоуверенно; **вдобавок (к тому же)** он невежда’ (FR; de La Bruyère J. *Les Caractères*. 1688).

В ряде случаев (6 единиц, или 12,24 %) выявлен комбинированный тип семантического сдвига, при котором метафора и метонимия действуют совместно в рамках одной эволюционной траектории. Рассмотрим примеры данного типа семантического сдвига.

1. Пространственные понятия напрямую переосмысливаются как элементы логической структуры аргументации. У единицы *d’ailleurs* значение ‘из другого места, в другом месте’ через концептуальную смежность развивается в значение ‘из другого источника’ (метонимический перенос «пространство → источник») и одновременно физическое пространство переосмысливается как ментальное пространство аргументации (метафорический перенос «пространство → дополнение»), что приводит к возникновению нового значения ‘кроме того, более того’. Ср.: *Et vinrent d’ailleurs gens d’armes* ‘И прибыли **из других мест** вооруженные люди’ (FR; Froissart J. *Chroniques*. 1400); *Je ne me mesle ny d’astrologie, ny de judiciaire... et me suis tousjours defendu de la sorcellerie et visions... d’ailleurs je n’ay point esté sans commerce des magiciens* ‘Я не занимаюсь ни астрологией, ни ворожбой... и всегда остерегался колдовства и видений... **хотя, с другой стороны**, вовсе не чуждался общения с магами’ (FR; de Montaigne M. *Essais*. 1580); *Le nez de Cléopâtre: s’il eût été plus court, toute la face de la terre aurait changé... D’ailleurs, les effets ne sont pas proportionnables aux causes* ‘Нос Клеопатры: будь он чуть короче, изменился бы облик всей земли... **Более того**, следствия несоразмерны своим причинам’ (FR; Pascal Bl. *Pensées*. 1670).

2. Юридический статус «де-факто» переосмысливается как введение логического аргумента, основанного на фактах. Семантическая эволюция единицы *de fait* ‘в силу того, что произошло’ (лат. *de facto* (букв. ‘от сделанного’)) совмещает метафорический перенос «конкретное → абстрактное» и метонимический перенос «факт → обоснование». Ср.: *Se li sires est de fait saisis* ‘Если сеньор **фактически** вступил во владение’ (FR; Les Établissements de Saint Louis. 1273); *...ils se sont servis de la liberté naturelle... pour se prévaloir... De fait, ils ont bien suivi cet instinct* ‘...они воспользовались естественной свободой... чтобы преуспеть... **В самом деле**, они последовали этому инстинкту’ (FR; de Montaigne M. *Essais*. 1580); *Jeanne est réveillée un matin par les gendarmes qui lui apprennent que son époux vient d’être transporté à l’hôpital. De fait il a frôlé la mort: la scie est passée à deux doigts de la carotide, lui laissant une blessure profonde au creux de l’épaule* ‘Утром Жанну разбудили жандармы и сообщили, что ее мужа только что доставили в больницу. **Потому что** он был на грани смерти: пила прошла в двух пальцах от сонной артерии, оставив ему глубокую рану в области ключицы’ (FR; Winock M. *Jeanne et les siens*. 2003).

3. Семантическая эволюция единицы *voire* произошла ввиду метонимического сдвига: изменение значения ‘истинно, воистину, по правде’ на значения ‘более того’ и ‘даже, а то и, вернее’, дополненное метафорическим осмыслением истины как максимальной весомости (констатация истины → аддитивное усиление → градационное уточнение), обеспечило функционирование единицы как маркера градации. Появление логического компонента не является отдельным этапом; этот компонент пронизывает всю эволюцию единицы *voire* [31]. Ср.: *Voire! dist Guenes, mar le disse Rollant! Boustину!* – молвил Ганелон. – Пусть плохо придется Роланду за это!’ (FR; La Chanson de Roland. 1100); *...et non seulement en cet arbre, mais voire en la mer, voire en l’air, voire en la terre* ‘...и не только на этом дереве, но **и даже** в море,

и даже в воздухе, *и даже* на земле (FR; Rabelais Fr. Gargantua. 1534); *À trop jouer avec le feu, on risque des ennuis avec la police, voire un sérieux tabassage, voire même une exécution pure et simple* ‘Чрезмерно играя с огнем, рискуешь нарваться на неприятности с полицией, *a то и* серьезное избиение, *a то и* наказание’ (FR; Jung M. Le Triomphe de Thomas Zins. 2018).

Семантическое ослабление, являющееся следствием метафорических и метонимических типов семантического сдвига, представляет собой важный этап на пути к расширению функций транскатегориальных единиц. Темпоральное наречие *puis* теряет хронологическую нагрузку (значение ‘потом’), приобретая в ряде контекстов собственно соединительную функцию (без временного оттенка, см. пример выше); единица *voire* утрачивает эпистемическую силу (значение ‘истинно’), сохраняя направленность усиления, и приобретает градационную функцию (см. пример выше).

Структурно-системные преобразования

Эволюция периферийных единиц сочинения напрямую связана со структурными перестройками синтаксиса и системными взаимодействиями внутри этого участка языковой системы. К числу основных процессов этих изменений относятся синтаксическое переосмысление и функциональная дифференциация в синонимических рядах.

Процесс изменения грамматического статуса языковой единицы, при котором происходит синтаксическая реинтерпретация (*syntactic reanalysis* ‘синтаксическое переразложение’ [24; 32]) ее свойств, иллюстрирует переход конструкции *c’est pourquoi* от статуса относительного придаточного предложения к статусу каузальной периферийной единицы сочинения с высокой степенью конъюнкционализации (см. примеры выше).

Одним из частных случаев синтаксического преобразования, влекущего за собой конструкционные изменения, служит эллипсис глагольной части в исходно условном предложении (*Si ce n’est pas le cas, [alors...] → Si non, [alors...]*), который приводит к появлению новой многозначной единицы *sinon*: условное значение ‘иначе’ → исключительное значение ‘кроме’ → уточняющее значение ‘или, вернее, точнее говоря’. Ср.: *Or ne vos an iroiz sinon par mon congé* ‘Вы не уйдете отсюда, *если не* получите моего разрешения’ (FR; de Troyes Ch. Yvain ou le Chevalier au lion. 1180); *Je ne vois que lui seul sinon le grand Cyclope* ‘Я не вижу лишь никого, *разве что* великого Циклопа’ (FR; Molière. Amphitryon. 1668); *Cesse, sinon j’appelle...* ‘Прекрати, *иначе* я позову...’ (FR; Corneille P. Médée. 1635); *...un bonheur... fait de silence et de réserve. De retenue, sinon ‘...счастье... состоящее из молчания и сдержанности. Вернее, из самообладания’* (FR; Camus A. L’Étranger. 1942).

Другим следствием структурных преобразований является синтаксическая бифуркация – порождение одной лексемой двух грамматических единиц с разным статусом. Так, в процессе развития языка происходит расщепление исходной формы темпорального наречия *cependant* (букв. ‘в течение этого времени, тем временем’), обозначающего одновременность двух действий или процессов, на функционально дифференцированные в системе языка автономный дискурсивный маркер уступки и противопоставления *cependant* ‘однако, тем не менее’, который образовал синонимический ряд с единицами *pourtant* и *néanmoins*, и подчинительный союз *cependant que* ‘в то время как’. Ср.: *Elle lui avait entendu dire qu’il n’avait point de maîtresse; cependant il en avait une* ‘Она слышала от него, будто у него нет любовницы; *между тем* она у него была’ (FR; de La Fayette M. La Princesse de Clèves. 1678); *Il se souleva doucement, cependant que sa main cherchait dans sa poche un caillou* ‘Он медленно приподнялся, *в то время как* его рука в кармане искала камень’ (FR; Genevoix M. Raboliot. 1925).

Функциональная дифференциация в синонимических рядах представляет собой процесс специализации синонимических единиц, приводящий к их семантико-прагматическому размежеванию. Яркой иллюстрацией этого процесса служит эволюция парных образований *au reste* и *du reste*, восходящих к существительному *reste* ‘остаток’. Первоначально являясь полными синонимами для введения дополнительного замечания, в современном французском языке они претерпели значительную функциональную дивергенцию. Единица *au reste* ‘впрочем, к слову сказать’ приобрела статус архаизма¹³ и вышла из активного употребления, что количественно подтверждается данными корпуса FR: за период с 2000 по 2025 г. зафиксировано лишь 52 ее вхождения против 486 вхождений единицы *du reste*. Единица *du reste* не только сохранила аддитивную функцию, но и развила новые значения – значения маркировки итога и общей оценки. Ср.: *Il travaillait... du reste il était sans inquiétude* ‘Он работал... *впрочем*, он ни о чем не тревожился’ (FR; Flaubert G. Madame Bovary. 1856); *On ne parlait plus de sa maladie, du reste on en avait à peine parlé* ‘О ее болезни более не вспоминали, *да и* прежде о ней едва ли говорили’ (FR; Carrère E. D’autres vies que la mienne. 2009).

¹³Trésor de la langue française informatisé // Analyse et traitement informatique de la langue française : website. URL: <http://atilf.fr/ressources/tlfi> (date of access: 20.05.2025).

Более сложный случай стилистической и синонимической дифференциации демонстрируют единицы с уступительно-противительным значением *néanmoins*, *toutefois* и *cependant*. Их длительное существование в языковой системе (они вошли в употребление в исходном значении в XII в.) привело к выраженной функциональной специализации, детерминированной первичной семантикой каждой единицы. Так, этимология единицы *néanmoins* (ст.-фр. *néant moins* ‘несколько меньше’¹⁴) обусловила появление значения категоричного отрицания препятствия ‘вопреки всему, несмотря ни на что’. Семантика единицы *toutefois* ← *toutes les fois* ‘всякий раз’ смягчает противопоставление (значение ‘во всяком случае’), тогда как первичная семантика одновременности единицы *cependant* ‘однако, тем не менее’ предполагает нейтральную констатацию сосуществования совместимых или несовместимых ситуаций. Эта специализация находит статистическое подтверждение в результатах частотного анализа по типам дискурса (табл. 4), демонстрируя системный характер функционального размежевания в синонимических рядах.

Таблица 4

Частотное распределение единиц *cependant*, *toutefois* и *néanmoins*
на 1 млн словоупотреблений по типам дискурса

Table 4

Frequency distribution of units *cependant*, *toutefois* and *néanmoins*
per 1 mln word tokens by discourse types

Единица	Частотность употребления				
	Художественный дискурс	Публицистический дискурс	Философский и юридический дискурсы	Академический дискурс	Драматургический дискурс
<i>cependant</i>	98	97	78	61	154
<i>toutefois</i>	36	85	86	98	14
<i>néanmoins</i>	21	54	111	119	5

Примечание. Составлено на основе данных FR за период с 1800 по 2025 г.

В академическом, юридическом и философском дискурсах для усиления аргументации и неоспоримости выводов используется в основном единица *néanmoins*, в художественном тексте она придает высказыванию несколько архаизированный оттенок. Ср.: *Il est vrai que, dans les démocraties, le peuple paraît faire ce qu'il veut; néanmoins la liberté politique ne consiste point à faire ce que l'on veut* ‘Правда в том, что в демократиях народ будто бы волен делать все, что пожелает; **однако** политическая свобода отнюдь не в том, чтобы следовать всякому своему хотению’ (FR; de Montesquieu Ch. L. De l'esprit des lois. 1748); *Je n'aimais pas beaucoup Hans, un homme mauvais, lunatique; lui non plus ne m'aimait pas. Néanmoins, il nous fallait travailler ensemble* ‘Я не очень любил Ганса, плохого, капризного человека; он тоже меня не любил. **Все-таки** нам пришлось работать вместе’ (FR; Littell J. Les Bienveillantes. 2006).

Динамичность структурно-системных преобразований следует из коэволюционирующих индивидуальных траекторий изменения отдельной лексемы в языковой системе. В этом процессе синтаксические механизмы (эллипсис, расщепление) порождают новые грамматические единицы, а системные факторы (синонимия, дифференциация, стратификация) обеспечивают функциональное разнообразие и стилистическую гибкость. В результате формируется тонко дифференцированная совокупность средств выражения противопоставления, добавления и уточнения. Каждая из единиц занимает специфическую нишу в дискурсивном пространстве.

Стилистическая и прагматическая динамика

Эволюция транскатегориальных единиц не сводима к семантическим и синтаксическим трансформациям, а тесно связана с социолингвистическими и прагматическими изменениями. Единицы могут устаревать, менять стилистический статус, проникать из профессиональных жаргонов в общий язык или, наоборот, специализироваться в книжной речи. Параллельно они приобретают новые коммуникативные функции (от нейтрального утверждения до эмоционального акцента или поддержания диалога).

Стилистическая переориентация, при которой единица меняет свой регистровый статус под влиянием социальных, культурных или дискурсивных факторов, особенно ярко проявляется в архаизации и жанровой миграции. В современном языке единица *partant* ‘исходя из этого’ (причастие, образованное от глагола *partir* ‘уезжать’) малоупотребительна по сравнению с единицами *donc* и *alors*. В сегменте

¹⁴Dictionnaire du moyen français (1330–1500). Version 2023 // Analyse et traitement informatique de la langue française : website. URL: <http://www.atilf.fr/dmf> (date of access: 20.05.2025).

подкорпуса FR за период с 2000 по 2025 г. зафиксировано 334, 9670 и 22 095 вхождений этих единиц соответственно. Книжный, формальный маркер *conséquemment* ‘следовательно’ уступает по частотности единицам *par conséquent* и *donc* (22, 230 и 9670 вхождений в сегменте подкорпуса FR за период с 2000 по 2025 г. соответственно). Обе единицы сохранились только в высоком стиле (философские, юридические тексты XIX в.), но практически исчезли из современной коммуникации. Их вытеснение является результатом функциональной оптимизации: более гибкие и менее формальные маркеры (*donc, alors*) в большей степени соответствуют потребностям современного дискурса, чем избыточно формальные или сложные формы (*conséquemment, par conséquent*). Современные единицы рассматриваемого класса характеризуются не только способностью оформлять логико-семантические отношения, но и активным развитием дискурсивных функций: они управляют вниманием собеседника, сигнализируют о намерениях говорящего, поддерживают контакт.

Смещение функции единицы от пропозициональной к интерактивной предполагает, что та или иная единица не служит для описания мира, а организует взаимодействие говорящих. Так, единица с эпистемической семантикой *effectivement* с исходным значением ‘действительно, фактически’ приобретает ряд дискурсивных функций для управления диалогом и выражения отношения говорящего к сказанному (подтверждение и согласие; установление коммуникативного контакта). Ср.: *Vous avez raison. Effectivement, pourquoi en serais-je exempt?* ‘Вы правы. **Действительно** (Я обдумал ваши слова и признаю, что они соответствуют действительности. – Ю. О.), почему я должен быть от этого избавлен?’ (FR; Diderot D. *Le Neveu de Rameau*. 1773); *Il fait un froid terrible cet hiver. – Effectivement, c’est tout à fait exceptionnel* ‘В этом году ужасно холодная зима. – **Действительно** (Я вас услышал, с вами можно согласиться, и вот что я по этому поводу думаю. – Ю. О.), это совершенно исключительно’ (FR; Proust M. *À la recherche du temps perdu*. 1927).

Для ряда единиц характерна эмоционализация, т. е. приобретение экспрессивно-эмоциональной окраски и утрата логической функции. Их значение определяется не столько логикой, сколько эмоциональным состоянием говорящего и контекстом взаимодействия. Так, исходное значение нейтрального аддитивного маркера *de plus* ‘кроме того’ может приобретать оттенки усиления обвинения и морального осуждения. Он организует не логическую последовательность, а нарастание возмущения (от констатации лжи до указания на циничную наглость): *Tu m’as menti, tu as trahi ma confiance. Et pas sur un détail, sur l’essentiel. De plus, tu as l’audace de me présenter cette femme comme si de rien n’était* ‘Ты солгал мне, ты предал мое доверие. И не в мелочи, а в самом главном. **Более того**, у тебя хватает наглости знакомить меня с этой женщиной, будто так и надо’ (FR; Angot Ch. *Le Marché des amants*. 2021). В свою очередь, единица *enfin* ‘в конце концов’ с исходным временным значением последовательности подводит эмоциональный итог всех предыдущих действий, приобретая оттенок разочарования и скепсиса (значения ‘короче говоря, в итоге всего этого’), вводит самокоррекцию в целях усиления эмоционального анализа. Ср.: *Je devais remplir des rapports, assister à des réunions sans fin, feindre l’intérêt pour des projets idiots. Enfin, je faisais semblant de faire un travail quelconque* ‘Я был обязан заполнять отчеты, присутствовать на бесконечных совещаниях, притворяться заинтересованным в идиотских проектах. **Короче говоря**, я делал вид, что занимаюсь какой-то работой’ (FR; Houellebecq M. *Sérotonine*. 2019); *J’éprouvais de la colère, de la honte, et un sentiment d’injustice. Enfin, c’était plus que de l’injustice: c’était de l’arbitraire* ‘Во мне кипели гнев, стыд и чувство несправедливости. **Точнее**, это было нечто большее, чем несправедливость: это был произвол’ (FR; Nothomb A. *Stupeur et tremblements*. 1999).

Обозначенные тенденции отражают общий вектор эволюции периферийных единиц сочинения французского языка из логико-структурных инструментов в коммуникативно-прагматические средства взаимодействия. Стилистическая и прагматическая динамика исследуемых единиц позволяет рассматривать их как индикаторы изменений дискурсивных практик, в частности их эмоционализация и интерактивизация демонстрируют усиление роли субъективного фактора и развитие интеракционных стратегий в современном дискурсе.

Заключение

Проведенный многоаспектный анализ, охвативший функционально-дискурсивные, когнитивно-семантические, структурно-системные, стилистические, а также прагматические изменения рассматриваемых единиц, позволяет интегрировать все выявленные типы трансформаций в целостную классификационную матрицу. Предлагаемая типология, представленная в табл. 5, обобщает 17 конкретных типов сдвигов, сгруппированных в шесть макрокатегорий, и способствует не только выявлению глубинных закономерностей, определяющих развитие периферийных средств сочинительной связи как единого функционального класса, но и упорядочиванию разнообразных эволюционных процессов на этом участке языковой системы.

Таблица 5

Матрица сдвигов в системе периферийных единиц сочинения

Table 5

Shift matrix in the system of peripheral coordinating elements

Тип сдвига	Языковая реализация
<i>Когнитивно-семантические сдвиги</i>	
Метафорический перенос	Метафорические переносы «пространство → время» (<i>ensuite</i>), «физическое → ментальное» (<i>de fait</i>), «возмездие – компенсация» (<i>en revanche</i>) и др.
Метонимический перенос	Метонимические переносы «причина → следствие» (<i>c'est pourquoi, de fait</i>), «часть → целое» (<i>au reste</i>), «действие → результат» (<i>en effet</i>), «временная смежность → логическая связь» (<i>pourtant</i>), «истинность → интенсивность» (<i>voire</i>), все обстоятельства (включая противоречащие)
Семантическое ослабление	Ослабление интенсивности (<i>voire</i>), временного значения (<i>puis</i>), причинного значения (<i>pourtant</i>)
<i>Функционально-дискурсивные сдвиги</i>	
Грамматикализация	Полная грамматикализация (<i>alors, puis</i>), частичная грамматикализация (<i>soit</i>)
Прагматикализация	Приобретение единицами функций метатекстовых маркеров (<i>c'est-à-dire, à savoir</i>), маркеров субъективной оценки (<i>après tout, effectivement</i>), эмоционально-экспрессивных маркеров (<i>enfin</i> – нетерпение, <i>de plus</i> – усиление)
Дискурсивная специализация	Научно-философская специализация (<i>par conséquent, conséquemment</i>), юридически-административная специализация (<i>à savoir, soit... soit...</i>), художественно-нарративная специализация (<i>tantôt... tantôt..., en revanche</i>)
<i>Структурно-синтаксические сдвиги</i>	
Синтаксическое переосмысление	Переосмысление «относительное → союзное» (<i>c'est pourquoi</i>), «полнозначное → служебное» (<i>soit, à savoir</i>), «независимое → связующее» (<i>ainsi, alors</i>)
Конструкционное изменение	Эллипсис (<i>sinon</i>), сращение (<i>c'est-à-dire, c'est pourquoi</i>), расщепление функций (<i>cependant</i> и <i>cependant que</i>)
Позиционная специализация	Инициальная специализация (<i>en fait, effectivement</i>), финальная специализация (<i>enfin, après tout</i>), медиальная специализация (<i>c'est-à-dire, à savoir</i>)
<i>Функционально-семантические сдвиги</i>	
Изменение логико-семантических функций	Изменение присоединительной функции на противительную (<i>aussi</i>), временной функции – на уступительную (<i>encore, alors que</i>), условной функции – на исключительную (<i>sinon</i>), сравнительной функции – на аддитивную (<i>aussi bien que</i>)
Семантическая поляризация	Изменение позитивной семантики на негативную (<i>au surplus</i>), семантики согласия – на семантику противопоставления (<i>effectivement</i>)
Функциональная дивергенция	Выражение разных оттенков итога (<i>au reste</i> и <i>du reste</i>), логического обоснования и коммуникативного подтверждения (<i>en effet</i> и <i>effectivement</i>)
<i>Стилистические и коммуникативно-прагматические сдвиги</i>	
Стилистическая переориентация	Архаизация (<i>partant, conséquemment</i>), разговорная специализация (<i>par contre</i>), книжная специализация (<i>à savoir, soit</i>), официально-деловая специализация (<i>et (ou)</i>)
Коммуникативно-прагматический сдвиг	Изменение информативной функции на интерактивную (<i>effectivement</i>), приобретение эмфатического значения (<i>de plus</i>), смягчение категоричности (<i>plutôt</i>)
<i>Системные и диахронические процессы сдвигов</i>	
Синонимическая дифференциация	Функциональное размежевание (<i>c'est-à-dire</i> и <i>à savoir</i>), стилистическая стратификация (<i>néanmoins</i> и <i>toutefois</i>), семантическая специализация (<i>donc, alors, ainsi, par conséquent</i>)
Цепной семантический сдвиг	Семантические сдвиги «условное → исключительное → противительное → уточняющее» (<i>sinon</i>), «истинность → подтверждение → усиление → градация» (<i>voire</i>)
Кросс-лингвистические универсалии	Концептуальные трансформации «время → логика» (универсальный путь грамматикализации), «пространство → логика» (когнитивная универсалия), «конкретное → абстрактное» (общая тенденция семантической эволюции)

Разработанная комплексная типология разнопорядковых сдвигов демонстрирует, что эволюция транс-категориальных единиц, проявляющих свойства сочинительных союзов, представляет собой холистический многоуровневый процесс, обусловленный взаимодействием когнитивных, синтаксических, дискурсивных и прагматических факторов. Когнитивные механизмы, прежде всего метафора и метонимия, отражая универсальные способы концептуализации мира, выступают первичным импульсом, определяющим вектор трансформации: грамматикализацию, семантическое ослабление и дискурсивную специализацию. Эволюция исследуемых единиц носит многоступенчатый характер: одна и та же форма последовательно проходит через структурные, функциональные и прагматические изменения. Между формой и функцией существует обратная связь: синтаксические процессы (эллипсис, сращение) порождают новые конструкции (*c'est-à-dire*), которые затем дифференцируются функционально (*en effet* и *effectivement*) или стилистически (*néanmoins*) в зависимости от дискурсивного контекста. В то же время синонимическая избыточность служит механизмом тонкой семантико-прагматической модуляции (от функциональной дифференциации и стилистической стратификации до прагматической специализации). Кросс-лингвистические универсалии (концептуальные трансформации «время → логика», «конкретное → абстрактное»), определяя общие траектории эволюции, реализуются через специфичные грамматические и дискурсивные стратегии французского языка (например, сращение единицы *c'est pourquoy*). Таким образом, эволюция периферийных средств сочинительной связи представляет собой целенаправленный адаптивный процесс, движимый постоянными потребностями говорящих в переосмыслении и перераспределении языковых ресурсов для повышения экспрессивной, когнитивной и коммуникативной эффективности.

Библиографические ссылки

1. Кобозева ИМ. Служебные слова: проблемные области вчера, сегодня и завтра. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2025;22(2):6–17. EDN: VCOVTJ.
2. Урысон ЕВ. Союзы естественного языка и логические связки: дискурсивная функция союза но. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2025;22(2):63–69. EDN: OIDZNN.
3. Борисова ЕГ. *Интерактивный подход к описанию лексики и грамматики*. Москва: Флинта; 2021. 196 с.
4. Robert S. *Perspectives synchroniques sur la grammaticalisation: polysémie, transcatégorialité et échelles syntaxiques*. Paris: Peeters; 2003. Introduction: de la grammaticalisation à la transcatégorialité; p. 9–18.
5. Ramat P. The limits of transcatégorization. *Incontri Linguistici*. 2019;42:155–173.
6. Овсейчик ЮВ. *Система единиц сочинения французского языка в диахронии*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2023. 304 с.
7. Lauriol M. Soit: d'un verbe à un marqueur transcatégoriel. In: Durand O, Orazi I, Scanza G, editors. *Les transcatégoriaux: grammaticalisation et analyse*. Limoges: Lambert-Lucas; 2016. p. 97–114.
8. le Bot M-C, Schuwer M, Richard É, editors. *La reformulation. Marqueurs linguistiques et stratégies énonciatives*. [S. l.]: Rennes; 2008. Introduction; p. 9–11. (Rivages linguistiques).
9. Lefeuve F. Les valeurs de alors en français contemporain. *Travaux de linguistique*. 2009;59:87–110.
10. Bolly C, Degand L. Alors comme marqueur de structuration du discours: le cas du récit oral. *Langue française*. 2009;162:89–104.
11. Waltereit R. Comparer la polysémie des marqueurs discursifs. In: Drescher M, Frank-Job B, editors. *Les marqueurs discursifs dans les langues romanes: approches théoriques et méthodologiques*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2006. p. 141–151.
12. Berrendonner A. Grammaire de l'écrit vs grammaire de l'oral: le cas des «connecteurs». *Les Carnets du Cediscor*. 2004;8:21–35.
13. Marcello-Nizia C. *Grammaticalisation et changement linguistique*. Bruxelles: De Boeck; 2006. 301 p.
14. Zufferey S, Degand L. *Connectives and discourse relations (key topics in semantics and pragmatics)*. Cambridge: Cambridge University Press; 2024. 268 p.
15. Зализняк АА. О понятии семантического перехода. В: Кибрик АЕ, Беликов ВИ, Добров БВ, Добровольский ДО, Захаров ЛМ, Зацман ИМ и др., редакторы. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы Международной конференции «Диалог 2009». Выпуск 8; 27–31 мая 2009 г.; Бекасово, Россия*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2009. с. 107–111. EDN: RXZCFR.
16. Zalizniak AA. The catalogue of semantic shifts: 20 years later. *Russian Journal of Linguistics*. 2018;22(4):770–787. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787.
17. François A. Semantic maps and the typology of colexification: intertwining polysemous networks across languages. In: Vanhove M, editor *From polysemy to semantic change: towards a typology of lexical semantic associations*. Amsterdam: John Benjamins; 2008. p. 163–215. DOI: 10.1075/slcs.106.09fra.
18. van der Auwera J, Plungian VA. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*. 1998;2(1):79–124. DOI: 10.1515/lity.1998.2.1.79.
19. Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning. Semantic maps and cross linguistic comparison. In: Tomasello M, editor. *The new psychology of language. Cognitive and functional approaches to language structure. Volume 2*. Mahwah: Lawrence Erlbaum; 2003. p. 211–242.
20. Veselinova L. Negative existentials: a cross-linguistic study. *Italian Journal of Linguistics*. 2013;25(1):107–145. DOI: 10.5281/zenodo.13606202.
21. Georgakopoulos T, Polis S. Lexical diachronic semantic maps: mapping the evolution of time related lexemes. *Journal of Historical Linguistics*. 2021;11(3):367–420. DOI: 10.1075/jhl.19018.geo.

22. Rakhilina EV, Ryzhova D, Badryzlova Y. Lexical typology and semantic maps: perspectives and challenges. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2022;41(1):231–262. DOI: 10.1515/zfs-2021-2046.
23. Lehmann C. *Thoughts on grammaticalization*. München: LINCOM Europa; 1995. 214 p. (LINCOM studies in theoretical linguistics; no. 1).
24. Hopper PJ, Traugott EC. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. 300 p. (Cambridge textbooks in linguistics).
25. Лакофф Дж, Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*: Баранов АН, Морозова АВ, переводчики; Баранов АН, редактор. Москва: Едиториал УРСС; 2004; 256 с.
26. Sweetser E. *From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. XI, 174 p. (Cambridge studies in linguistics; volume 54)
27. Ducrot O, Schaeffer J-M. *Les mots du discours*. Paris: Les éditions de Minuit; 1980. 288 p.
28. Grevisse M, Goosse A. *Le bon usage. Grammaire française*. 17-me éd. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur; 2021. 1808 p.
29. Инькова О, Манзотти Э. *Связность текста: мереологические логико-семантические отношения*. Столярова В, редактор. Москва: Языки славянской культуры; 2019. 376 с. (Studia philologica).
30. Traugott EC. From subjectification to intersubjectification. In: Hickey R, editor. *Motives for language change*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. p. 124–139. DOI: 10.1017/CBO9780511486937.009.
31. Rodríguez Somolinos A. Voire, modalisation de vérité et renforcement de l’assertion (XIVe – XVIe siècles). *Langue française*. 2006;149:61–76. DOI: 10.3917/lf.149.0061.
32. Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Basil Blackwell; 1985. 213 p.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2026.
Received by editorial board 27.01.2026.

УДК 811.161.3'373:821.161.3.09Шашалевіч

НЕСТАНДАРТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАСИЛЯ ШАШАЛЕВИЧА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг.

Л. В. ГЛУШИЦКИЙ¹⁾

¹⁾Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Впервые анализируются с языковедческой точки зрения пьесы В. Шашалевича «Змрок» и «Воўчыя ночы». Используемые автором лексические средства рассматриваются в аспекте отношения их значений к значениям соответствующих единиц в современном стандарте белорусского литературного языка. Осуществляется систематизация значений лексем, не зафиксированных основными современными кодификационными источниками, согласно их частеречной принадлежности. Приводятся количественные данные, полученные в результате анализа фактического материала.

Ключевые слова: лексикология; лексикография; язык художественной литературы; драматургия; В. Шашалевич; значение; семантика.

НЕСТАНДАРТНЫЯ ЗНАЧЭННІ ЛЕКСІЧНЫХ АДЗІНАК У ДРАМАТЫЧНЫХ ТВОРАХ ВАСІЛЯ ШАШАЛЕВІЧА ДРУГОЙ ПАЛОВЫ 1920-х гг.

Л. У. ГЛУШЫЦКІ^{1*}

^{1*)}Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Упершыню аналізуюцца з мовазнаўчага пункту гледжання п'есы В. Шашалевіча «Змрок» і «Воўчыя ночы». Выкарыстаныя аўтарам лексічныя сродкі разглядаюцца ў аспекце адносін іх значэнняў да значэнняў адпаведных адзінак у сучасным стандарце беларускай літаратурнай мовы. Праводзіцца сістэматызацыя не зафіксаваных асноўнымі сучаснымі кадыфікацыйнымі крыніцамі значэнняў лексем паводле іх часцінамоўнай прыналежнасці. Прыводзяцца колькасныя даныя, атрыманыя ў выніку аналізу фактычнага матэрыялу.

Ключавыя словы: лексікалогія; лексікаграфія; мова мастацкай літаратуры; драматургія; В. Шашалевіч; значэнне; семантыка.

Образец цитирования:

Глушыцкі ЛУ. Нестандартныя значэнні лексічных адзінак у драматычных творах Васіля Шашалевіча другой паловы 1920-х гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія.* 2026;2:60–70.
EDN: YBPHYB

For citation:

Hlushytski LU. Non-standard meanings of lexical units in the dramatic works of Vasil Shashalevich of the second half of the 1920s. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2026;2:60–70. Belarusian.
EDN: YBPHYB

Автор:

Лев Владимирович Глушицкий – аспирант отдела лексикологии и лексикографии Института языкознания имени Якуба Коласа. Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент Т. Е. Старостенко.

Author:

Leu U. Hlushytski, postgraduate student at the department of lexicology and lexicography, Institute of Linguistics named after Yakub Kolas.
leu.hlushycki@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0005-3814-9278>

NON-STANDARD MEANINGS OF LEXICAL UNITS IN THE DRAMATIC WORKS OF VASIL SHASHALEVICH OF THE SECOND HALF OF THE 1920s

L. U. HLUSHYTSKI^a

^aCentre for Research of Belarusian Culture, Language and Literature,
National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Abstract. The article analyses the plays of the Belarusian writer of the early 20th century V. Shashalevich «Zmrok» and «Vowchyja nochy» from a linguistic point of view for the first time. The vocabulary used by the author is considered in the aspect of the relation of lexical meanings to the meanings of the corresponding units in the modern standard of the Belarusian literary language. The systematisation of meanings that are not recorded by the main modern codification sources is carried out according to the part-of-speech affiliation of lexemes. Quantitative data obtained as a result of the actual material analysis is presented.

Keywords: lexicology; lexicography; language of fiction; drama; V. Shashalevich; meaning; semantics.

Уводзіны

Мова беларускай мастацкай літаратуры традыцыйна з'яўляецца адной з найважнейшых крыніц вывучэння беларускай літаратурнай мовы як у сінхронічных, так і ў дыяхранічных даследаваннях. Гэта акалічнасць звязана з тым, што першыя перыяды існавання новай беларускай літаратурнай мовы характарызуюцца часцейшым яе выкарыстаннем у мастацкіх тэкстах, чым у тэкстах іншых стыляў. Так, аўтары акадэмічнага выдання «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» адзначалі: «Адрозненне старой і новай літаратурнай моў па сферы іх ужывання заключаецца ў тым, што старая літаратурная мова выкарыстоўвалася ва ўсіх асноўных сферах грамадскага і культурнага жыцця і перш за ўсё была мовай дзелавага ўжытку, справаводства – была дзяржаўнай мовай, што з'яўляецца важнай умовай існавання і развіцця літаратурнай мовы, хаця арыгінальная мастацкая літаратура на ёй яшчэ не была створана. Новая ж літаратурная мова стала якраз мовай мастацкай літаратуры, у першую чаргу паэзіі. У 60-я гады ўзнікае публіцыстыка, і толькі ў пачатку XX ст. дзякуючы перыядычнаму друку складаюцца сродкі навуковага і дзелавага стыляў» [1, с. 16].

Для пачатку XX ст. вялікае значэнне ў літаратуры мае драматычны жанр. Роля тэатральных пастановак у жыцці тагачаснага грамадства заканамерна была больш важнай у параўнанні з сучаснасцю. Так, многія пісьменнікі названага перыяду, творы якіх сёння лічацца класічнымі і вывучаюцца ва ўстановах адукацыі, былі ў тым ліку драматургамі. Як пішуць аўтары вышэйзгаданага выдання, «высокай мастацкасцю вызначаліся і першыя арыгінальныя творы беларускай драматургіі: “Модны шляхцюк” К. Каганца, “Паўлінка” і “Раскіданае гняздо” Я. Купалы» [1, с. 117].

Лінгвістычнаму вывучэнню беларускай драматургіі адзначанага перыяду прысвечана няшмат даследаванняў. У большасці з іх разглядаюцца самыя вядомыя творы класікаў беларускай літаратуры, такіх як Янка Купала [2] і Кандрат Крапіва [3–5], або толькі пэўны аспект мовы мастацкага тэксту. Так, пры вывучэнні драматургічных твораў І. Я. Лепешаў аналізаваў пераважна іх фразеалагічны склад [6], В. І. Рагаўцоў – сродкі выражэння камічнага [7; 8], А. М. Шубадзёрава – выкарыстанне каламбурна [9]. У 2023–2025 гг. намі былі апублікаваны артыкулы, у якіх даследавалася мова беларускай драматургіі 1910–30-х гг. [10; 11], у 2025 г. абаронена магістарская дысертацыя «Мова беларускай драматургіі 1910–1930 гг.: гістарычна-стылістычны аспект»¹. У гэтай працы разглядаюцца стылістычныя характарыстыкі лексічных і фразеалагічных моўных адзінак, ужытых у творах беларускіх драматургаў даваеннага перыяду ў суаднесенні з сучаснымі нормамі беларускай літаратурнай мовы.

Такі невысокі ўзровень даследаванняў пытання звязаны з тым, што значная частка матэрыялаў па беларускай драматургіі 1900–30-х гг. або публікаваліся толькі ў даваенны перыяд, або ўвогуле не публікавалася, у сувязі з чым гэтыя творы застаюцца недаступнымі або маладаступнымі для сучасных чытачоў і вучоных. Наша думка пацвярджаецца тым, што нават у літаратуразнаўчых даследаваннях па драматургіі 1900–30-х гг. многім творам прысвячаюцца толькі некалькі старонак або нават абзацаў. У якасці прыкладу разгледзім звесткі пра п'есу В. Шашалевіча «Змрок»² у розных даследаваннях. У кнізе С. Лаўшука «Станаўленне беларускай савецкай драматургіі» гэты драматычны твор згадваецца адзін раз у пераліку пастановак БДТ-1 да 1930 г. [12, с. 158]. У артыкуле З. Мамачкіна ў часопісе «Роднае слова» п'есе прысвечаны па некалькі

¹Глушыцкі Л. У. Мова беларускай драматургіі 1910–1930 гг.: гістарычна-стылістычны аспект // Электронная бібліятэка БДУ. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/333201/1/Glushitski_fil_ref.pdf (дата звароту: 20.01.2026).

²Беларус. дзярж. арх.-музей літ. і мастацтва (БДАМЛІМ). Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18.

сказаў на дзвюх старонках [13, с. 12–13]. У артыкуле «Драматургія Васіля Шашалевіча» таго ж аўтара, апублікаваным у гэтым жа часопісе, ідэйны змест твора разгледжаны на двух разваротах [14, с. 10–13]. У акадэмічным выданні «Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя» ў томе, прысвечаным перыяду 1921–1941 гг., твор згадваецца адзін раз сярод «арыгінальных, смелых па задуме п’ес» В. Шашалевіча [15, с. 658].

Прыведзеныя факты сведчаць пра тое, што творы беларускай драматургіі пачатку XX ст., з’яўляючыся важным элементам у карціне развіцця літаратурнай мовы, не былі належным чынам разгледжаны ў мовазнаўчых даследаваннях. Гэты факт можа ствараць перашкоды для правільнага адлюстравання гісторыі літаратурнай мовы названага перыяду ў сучасных падручніках, слоўніках, даведніках і іншых выданнях. Менавіта таму патрабуецца дэталёвае даследаванне розных аспектаў мовы гэтага перыяду, у тым ліку яе слоўнікавага складу і лексічнай семантыкі.

Тэарэтычныя асновы даследавання

Мэтай артыкула з’яўляецца даследаванне нестандартных (з пункту гледжання сучаснай беларускай літаратурнай мовы) значэнняў лексічных адзінак у творах даваеннай драматургіі на матэрыяле п’ес В. Шашалевіча «Змрок» і «Воўчыя ночы», напісаных у другой палове 1920-х гг.

У перыяд, да якога адносяцца згаданыя творы [16–19], беларускія лексікографы яшчэ толькі спрабавалі аформіць наяўную інфармацыю ў аднамоўным тлумачальным слоўніку [20]. Акрамя таго, пры дзяржаўным вывучэнні лексічнай семантыкі лагічна звяртацца да сучасных крыніц. У гэтым артыкуле для параўнання значэнняў лексем былі выкарыстаны два аднамоўныя тлумачальныя акадэмічныя слоўнікі: ТСБМ і ТСБЛМ 2022. ТСБМ з’яўляецца самым поўным выданнем, ТСБЛМ 2022 – самым апошнім выданнем па часе выхаду, якое выражае найбольш актуальныя погляды акадэмічных мовазнаўцаў на літаратурную норму. Такім чынам, пад нестандартнымі значэннямі маюцца на ўвазе тыя значэнні, што не зафіксаваны ў гэтых слоўніках.

Для даследавання з твораў былі выбраны моўныя адзінкі, якія фармальна супадаюць з пададзенымі ў сучасных даведніках, аднак іх значэнне не адпавядае прыведзенаму ў абраных слоўніках. Паколькі не ўсе адзінкі, якія можна сустрэць у творах, ёсць у двух названых выданнях, узнікла неабходнасць звярнуцца да іншых лексікаграфічных даведнікаў. Пры аналізе фактычнага матэрыялу былі выкарыстаны наступныя дыялектныя слоўнікі: Бялькевіч, Гомельшчына, Каспяровіч, МС, СНЛ-1, СНЛ-2, СНЛ-3, ССГ, Чарн. Дадатковая інфармацыя была ўзята з перакладнога слоўніка М. Гарэцкага (Гарэцкі). Яго выкарыстанне абумоўлена тым, што сам аўтар слоўніка паходзіў з тэрыторыі ўсходняй Магілёўшчыны, дзе нарадзіўся і В. Шашалевіч. У слоўніку М. Гарэцкага прыводзяцца многія мясцовыя лексічныя адзінкі з перакладам на рускую мову, таму гэта выданне можа быць дапаможнікам пры вызначэнні семантыкі.

Аўтарскія пераносныя значэнні (напрыклад, метафарычны перанос значэння слова *ваўчыха* для абазначэння жанчыны) не разглядаюцца ў гэтым даследаванні, паколькі яны павінны аналізавацца асобна сярод стылістычных сродкаў і прыёмаў, выкарыстаных аўтарам твораў.

Усе цытаты з твораў В. Шашалевіча пашпартызуюцца і падаюцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала, што найбольш важна пры разглядзе неапублікаванага матэрыялу, да якога адносіцца тэкст п’есы «Змрок». Не захаваны толькі асаблівыя літары, якімі пэўны час абазначаліся гукі [дж] і [дз] у часопісе «Узвышша», гэтыя гукі перадаюцца паводле сучасных правіл.

Вынікі і іх абмеркаванне

Прааналізаваны факталагічны матэрыял прадстаўлены ў выглядзе табліц. У кожнай табліцы разглядаецца адпаведная група лексем, аб’яднаных па іх часцінамоўнай прыналежнасці. У табліцах пададзена наступная інфармацыя:

- лексема;
- кантэкст ужывання лексемы з твора В. Шашалевіча;
- значэнне, у якім ужыта слова ў прыведзеным кантэксце;
- значэнне (значэнні) лексемы (без ілюстрацыйных прыкладаў) у ТСБМ;
- значэнне (значэнні) лексемы (без ілюстрацыйных прыкладаў) у ТСБЛМ 2022.

У слупках з сучаснымі значэннямі змешчаны ўсе значэнні лексемы адпаведнай часціны мовы. Выключэнне зроблена толькі для дзеяслова *браць*, для якога прыведзена толькі самае блізкае значэнне. Гэта сітуацыя выклікана неабходнасцю эканоміі месца, паколькі лексема *браць* мае ў літаратурнай мове 21 значэнне з вялікай колькасцю адценняў.

Назоўнікі. У творах В. Шашалевіча выяўлены ўсяго сем назоўнікаў з незафіксаванымі тлумачальнымі слоўнікамі літаратурнай мовы значэннямі. Сярод назоўнікаў, якія маюць нестандартныя значэнні, ёсць адзінкі з вельмі бліскім да сучаснага значэннем (словы *ссыпка*, *шляхецтва* і інш.) і адзінкі, у семантыцы якіх праяўляецца спецыфіка дыялектнай моўнай сістэмы, роднай для аўтара (слова *лог*³). У пэўных

³У машынапісе п’есы «Змрок» першапачаткова ўжыта слова *лог*. Толькі пазней у некалькіх выпадках яно заменена на *лог*.

выпадках можна гаварыць пра аманімічнасць назоўнікаў з тымі лексемамі, якія зафіксаваны ў сучасных слоўніках (актуальнае значэнне слова *крэндзель* і ўжыванне яго В. Пашалевічам). Падрабязная інфармацыя пра назоўнікі прадстаўлена ў табл. 1.

Табліца 1

Нестандартныя значэнні назоўнікаў

Table 1

Non-standard meanings of nouns

Лексема	Кантэкст	Значэнне	ТСБМ	ТСБЛМ 2022
*галавешка	<i>Здорава яго вы па галавешцы цягнулі!</i> ⁴	‘галава’	Абгарэлы або тлеючы кусок дрэва	Кусок дрэва, які абгарэў або яшчэ тлее
*крэндзель ⁵	<i>Ого! Дармо што дурань, а ён, брат, артыста на розныя крэндзелі і выкрутасы!</i> ⁶	‘штука, фокус, выкрутасы’	Вітая здобная булка, якая звычайна нагадвае па форме лічбу 8	Вітая здобная булка, якая па форме нагадвае васьмёрку
лог	<i>Выбачайце, гэта ня ваш лог, а наш!</i> ⁷	‘луг’ ⁸ (Бялькевіч, с. 251; ССГ, т. 6, с. 45)	Шырокі і доўгі яр з адхоннымі схіламі	Шырокі доўгі яр з адхоннымі схіламі
*развёртка	<i>А развёртку з каго бралі, га? Ці ня ты за нас яе ўнёс?</i> ⁹	‘харчразвёртка’	Планавае размеркаванне каго-, чаго-н.	Планавае размеркаванне каго-, чаго-н.
*саматужнік	<i>Ды што-ж Амэрыка? Адно што толькі там тэхніка, дык гэта праўда... Каб у нас такая тэхніка – не такое наша жыццё было... Іншы раз там адзін чалавек за машынай замяняе 30 чалавек саматужнікаў!</i> ¹⁰	‘работнік, які працуе без дапамогі тэхнікі’ ¹¹	Той, хто займаецца вырабам чаго-н. дома; рамеснік. Пра таго, хто не творча, не якасна працуе	Той, хто займаецца вырабам чаго-н. дома; рамеснік
*ссыпка ¹²	<i>Таксама ня можна казаць, што мы к табе дрэнна адносімся. Мы-ж табе і ссыпку рабілі... Адзін я адсыпаў 15 хунтаў уласнага хлеба!</i> ¹³	‘зерне, якое сяляне збіралі для таго, хто меў патрэбу’	1. Дзеянне паводле дзеясл. ссыпаць – ссыпаць (у 1 знач.). 2. Разм. Уст. Зерне, якое здавалі бацькі вучняў сельскіх школ на патрэбы школы. Першае значэнне дзеяслова <i>ссыпаць</i> : 1. Сыплючы, сабраць разам (што-н. дробнае або сыпкае)	Пададзена як назоўнік паводле значэння дзеяслова <i>ссыпаць</i> . Значэнні дзеяслова <i>ссыпаць</i> : 1. Насыпаць або ўсыпаць куды-н. 2. Скінуць уніз, прымусяць упасці (што-н. дробнае, сыпкае)
шляхецтва	<i>...Я ніколі не ўсаджу нож у спіну ворагу. Толькі ў грудзі. Падумаеш, якое шляхецтва! Дзе ты яго набраўся? Сумленны бой, у якім палягуць касцымі ўсе нашыя байцы!</i> [17, с. 60]	‘высокія маральныя якасці’ ¹⁴	1. Тое, што і шляхта. // Прыналежнасць да шляхты. 2. Назва дваранства, пашыраная ў Расіі першай паловы 18 ст.	У 13 – пачатку 20 стст. ў Беларусі, Польшчы і Літве: дробнапамеснае дваранства

Заўвагі: 1. Тут і далей у табліцах вытрымкі са слоўнікаў прыводзяцца з захаваннем асаблівасцей арыгінала. 2. Зорчак у табліцах пазначаны словы, якія ў тэксце ўжыты не ў пачатковай форме.

⁴БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 159.

⁵У абраных для даследавання слоўніках сустракаюцца наступныя лексемы: *крэндзядзюліна* ‘выкрутас’ (Бялькевіч, с. 235), *крындзядзюльства* ‘балбатня, пустаслоўе’ (СНЛ-1, с. 226), *крэндзелем* ‘сагнуўшыся, скурчывшыся’ (СНЛ-1, с. 226).

⁶БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 64.

⁷Там жа. Арк. 18.

⁸У Буда-Кашалёўскім раёне выкарыстоўваецца мікратапонім *Лог* ‘назва сенакосу, пашы’ (Чарн., с. 162), а ў слоўніку М. Гарэцкага слова *лог* перакладаецца як «луг, долина» (Гарэцкі, с. 137).

⁹БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 7.

¹⁰Там жа. Арк. 56.

¹¹Аднакаранёвыя з гэтай лексмай словы маюць адпаведныя значэнні: *саматугам* ‘без дапамогі цяглавай сілы, на сабе’ (ТСБМ, т. 5, кн. 1, с. 46); *саматугам* ‘на сабе, без дапамогі цяглавай сілы’ (ТСБЛМ 2022, т. 2, с. 247).

¹²На Смаленшчыне зафіксавана падобнае слова: *ссыпки* ‘складчына’ (ССГ, т. 10, с. 104).

¹³БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 11.

¹⁴У слоўніку М. Гарэцкага слова *шляхоцтва* перакладаецца як «благородство» (Гарэцкі, с. 256).

Прыметнікі. У п'есах В. Шашалевіча выяўлены два прыметнікі з незафіксаванымі значэннямі. Адносна субстантываванага прыметніка *малое* трэба адзначыць, што ў ТСБМ адпаведнае значэнне мае слова *маленькае*. Увогуле сярод прыметнікаў няма такіх адзінак, ужыванне якіх рэзка кантраставала б з сучаснымі нормама літаратурнай мовы. Падрабязная інфармацыя пра прыметнікі прадстаўлена ў табл. 2.

Табліца 2

Нестандартныя значэнні прыметнікаў

Table 2

Non-standard meanings of adjectives

Лексема	Кантэкст	Значэнне	ТСБМ	ТСБЛМ 2022
малое	...Калі ўжо мы ў вялікім правініліся, дык што ўжо на малое глядзець... [16, с. 106]	‘што-небудзь нязначнае, няважнае’	У значэнні назоўніка фіксуецца ў межах значэння ‘малалетні’	Дзіця
спэцыяльны	Па першай, я чалавек спецыяльны, я пастух ¹⁵ .	‘асаблівы, выключны’	1. Прызначаны выключна для каго-, чаго-н., які мае асобае прызначэнне; асобы. 2. Які мае адносіны да якой-н. галіны навукі, тэхнікі, мастацтва. // Які патрабуе прафесійных ведаў у якой-н. галіне	Асобы, які прызначаны выключна для якой-н. навукі, тэхнікі, мастацтва, уласцівы той або іншай спецыяльнасці

Дзеясловы. У разгледжаных творах выяўлены 20 дзеясловаў з незафіксаванымі тлумачальнымі слоўнікамі літаратурнай мовы значэннямі. Сярод разгледжаных груп лексем дзеясловы з’яўляюцца самай шматлікай групай. Падрабязная інфармацыя пра дзеясловы прадстаўлена ў табл. 3.

Табліца 3

Нестандартныя значэнні дзеясловаў

Table 3

Non-standard meanings of verbs

Лексема	Кантэкст	Значэнне	ТСБМ	ТСБЛМ 2022
*адважыць	І я здаецца адважыў ці 5, ці 8 хунтаў ¹⁶ .	‘аддаць адважнае (пра прадукты)’	Аддзяліўшы, узважыць частку чаго-н.	Аддзяліўшы, узважыць частку чаго-н.
*адцягаць	Брылёўцы, я ведаю, і тады былі самыя бедныя людзі навокал, і ў іх вы луг адцягалі! ¹⁷	‘адсудзіць, адабраць праз суд’ ¹⁸ (Бялькевіч, с. 73)	1. Доўга пранасіць адзенне, абутак. 2. Адцягнуць у некалькі заходаў	1. Доўга пранасіць абутак, адзенне. 2. Адцягнуць у некалькі заходаў
*адчыняць	Сэкратар ячэйкі адчыняе сход [18, с. 34].	‘абвешчаць пра пачатак (сходу)’	Незак. да адчыніць. Значэнні дзеяслова <i>адчыніць</i> : 1. Адводзячы, знімаючы або адстаўляючы ўбок тое, чым перакрыты ўваход ці выхад, пройма ў якое-н. памяшканне, у якую-н. пасудзіну і пад., зрабіць даступнай унутраную або знешнюю прастору; адкрыць; проціп. зачыніць. // Зняць накрыўку; адвесці дзверы і пад. // Пусціць у памяшканне, даць увайсці каму-н. 2. Тое, што і адкрыць (у 3 знач.). Трэцяе значэнне дзеяслова <i>адкрыць</i> : ‘арганізаваць, стварыць што-н. і абвясціць пра пачатак дзейнасці яго’. Адкрыць завод. Адкрыць яслі	Незак. да адчыніць. Значэнне дзеяслова <i>адчыніць</i> : адводзячы, знімаючы або адстаўляючы ўбок тое, чым перакрыты ўваход ці выхад у якое-н. памяшканне (пасудзіну і пад.), зрабіць даступнай унутраную ці знешнюю прастору

¹⁵БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 4.

¹⁶Там жа. Арк. 11.

¹⁷Там жа. Арк. 70.

¹⁸Ёсць яшчэ адна слоўніковая фіксацыя: *адцягаць* ‘адабраць’ (Гомельшчына, с. 14).

Працяг табл. 3
Continuation of the table 3

Лексема	Кантэкст	Значэнне	ТСБМ	ТСБЛМ 2022
*браць	<i>Дзеўкі бяруць лён і сумныя песні пяюць...</i> ¹⁹	‘ірваць’ ²⁰ [МС, т. 1, с. 76]	Пададзена 21 значэнне з адценнямі, сярод якіх найбліжэйшае да адзначанага – адценне першага значэння: ‘збіраць (пра ягады, грыбы)’	Пададзена 14 значэнняў, з якіх найбліжэйшае да адзначанага – першае: ‘захопліваць рукой або чым-н. іншым, прымаць у рукі’
*быць	<i>Пабачым, пабачым, як ён будзе?</i> ²¹	‘паводзіць сябе’	У самастойнай функцыі лексема адзначана ў наступных значэннях: 1. Жыць, існаваць, быць у наяўнасці // Мець месца; бытаваць. 2. Утрымлівацца на працягу нейкага часу. 3. Присутнічаць, знаходзіцца. 4. Рабіцца, здарацца. // Узнікаць, з’яўляцца на свет. 5. Прыходзіць, прыязджаць, прыбываць куды-н.; наведваць каго-н. 6. 3 ас. адз. л. будзе. Ужываецца ў значэнні цяперашняга часу: ёсць, маецца (пры ўмоўным азначэнні колькасці)	1. Жыць, існаваць, мець месца. 2. Присутнічаць, знаходзіцца. 3. Рабіцца, здарацца. 4. 3 ас. адз. л. будзе. Ужыв. ў знач. цяперашняга часу: ёсць, маецца. 5. Ужыв. як частка састаўнога выказніка
*быць	<i>Льля! Супакойся! Будзе табе!</i> ²² ;	У форме першай асобы адзіночнага ліку лексема ўжываецца ў значэнні ‘досыць’ ²⁴	Значэнні дзеяслова <i>быць</i> прыводзяцца вышэй	Значэнні дзеяслова <i>быць</i> прыводзяцца вышэй
*выгараць	<i>Чырвонец хацеў падбіць нас ісці проціў бальшавікоў, ды толькі ня выгараля ў яго!...</i> ²³ [17, с. 70]	‘удацца (у безасабовым ужыванні)’	У безасабовым ужыванні не фіксуецца	У безасабовым ужыванні не фіксуецца
*выкідвацца	<i>Дык выкідайся адсюль! Вымятайся, калі ты гэтакі!..</i> ²⁵	‘выбірацца’	1. Незак. да выкінуцца. 2. Зал. да выкідваць ¹ . Значэнні дзеяслова <i>выкінуцца</i> : 1. Кінуцца адкуль-н. уніз; выскачыць // 3 сілай выбіцца, вырвацца вонкі. 2. Вываліцца, выпасці адкуль-н.	Незак. да выкінуцца. Значэнні дзеяслова <i>выкінуцца</i> : 1. Кінуцца ўніз адкуль-н. 2. Вываліцца, выпасці адкуль-н.
*гадаць	<i>Не кажы мне пра Чырвонца, і не гадай мне пра яго!..</i> [18, с. 31]	‘згадваць’ (Чарн., с. 54)	1. Варажыць: прадказваць што-н. па якіх-н. прыметах. 2. Выказваць здагадкі, меркаваць	1. Варажыць, даведвацца пра будучае або мінулае па картах ці па якіх-н. прыметах. 2. Меркаваць, выказваць здагадкі

¹⁹БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 43.

²⁰Такі ж кантэкст ужывання зафіксаваны ў іншых выданнях: *Як паспее лён, яго бяруць жменямі* (Чарн., с. 87); *Палолі лён. Бралі ўручную* (Чарн., с. 89); *Мы да позных абедыў пыхіралі лён, а тады прабеглі пу кустах, трошчу грібоў найшлі* (СНЛ-2, с. 36).

²¹БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 119.

²²Зафіксавана таксама ўжыванне ў форме другой асобы множнага ліку: *Ці будзеце? Ці будзеце? Ага! Во вам!* (БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 28), аднак у гэтым выпадку цяжка вызначыць, з чым мае справу даследчык: з рэалізацыяй значэння ‘досыць’ або эліпісам (ці будзеце [так яшчэ рабіць]).

²³БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 156.

²⁴У выданні «Віцебскі краёвы слоўнік» прыводзіцца такі прыклад: *Будзе табе таскацца* (Каспяровіч, с. 47).

²⁵БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 156. Арк. 90.

Працяг табл. 3
Continuation of the table 3

Лексема	Кантэкст	Значэнне	ТСБМ	ТСБЛМ 2022
*мерыцца	<i>Ты думаеш, нам лепей тут, як на фронце? Учора шаснаццаць нашых ляглі душою ў адной брацкай магіле, а сягоння ты з падпечча пільнаваў нашу сьмерць! Мерыўся мне ў грудзі! [16, с. 110]</i>	‘цэліцца’ ²⁶	Збірацца ажыццявіць якое-н. дзеянне; намервацца // Разм. Імкнуцца заняць якое-н. становішча, пасаду; меціць	1. Намервацца ажыццявіць якое-н. дзеянне. 2. Імкнуцца заняць якую-н. пасаду (разм.)
*нагатаваць	<i>Ня мне ён нагатаваў сьмерць, а самому сабе!..²⁷ [19, с. 54]</i>	‘падрыхтаваць’	1. Назапасіць нейкую колькасць чаго-н. 2. Згатаваць у нейкай колькасці. 3. Накіпяціць у нейкай колькасці	1. Назапасіць нейкую колькасць чаго-н. 2. Згатаваць, зварыць у нейкай колькасці. 3. Накіпяціць у нейкай колькасці
*напрасіцца	<i>І колькі мы нахадзіліся, напрасіліся²⁸</i>	‘папрасіць шмат разоў’	1. Просьбамі ці намёкамі прапанаваць сябе ў якасці чаго-н., дабіцца дазволу на што-н. 2. Сваімі паводзінамі выклікаць якія-н. адносіны да сябе. 3. (1 і 2 ас. не ўжыв.). Узнікнуць, з’явіцца	1. Просьбамі і намёкамі дабіцца запрашэння на ўдзел у чым-н. 2. на што. Сваімі паводзінамі выклікаць якія-н. адносіны да сябе. 3. (1 і 2 ас. не ўжыв.). Узнікнуць, з’явіцца
*падпякаць	<i>А потым усёткі, ня думаю я, каб чалавек, сам жа з гэтае вёскі, стаў падпякаць чорт ведае за чым!...²⁹</i>	‘падпальваць’ (СНЛ-2, с. 93)	Незак. да падпячы. Значэнні дзеяслова падпячы прыводзяцца ніжэй	Лексема не зафіксавана
*падпячы	<i>О, што ж гэта? Злыя людзі падпяклі!...³⁰</i>	‘падпаліць’ (СНЛ-2, с. 93–94)	1. што. Падрумяніць (пра хлеб і пад.). 2. што. Дапячы сыравае. 3. што і чаго. Спячы ў датак да чаго-н. ужо спечанага. 4. каго-што і без дап. Моцна прыгрэць, прыпячы (пра сонца)	Лексема не зафіксавана
*перавезыць ³¹	<i>Каб узяў добры бізун, ды перавёз разкоў з пяць, адразу супакоілася-б. Шоўкавая стала-б³²</i>	‘перацягнуць, выцяць’ (Бялькевіч, с. 329)	1. Перамясціць, даставіць якім-н. транспартам з аднаго месца на другое. 2. Везучы, перамясціць цераз што-н. на другі бок чаго-н.	1. Перамясціць, везучы цераз якую-н. прастору. 2. Везучы, даставіць з аднаго месца ў другое
*перадацца	<i>Падумай, пра цябе так многа гаварылі: нібыта ты перадаўся на бок Польшчы, што цябе чырвоныя расстралялі!.. [17, с. 55]</i>	‘перайсці на чый-небудзь бок’	Перайсці ад каго-н. каму-н. (пра настрой, пачуцці і пад.) // Распаўсюдзіцца, стаць вядомым	Перайсці ад аднаго да другога

²⁶Аналагічнае ўжыванне зафіксавана на Сенненшчыне: *намерыцца* ‘прыцэліцца’ (МС, т. 1, с. 396).

²⁷У тым самым творы і выданні выкарыстаны таксама іншы дзеяслоў: *Новая пастка, якую нарыхтаваў нам Чырвонец разам з вамі!..* [19, с. 60].

²⁸БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 15.

²⁹Там жа. Арк. 117.

³⁰Там жа. Арк. 99.

³¹У слоўніку І. Бялькевіча фіксуецца ў форме *піравесць*.

³²БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 147–148.

Заканчэнне табл. 3
Ending of the table 3

Лексема	Кантэкст	Значэнне	ТСБМ	ТСБЛМ 2022
*пхаць	<i>Што-ж гэта – ду- маю – бальшавікі нам мір абяцалі, ды яны-ж нас і кроў праліваць пхаюць...</i> [16, с. 106]	‘прымушаць, рабіць што- небудзь’ (МС, т. 2, с. 127)	1. Дакранацца кароткім рэзкім рухам да каго-, чаго-н.; штур- хаць. 2. Штуршкамі прымушаць рухацца куды-н., у якім-н. на- прамку. 3. Паспешліва засоўваць, запіхваць што-н. куды-н. 4. Да- ваць што-н. у вялікай колькас- ці, звыш меры // Прымушаць каго-н. есці, піць вельмі многа або супраць жадання	1. каго – што. Дакра- нацца рэзкім рухам, кароткім ударам, ру- хам ад сябе, штурхаць. 2. каго – што. Паспеш- ліва або з цяжкасцю запіхваць. 3. каму што. Прымушаць есці, піць многа ці супраць жа- дання
разарацца ³³	<i>Дось яму тут раз- рацца!</i> ³⁴	‘шумець, буяніць’ (СНЛ-3, с. 7)	1. Незак. да разарыцца. Значэнні дзеяслова <i>разарыцца</i> : 1. Страціць сваю маёмасць, ба- гацце; збяднець. 2. Разм. Патра- ціць на што-н. грошы. 2. Зал. да разараць ²	Незак. да разарыцца. Значэнні дзеяслова <i>ра- зарыцца</i> : 1. Страціць маёмасць, багацце; збяднець. 2. Патра- ціць на што-н. грошы (разм.)
*успамінаць	<i>Таварышы, вы правер- це гэта. Можна гэта ня так. Толькі Чыр- вонец некалькі разоў успамінаў Доўгі Мох...</i> [19, с. 59]	‘упамінаць, згадваць’	Незак. да ўспомніць, успамя- нуць. Значэнне дзеяслова <i>ўспомніць</i> : аднавіць у памяці, прыпомніць. Значэнне дзеяслова <i>ўспамянуць</i> : разм. Тое, што і <i>ўспомніць</i>	Незак. да ўспомніць. Значэнне дзеяслова <i>ўспомніць</i> : аднавіць у сваёй памяці
*шпокнуць	<i>Ня людзі, а горшы жы- вёлін! (кідаецца разь- німаць, але зараз-жа адскаквае. Нехта з ня- нацку ударыў яго ў шчаку) / хапаючыся за твар / Ах ты хваро- ба! І мяне шпокнулі!</i> ³⁵ ;	‘ударыць’ ³⁶	1. Аднакр. да шпокаць. Значэнне дзеяслова <i>шпокаць</i> : разм. Падаючы, стукаючыся аб што-н., утвараць кароткі глухі гук // Разрывацца (пра кулі). 2. каго. Разм. Забіць, застрэліць	Аднакр. да шпокаць. Значэнне дзеяслова <i>шпокаць</i> : падаючы, стукаючыся аб што-н., утвараць кароткі глухі гук

Дзеепрыметнікі. У п’есах В. Шашалевіча выяўлены два незафіксаваныя тлумачальнымі слоўнікамі літаратурнай мовы значэнні дзеепрыметнікаў. Як і ў выпадку з прыметнікамі, колькасць дзеепрыметнікаў, якія адрозніваюцца значэннем ад сучасных лексем, у цэлым невялікая. Значэнні гэтых лексічных адзінак знаходзяцца ў цеснай сувязі з зафіксаванымі ў акадэмічных слоўніках значэннямі дзеясловаў і ўтвораных ад іх дзеепрыметнікаў. Абодва прыклады ўжывання дзеепрыметнікаў з’яўляюцца каштоўнымі для даследавання тых форм і значэнняў, якія яны могуць мець, у тым ліку на сучасным этапе развіцця літаратурнай мовы. Падрабязная інфармацыя пра дзеепрыметнікі прадстаўлена ў табл. 4.

Прыслоўі. У п’есах «Змрок» і «Воўчыя ночы» выяўлены тры прыслоўі, якія маюць незафіксаваныя тлумачальнымі слоўнікамі літаратурнай мовы значэнні. Семантыка першых дзвюх лексем з гэтай катэгорыі (*даўней* і *нешта*) непарыўна звязана са значэннямі ў акадэмічных слоўніках, што будзе відавочна нават неспецыялісту. У трэцім выпадку (прыслоўе *як*) гаворка ідзе пра больш экзатычнае ўжыванне, якое не зафіксавана ні ў акадэмічных тлумачальных, ні ў даследаваных дыялектных слоўніках. Аднак прыведзеныя ілюстрацыі пераканаўча сведчаць аб яго прысутнасці ў гаворках, прынамсі з дыяхранічнага пункту гледжання. Падрабязная інфармацыя пра прыслоўі прадстаўлена ў табл. 5.

³³Існуе слоўніковая фіксацыя блізкіх па значэнні слоў: *атразарацца* ‘перастаць бушаваць, вычвараць’ (СНЛ-1, с. 55), *разрацца* ‘крычаць ад болю’ (МС, т. 2, с. 139), *разорзаться* ‘раскрычацца’ (ССГ, т. 9, с. 97).

³⁴БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 139.

³⁵Там жа. Арк. 29. У машынапісе п’есы пазней гэты варыянт заменены на фразу *і мне ляснулі*.

³⁶Сустрэкаецца яшчэ адзін варыянт значэння гэтага дзеяслова: *шпокнуць* ‘ударыць чым-небудзь мяккім або па чым-небудзь мяккім, пляснучы’ (ССГ, т. 11, с. 155).

Табліца 4

Нестандартныя значэнні дзеепрыметнікаў

Table 4

Non-standard meanings of participials

Лексема	Кантэкст	Значэнне	ТСБМ	ТСБЛМ 2022
зачынены	<i>Чакаецца зачынены сход</i> [18, с. 33]	‘закрыты (пра сход)’	Дзеепрым. зал. пр. ад зачыніць. Значэнні дзеепрыметніка <i>зачыніць</i> : 1. Злучыць створкі, апусціць века чаго-н. // злучыўшы створкі чаго-н., апусціўшы века і пад., перашкодзіць доступу, пранікненню ў сярэдзіну чаго-н. 2. Пакінуць каго-н. у памяшканні, замкнуўшы дзверы; заперці	Лексема не зафіксавана
*перарваны	<i>/здагадаўшыся, перарваным голасам / Таварышы...</i> ³⁷	‘які перарываецца’	Дзеепрым. зал. пр. ад перарваць. Значэнні дзеепрыметніка <i>перарваць</i> : 1. што. Разарваць, раздзяліць надвае, на часткі. / у безас. ужыв. 2. што. Перапыніць, спыніць на некаторы час якас-н. дзеянне, развіццё чаго-н. // што. Парушыць які-н. стан, працэс. // каго. Перабіць чыю-н. размову, гутарку. 3. што. Разарваць, парваць на часткі ўсё, многае	Лексема не зафіксавана

Табліца 5

Нестандартныя значэнні прыслоўяў

Table 5

Non-standard meanings of adverbs

Лексема	Кантэкст	Значэнне	ТСБМ	ТСБЛМ 2022
даўней	<i>Ну што-ж, я ня злуюся... Адышло сэрца. Трэба было даўней так...</i> [16, с. 105]	‘раней’ ³⁸ (МС, т. 1, с. 161)	Некалі, у далёкім мінулым	У старыя часы, у далёкім мінулым
нешта	<i>Што гэта? Нешта знаёмы голас?</i> [17, с. 54]	‘здаецца, нібыта’ ³⁹	1. Чагосьці, чамусьці, невядома чаму. 2. (у спалучэнні з прыназ.). Прыблізна	1. Чагосьці, чамусьці, невядома чаму. 2. Прыблізна
як	<i>Шабека (прагна есьць, як ня давіцца)</i> [18, с. 30]	‘ледзь’ ⁴⁰	1. пытальянае. Выражае пытанне аб спосабе дзеяння, стану; якім чынам, якім спосабам. 2. пытальянае. Выражае пытанне аб якасці дзеяння ці стану. 3. азначальнае. У якой меры, ступені; наколькі. 4. неазначальнае. Разм. Як-небудзь. 5. часавае. Тое, што і калі ¹ (у 2 знач.). 6. адноснае. Ужываецца як злучальнае слова	1. прысл. пыт. і адноснае. Якім чынам. 2. прысл. пыт. У якой ступені, наколькі. 3. прысл. азнач. У якой меры, ступені, да чаго. 4. прысл. неазнач. Як-небудзь (разм.). 5. прысл. часавае. У які час

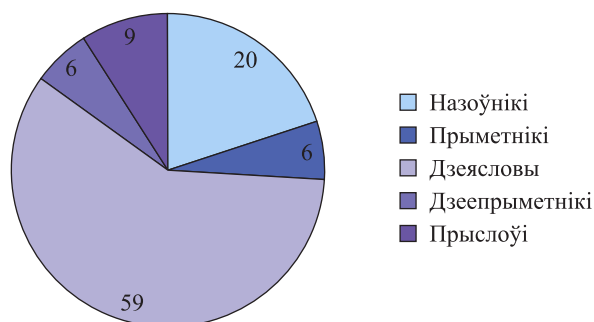
³⁷БДАМЛІМ. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 131.

³⁸У слоўніку М. Гарэцкага падаюцца наступныя варыянты перакладу: даўней – раньшэ, ранее; когдa-тo (Гарэцкі, с. 72). У больш познім творы сустракаецца яшчэ адзін выпадак ужывання дадзенай лексемы: *От свет настаў. Гэта ж каб даўней хто сказаў, што я дажыў да такога, засмяў бы*. Гл.: *Місько П. Эрпіды на планеце Зямля* // Нацыянальны корпус беларускай мовы : сайт. URL: [https://bnkorus.info/korus.html#search:{%22textStandard%22:{%22subcorpus%22:\[%22teksty%22,%22mizvajennyja%22\],%22authors%22:\[%22%D0%9C%D1%96%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%BE%20%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%BB%22\]},%22lang%22:%22bel%22,%22chains%22:\[{%22words%22:\[{%22word%22:%22%D0%B4%D0%B0%D1%9E%D0%BD%D0%B5%D0%B9%22,%22mode%22:%22EXACT%22}\],%22seps%22:\[null,null\]}\]}](https://bnkorus.info/korus.html#search:{%22textStandard%22:{%22subcorpus%22:[%22teksty%22,%22mizvajennyja%22],%22authors%22:[%22%D0%9C%D1%96%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%BE%20%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%BB%22]},%22lang%22:%22bel%22,%22chains%22:[{%22words%22:[{%22word%22:%22%D0%B4%D0%B0%D1%9E%D0%BD%D0%B5%D0%B9%22,%22mode%22:%22EXACT%22}],%22seps%22:[null,null]}]}) (дата звароту: 20.01.2026).

³⁹У Х. Шынклера сустракаецца ўжыванне ў бліжэйшым значэнні: *А скажы ты, Цімох, ці можна наогул мець такую эканомію, як у Габруся? Нешта неймаверная лічбіна – звыш 35 процантаў...* [21, с. 15].

⁴⁰У літаратуры сустракаюцца выпадкі ўжывання прыслоўя *як* у прыведзеным значэнні: *Цягнуў калоду, як не асыгнаўся* (у значэнні ‘ледзь не надарваўся’, Гарэцкі, с. 20); *А на руцэ ад кісці і як не да локця тлустая чорная пісяга* (Гомельшчына, с. 113); *Вецір хляпешчыць дзірамі, як ні пывывырачывыць с кареннім* (СНЛ-3, с. 288).

Працэнтныя суадносіны адзінак з нестандартнымі значэннямі прадстаўлены на малюнку.

Суадносіны лексічных адзінак з нестандартнымі значэннямі ў творах В. Шашалевіча, %
Percentage of units with non-standard meanings in the works of V. Shashalevich, %

Заклучэнне

Пры даследаванні значэнняў моўных адзінак у творах В. Шашалевіча «Змрок» і «Воўчыя ночы» былі выяўлены 34 значэнні, не зафіксаваныя ў сучасных тлумачальных слоўніках беларускай літаратурнай мовы. Значэнні размеркаваны па часцінах мовы нераўнамерна. Больш за ўсё нестандартных значэнняў маюць дзеясловы. У ходзе даследавання вызначана, што характар адрозненняў такіх значэнняў можа быць розны. Сярод іх як значэнні, гранічна блізкія да нарматыўных (*ссыпка, выгараць, нешта*), так і значэнні, якія можна аднесці да амонімаў, а не да тых жа лексем, якія пададзены ў слоўніках (*крэндзель, разарацца*).

З аднаго боку, семантыку такіх слоў, як *быць* (*будзе табе*), *крэндзель*, *лог*, *разарацца*, сапраўды ў першую чаргу трэба звязваць з дыялектнымі асаблівасцямі ўсходніх рэгіёнаў Беларусі. З другога боку, многія значэнні з'яўляюцца непасрэдна звязанымі з актуальнымі значэннямі адпаведных лексем. Яны не ствараюць праблем для разумення пры ўспрыманні сучасным чытачом (*адчыняць, даўней, зачынены, перарваны, пхаць, успамінаць, шляхецтва* і інш.). Некаторыя з незафіксаваных значэнняў з часу напісання В. Шашалевічам яго твораў перасталі ўжывацца таму, што ў літаратурнай мове ў гэтых значэннях сталі выкарыстоўвацца іншыя словы: *адчыняць сход* – *адкрываць сход*, *зачынены сход* – *закрыты сход*. Такія значэнні ў поўных акадэмічных слоўніках могуць мець памету «ўст.». У іншых жа выпадках можна гаварыць пра тое, што адпаведныя значэнні і сэнны маглі б прысутнічаць у тлумачальных слоўніках без такой паметы (*даўней, напасіцца* і інш.).

Скарачэнні

Бялькевіч – *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. Мінск : Навука і тэхніка, 1970. 512 с. ; **Гарэцкі** – *Гарэцкі М.* Невялічкі беларуска-маскоўскі слоўнік. Вільня : Друк. Вілен. выд-ва, 1919. 261 с. ; **Гомельшчына** – Народная лексіка Гомельшчыны ў фальклоры і мастацкай літаратуры / рэд. У. В. Анічэнка. Мінск : Выд-ва БДУ, 1983. 174 с. ; **Каспяровіч** – *Каспяровіч М.* Віцебскі краёвы слоўнік (матэрыялы) / рэд.: М. Я. Байкоў, Б. І. Эпімах-Шыпіла. Мінск : [б. в.], 2011. 371 с. ; **МС** – Мова Сенненшчыны : дыялектны слоўнік : у 2 т. / навук. рэд.: В. М. Курцова, Л. П. Кунцэвіч. Мінск : Беларус. навука, 2015 ; **СНЛ-1** – *Юрчанка Г. Ф.* Сучасная народная лексіка: з гаворкі Мсціслаўшчыны : слоўн. А – Н / рэд. А. А. Крывіцкі. Мінск : Навука і тэхніка, 1993. 304 с. ; **СНЛ-2** – *Юрчанка Г. Ф.* Сучасная народная лексіка: з гаворкі Мсціслаўшчыны : слоўн. Н – П / рэд. А. А. Крывіцкі. Мінск : Навука і тэхніка, 1996. 304 с. ; **СНЛ-3** – *Юрчанка Г. Ф.* Сучасная народная лексіка: з гаворкі Мсціслаўшчыны : слоўн. Р – Я / рэд. А. А. Крывіцкі. Мінск : Навука і тэхніка, 1998. 351 с. ; **ССГ** – Словарь смоленских говоров : в 11 т. / сост.: Л. В. Граве [и др.]. Смоленск : СГПУ, 1974–2005 ; **ТБСМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэд. К. К. Атраховіч. Мінск : БСЭ, 1977–1984 ; **ТСБЛМ 2022** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : у 2 т. / рэд. І. Л. Капылоў. Мінск : Беларусь, 2022 ; **Чарн.** – Гавораць чарнобыльцы (з мясцовых гаворак чарнобыльскай зоны ў Беларусі) / склад., навук. рэд. А. А. Крывіцкі. Мінск : [б. в.], 1994. 220 с.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Крамко П, Юрэвіч АК, Яновіч АІ. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Том 2.* Мінск: Навука і тэхніка; 1968. 340 с.
2. Жыркевіч МІ. Аб мове камедыі Я. Купалы «Паўлінка». У: Гілевіч НС, рэдактар. *Даследаванні па беларускай і рускай мовах.* Мінск: БДУ імя У. І. Леніна; 1958. с. 69–80.

3. Кучар А. *Літаратурна-крытычныя артыкулы*. Мінск: Дзяржвыдавецтва БССР; 1953. 560 с.
4. Міхалевіч АГ. Сінтаксічныя асаблівасці мовы герояў камедыі Кандрата Крапівы «Хто смяецца апошнім». У: Манкевіч АА, укладальнік. *Беларуская літаратура ў культурнай прасторы сучаснага грамадства. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі да 120-годдзя з дня нараджэння народнага пісьменніка Беларусі Кандрата Крапівы; 3–4 сакавіка 2016 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2016. с. 356–359.
5. Сцяшковіч ТФ. *З назіранняў над мовай К. Крапівы*. Мінск: Выдавецтва БДУ імя У. І. Леніна; 1961. 108 с.
6. Лепешаў ІА. *Фразеалогія ў творах Кандрата Крапівы*. Мінск: Навука і тэхніка; 1976. 152 с.
7. Рагаўцоў ВІ. *Маўленчае выражэнне камічнага ў беларускай драматургіі*. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова; 2002. 304 с.
8. Рагаўцоў ВІ. *Вербальныя сродкі камічнага ў беларускай драматургіі: 1920–1940-я гады*. Гродна: ЮрСаПрынт; 2015. 254 с.
9. Шубадзёрава АМ. *Каламбур у беларускай драматургіі*. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова; 2007. 56 с.
10. Глушыцкі ЛУ. Мова драмы «Апошняе спатканне» Уладзіслава Галубка і яе ацэнка Максіма Гарэцкім. У: Свістунова МІ, рэдактар. *Пісьменнік – мова – стыль. Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 21–22 верасня 2023 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2023. с. 295–300.
11. Глушыцкі ЛУ. Стылістыка аўтарскай мовы ў драме «Пакрыўджаныя» Л. Родзевіча. У: Капылоў ІЛ, рэдактар. *Беларуская мова – галоўная гісторыка-культурная каштоўнасць нацыі і дзяржавы (да 95-годдзя Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа)*. Мінск: Беларуская навука; 2025. с. 320–326.
12. Лаўшук СС. *Станаўленне беларускай савецкай драматургіі*. Мінск: Навука і тэхніка; 1984. 190 с.
13. Мамачкін З. «Мой вораг – эпоха»: лёс драматурга Васіля Шашалевіча. *Роднае слова*. 1994;9:11–17.
14. Мамачкін З. Драматургія Васіля Шашалевіча. *Роднае слова*. 1997;1:4–17.
15. Ароўка ММ, Багдановіч ІЭ, Бароўка ВЮ, Варвашэвіч МА, Васючэнка ПВ, Гніламедаў УВ. *Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя. Том 2*. Мінск: Беларуская навука; 1999. 903 с.
16. Шашалевіч В. Сумны зьвер. *Узвышша*. 1928;5:102–111.
17. Шашалевіч В. Воўчыя ночы (драматычныя абразы). *Узвышша*. 1929;1:54–70.
18. Шашалевіч В. Воўчыя ночы (драматычныя абразы). *Узвышша*. 1929;4:25–41.
19. Шашалевіч В. Воўчыя ночы (драматычныя абразы). *Узвышша*. 1929;7:43–69.
20. Галуза ІУ. Слоўнік жывой беларускай мовы ў 20-я гады XX ст.: крытэрыі адбору лексікі і яе фіксацыя. *Доклады Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі*. 2015;6:115–122.
21. Шынклер Хв. *Запіскі інструктара Томана*. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі; 1934. 218 с.

Статья поступила в редколлегию 29.04.2026.
Received by editorial board 29.04.2026.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЭВФЕМИСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Б. ЧИРКУН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследованы иноязычные заимствования современного испанского языка, функционирующие в семантических зонах, которые характеризуются повышенной социальной и оценочной маркированностью. Представлены результаты семантико-стилистического и прагматического анализа заимствованных лексем, которые используются для номинации реалий, связанных с сексуальностью и проституцией, профессиями и социальным статусом, экономикой и деловым общением, телесностью и физиологией, культурой, досугом и потреблением, а также маргинальностью и девиантным поведением. Установлено, что иноязычные заимствования системно используются как средства лексического дистанцирования и стилистической нейтрализации, способствуя снижению оценочной эксплицитности и переосмыслению социально чувствительных понятий. Показано, что эвфемистический потенциал заимствованных единиц носит динамический характер и может ослабевать по мере их интеграции в языковую систему. Настоящее исследование уточняет представления о роли иноязычных заимствований в формировании социально допустимых способов языковой репрезентации действительности в современном испанском дискурсе и имеет важное значение для лексикологической и лексикографической практики.

Ключевые слова: иноязычное заимствование; эвфемизация; эвфемистическая функция; лексическое дистанцирование; стилистическая нейтрализация; оценочная семантика; дискурсивный контекст; современный испанский язык.

ВЫКАРЫСТАННЕ ІНШАМОЎНЫХ ЗАПАЗЫЧАННЯЎ У ЭЎФЕМІСТЫЧНАЙ ФУНКЦЫІ Ў СУЧАСНАЙ ІСПАНСКОЙ МОВЕ

Г. Б. ЧЫРКУН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разгледжаны інамоўныя запазычаны ў сучаснай іспанскай мове, якія функцыянуюць як эўфемізмы ў сацыяльна і ацэначна адчувальных семантычных сферах. Прадстаўлены вынікі семантыка-стылістычнага і прагматычнага аналізу запазычаных лексем, якія выкарыстоўваюцца для наймення рэалій, звязаных з сексуальнасцю і прастытуцыяй, прафесіямі і сацыяльным статусам, эканомікай і дзелавымі камунікацыямі, фізічнасцю і фізіялогіяй, культурай, вольным часам і спажываннем, а таксама з маргінальнасцю і дэвіянтнымі паводзінамі. Даказана, што запазычаны сістэматычна выкарыстоўваюцца як сродак лексічнага аддалення і стылістычнай нейтралізацыі, спрыяючы змяншэнню экспліцытнасці ацэначных адносін і рэінтэрпрэтацыі сацыяльна-адчувальных

Образец цитирования:

Чиркун АБ. Использование иноязычных заимствований в эвфемистической функции в современном испанском языке. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;2:71–79.
EDN: XFWCXA

For citation:

Chirkun AB. The use of foreign loanwords in their euphemistic function in contemporary Spanish. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;2:71–79. Russian.
EDN: XFWCXA

Автор:

Анна Борисовна Чиркун – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры романо-германских языков международной профессиональной деятельности факультета международных отношений.

Author:

Anna B. Chirkun, PhD (philology), docent; associate professor at the department of romance and germanic languages of international professional activity, faculty of international relations.
anna.chirkun21@gmail.com

канцэпцый. Паказана, што эўфемістычны патэнцыял запазычаных адзінак мае дынамічны характар і можа слабець па меры іх інтэграцыі ў моўную сістэму. Гэта даследаванне высвятляе ролю іншамовных запазычанняў у фарміраванні сацыяльна прымальных спосабаў моўнай рэпрэзентацыі рэальнасці ў сучасным іспанамовным дыскурсе і мае важнае значэнне для лексікалагічнай і лексікаграфічнай практыкі.

Ключавыя словы: іншамовныя запазычання; эўфемізацыя; эўфемістычная функцыя; лексічнае аддаленне; стылістычная нейтралізацыя; азначная семантыка; дыскурсіўны кантэкст; сучасная іспанская мова.

THE USE OF FOREIGN LOANWORDS IN THEIR EUPHEMISTIC FUNCTION IN CONTEMPORARY SPANISH

A. B. CHIRKUN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines foreign loanwords in modern Spanish that function as euphemisms in socially and evaluatively sensitive semantic areas. The results of a semantic-stylistic and pragmatic analysis of borrowed lexemes used to name realities related to sexuality and prostitution, professions and social status, economics and business communication, physicality and physiology, culture, leisure and consumption, as well as marginality and deviant behaviour are presented. It has been established that foreign borrowings are systematically used as a means of lexical distancing and stylistic neutralisation, contributing to a reduction in evaluative explicitness and a reinterpretation of socially sensitive concepts. It has been shown that the euphemistic potential of borrowed units is dynamic in nature and may weaken as they become integrated into the language system. This study clarifies the role of foreign borrowings in the formation of socially acceptable ways of linguistic representation of reality in contemporary Spanish discourse and is significant for lexicological and lexicographical practice.

Keywords: foreign loanword; euphemisation; euphemistic function; lexical distancing; stylistic neutralisation; evaluative semantics; discursive context; contemporary Spanish.

Введение

Во всех естественных языках существует устойчивая потребность в косвенной номинации реалий, относящихся к сфере языкового табу и социальной оценки, что обуславливает формирование и развитие эвфемистических стратегий как универсального механизма языкового смягчения и прагматической регуляции. Эвфемизация рассматривается в современной лингвистике как универсальный механизм языкового смягчения и прагматической регуляции, позволяющий говорящему избежать табуированных или социально нежелательных номинаций и адаптировать речь к нормам конкретного дискурсивного сообщества [1, p. 83].

В условиях интенсивного языкового контакта и глобализации особую роль в эвфемистических процессах играет заимствованная лексика. Как отмечают У. Вайнрайх, С. Г. Томасон и Т. Кауфман, языковой контакт не ограничивается лишь заимствованием номинативных единиц, а затрагивает прагматический и оценочный уровни значения [2, с. 34; 3, p. 215].

В современном испанском языке иноязычные элементы, прежде всего англицизмы, галлицизмы и итальянизмы, все чаще используются не столько для номинации новых реалий, сколько для переосмысления уже существующих понятий за счет стилистического смягчения, маскировки или символической переоценки. Использование иноязычных слов позволяет дистанцироваться от экспрессивных исконных испанских обозначений, которые в ряде случаев воспринимаются как грубые, вульгарные или социально маркированные. Подобный эффект лексического отстранения подробно описан в работах Ж. Гийому, в которых подчеркивается роль языка как инструмента символической власти и социального различия [4].

Особенно активно заимствования с эвфемистической функцией проявляют себя в семантических зонах, традиционно являющихся табуированными в языке или подверженным социальной оценке (сексуальность и проституция; профессии и социальный статус; экономика и деловое общение; телесность и физиология; культура, досуг и потребление; маргинальность и девиантное поведение). Согласно классификациям табуированной лексики, предложенным С. Ульманом и Дж. К. Чэмберсом, данные зоны

наиболее чувствительны к процессам эвфемизации [5; 6]. В этих зонах иноязычная форма выступает как средство нейтрализации оценки, за счет употребления которого снижается эмоциональная нагрузка высказывания.

Актуальность настоящего исследования определяется недостаточной разработанностью проблемы эвфемистических заимствований в испанском языкознании. Несмотря на значительное количество работ, посвященных англицизмам в испанском языке [7; 8], а также общим вопросам эвфемии [9; 10], функциональный аспект заимствований как эвфемистических средств до настоящего времени не получил системного описания. Анализ эвфемистических заимствований позволит выявить глубинные социокультурные установки, проявляющиеся в способах языкового конструирования социальной иерархии и регуляции допустимых речевых практик, что соотносится с современными исследованиями дискурса и идеологии [11; 12].

Цель исследования заключается в выявлении, описании и систематизации иноязычных заимствований, функционирующих в современном испанском языке в качестве эвфемизмов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить семантическое распределение иноязычных заимствований, функционирующих в современном испанском языке в качестве эвфемизмов, и выделить ключевые зоны эвфемизации; 2) проанализировать функционирование эвфемистической подстановки на материале заимствованной лексики; 3) выявить и описать основные механизмы эвфемистического смягчения в современном испанском языке; 4) проанализировать стилистические и оценочные характеристики эвфемистических заимствований в различных семантических зонах.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили иноязычные лексические заимствования, функционирующие в современном испанском языке с эвфемистической нагрузкой. В основу анализа положен корпус, включающий более 200 лексических единиц английского, французского, итальянского, а также латинского происхождения, которые отобраны методом сплошной выборки из издания «Словарь эвфемизмов современного испанского языка» под редакцией Х. М. Лечадо Гарсии¹.

Методологическую основу исследования составляют положения современной семантики и социолингвистики, интерпретирующие эвфемизм как прагматически и социально обусловленный механизм языкового смягчения. В работе используются следующие методы исследования:

- 1) метод лексико-семантического анализа, применяемый для выявления значения заимствованных единиц, их соотносительности с исконными испанскими номинациями и определения характера семантического смещения при эвфемизации;
- 2) метод семантической классификации, позволяющий сгруппировать отобранные заимствования по семантическим зонам;
- 3) описательный метод, используемый для интерпретации функций заимствованных эвфемизмов и анализа их стилистической и оценочной нагрузки;
- 4) элементы сопоставительного анализа, применяемые при соотносении заимствованных эвфемизмов с их исконными испанскими эквивалентами, что позволяет выявить функциональные различия между прямой и эвфемистической номинациями.

В рамках исследования также используется диахроническое наблюдение за изменением оценочного и эвфемистического потенциала заимствований, позволяющее зафиксировать процессы ослабления или утраты данного потенциала по мере интеграции иноязычных лексем в систему современного испанского языка.

Результаты и их обсуждение

В данном разделе представлены результаты анализа иноязычных заимствований, функционирующих в современном испанском языке в качестве эвфемизмов, и их интерпретация с точки зрения семантики, стилистики и прагматики. Рассмотрение материала осуществляется по семантическим зонам, отражающим наиболее продуктивные сферы эвфемизации (сексуальность и проституция; профессии и социальный статус; экономика и деловое общение; телесность и физиология; культура, досуг и потребление; маргинальность и девиантное поведение), что позволяет как проследить общие тенденции функционирования заимствованных эвфемизмов, так и выявить специфику их использования в различных социокультурных контекстах.

¹Diccionario de eufemismos: y de expresiones eufemísticas del español actual / ed. J. M. Lechado García. Madrid : Verbum, 2000. 216 p.

Сексуальность и проституция. Одной из наиболее продуктивных семантических зон эвфемизации является лексика, относящаяся к сфере сексуальности и проституции. Именно в данной области эвфемистическая функция заимствований проявляется наиболее последовательно: использование иноязычных номинаций снижает степень прямоты и физиологической конкретности высказывания, формируя эффект лексического дистанцирования и стилистического смягчения.

Характерным примером является употребление английского заимствования *call-girl* вместо общеязыковой номинации *prostituta* ‘проститутка’. Иноязычная форма способствует смещению акцента с сексуально-функционального аспекта деятельности на ее социально репрезентативное измерение, соотнося обозначаемый образ с практиками эскорт-сервиса и внешней респектабельностью, а не с уличной проституцией.

Сходную функцию выполняет итальянское заимствование *gigoló*, которое употребляется для обозначения мужчины, оказывающего сексуальные услуги. Иноязычная форма способствует нейтрализации резко негативной оценочной семантики, характерной для исконных номинаций типа *prostituto* или *puto*, и обеспечивает стилистически опосредованную репрезентацию обозначаемого лица. Аналогичный механизм смягчения реализуется и в англоязычном заимствовании *playboy*, которое используется вместо экспрессивно маркированных обозначений *mujeriego* ‘бабник’, *juerguista* ‘кутила’ и переводит характеристику сексуального поведения в более нейтральную и социально допустимую плоскость.

Некоторые заимствования из французского языка активно используются для обозначения профессий и пространств, связанных со сферой сексуальности, выполняя эвфемистическую функцию опосредованной номинации. Так, лексема *boudoir* функционирует как эвфемистическая замена испанскому слову *tocador* ‘туалетный столик’, а в ряде дискурсивных контекстов она приобретает расширенное значение интимного помещения, вплоть до обозначения пространства, ассоциируемого с сексуальными практиками, особенно в медиадискурсе. Французское заимствование *madame* используется для обозначения хозяйки борделя, вытесняя эксплицитно оценочные номинации типа *jefa del prostíbulo* ‘хозяйка публичного дома’. Сходным образом лексема *meublé* ‘меблированная квартира’ употребляется в эвфемистическом значении ‘бордель’, при этом иноязычная форма обеспечивает стилистическое дистанцирование и нейтрализацию прямой оценочной маркированности.

Иноязычная форма также способствует ослаблению дискурсивных табу за счет стилистической нейтрализации обозначаемых реалий. Так, англоязычное заимствование *sexu* вытесняет более узкоспециализированные и оценочно нагруженные номинации *erótico* и *pornográfico*, функционируя как универсальное и стилистически гибкое обозначение телесной привлекательности. Аналогичным образом лексема *top-less* используется вместо развернутого выражения *tomar el sol con los pechos al aire* ‘загорать с обнаженной грудью’, снижая степень эксплицитности высказывания и тем самым ослабляя потенциальный негативный перлокутивный эффект.

Анализ представленного материала свидетельствует о наличии устойчивой тенденции к использованию заимствований в функции лексического дистанцирования и социального смягчения. Иноязычная форма способствует снижению степени прямой оценочной эксплицитности и выработке стилистически нейтрального способа репрезентации обозначаемых реалий. В этом контексте заимствование функционирует не только как средство номинации, но и как дискурсивный механизм трансформации образа референта.

Профессии и социальный статус. Сфера профессиональной номинации относится к числу продуктивных областей эвфемизации за счет иноязычных заимствований. Особенно ярко этот процесс проявляется при номинации социально малопрестижных профессий. Заимствованная форма способствует стилистической нейтрализации их социального статуса и репрезентации соответствующей деятельности в более формализованном и современном ключе. Показательным примером служит англоязычное заимствование *freelance*, используемое вместо общеязыковой номинации *trabajador precario* ‘временный работник’. Иноязычная форма выполняет эвфемистическую функцию стилистического переосмысления нестабильной формы занятости, репрезентируя ее как модель независимого труда. В то же время социально-экономические характеристики данной формы занятости (отсутствие трудовых гарантий и институциональной защищенности) остаются в значительной степени имплицитными.

Французское заимствование *chef* нередко используется в значении ‘повар’, вытесняя нейтральную номинацию *cocinero* и соотнося обозначаемую профессию с представлениями о более высокой квалификации и профессиональном авторитете. Сходную функцию выполняет лексема *maitre* ‘старший официант’, которая за счет иноязычной формы обеспечивает стилистическое дистанцирование от прямой отнесенности к категории обслуживающего персонала. Аналогичным образом заимствование *esthéticienne* ‘косметолог’ женского рода употребляется вместо номинаций *maquilladora* и *cosmóloga*, репрезентируя профессию в стилистически приподнятом, формализованном ключе и снижая ее бытовую маркированность.

Номинации профессий, связанных с уходом за детьми, также демонстрируют тенденцию к эвфемизации посредством иноязычных заимствований. Так, англоязычная номинация *baby sitter* вытесняет общеязыковое обозначение *niñera* 'няня', которое в ряде контекстов ассоциируется с низкооплачиваемым домашним трудом. Заимствованная форма способствует изменению семантико-стилистических характеристик данного вида трудовой деятельности, соотнося ее с представлениями о современной и институционально нейтральной форме занятости в сфере ухода за детьми.

Аналогичную функцию выполняет французское заимствование *valet de chambre* 'слуга, личный камердинер', которое за счет культурно-исторических ассоциаций с аристократическим бытом обеспечивает стилистическое дистанцирование от подчиненного социального статуса обозначаемого лица. В отличие от него испанские номинации *criado personal* и *sirviente* характеризуются более высокой степенью социальной и иерархической маркированности.

В ряде случаев иноязычные номинации формируют эффект символической принадлежности к социально престижной группе. Так, лексема *uuppie* употребляется для обозначения состоятельного молодого человека, ориентированного на профессиональную карьеру и материальный успех, однако на практике она нередко соотносится с человеком, занимающим невысокое социально-профессиональное положение. В подобных контекстах акцент смещается с объективных показателей статуса на воспроизводство внешних маркеров успешности, таких как стиль одежды, поведенческие модели, профессиональный лексикон и элементы корпоративной культуры.

Таким образом, в сфере трудовых отношений иноязычные заимствования характеризуются двойственным функциональным потенциалом: с одной стороны, они используются для номинации социально непрестижных профессий, с другой – способствуют стилистическому переосмыслению профессионального статуса, ослабляя негативную социальную маркированность и репрезентируя соответствующую деятельность в более формализованном и респектабельном ключе.

Экономика и деловое общение. Сфера экономики и делового общения является одной из наиболее продуктивных областей эвфемизации посредством иноязычных заимствований. В данном контексте эвфемистическая функция реализуется, с одной стороны, в маскировке социально-экономических процессов, обладающих негативной оценочной нагрузкой (кризисы, безработица, неравенство), а с другой – в стилистической нейтрализации и символическом повышении статуса профессиональной лексики. Характерным примером служит англоязычное заимствование *crack*, используемое вместо испанской номинации *bancarrota* 'банкротство'. Включение данной лексемы в экономический дискурс позволяет снизить степень негативной оценочности и представить кризисную ситуацию посредством профессионально-терминологической номинации, ослабляющей ее оценочную маркированность. Сходную эвфемистическую функцию выполняет заимствование *crash*, обозначающее обвал на фондовых рынках и воспринимаемое как менее экспрессивное по сравнению с термином *colapso financiero* 'финансовый коллапс'. Аналогичным образом функционирует заимствование *dumping*, используемое вместо испанского словосочетания *competencia desleal* 'недобросовестная конкуренция'. Иноязычная форма способствует деперсонализации и нейтрализации оценочного компонента. За счет восприятия этого заимствования как технического термина ослабляется негативная оценочность обозначаемого явления. Заимствование *lobby* прочно закрепилось в испанском политико-экономическом дискурсе в качестве эвфемистической номинации групп влияния. Использование данной лексемы позволяет представить кулуарные механизмы воздействия на принятие решений в нейтральном, институционально допустимом ключе, дистанцируясь от прямых обозначений, ассоциируемых с коррупционными практиками. Таким образом, иноязычная форма способствует легитимации соответствующих процессов в публичном дискурсе и снижению оценочной напряженности. Термины *input* и *output*, широко используемые в управленческом и финансовом дискурсах, нередко вытесняют общеязыковые испанские эквиваленты *entrada* 'вход, вложение' и *salida* 'выход, результат'. Иноязычная форма данных заимствований способствует абстрагированию значения и ослаблению конкретно-результативной семантики, что позволяет представлять процессы и итоги деятельности в обобщенном, формально-нейтральном виде. Заимствование *stock*, используемое вместо развернутого обозначения *exceso de mercancía almacenada* 'избыточные товарные запасы', способствует нейтрализации негативной оценочной семантики, связанной с экономическими потерями или логистическими просчетами. Эвфемистический эффект достигается за счет краткости и терминологического характера англоязычной формы, ассоциирующейся с биржевой и управленческой лексикой и лишенной эксплицитного указания на неблагоприятный результат.

Особый интерес представляет заимствование *overbooking*, используемое для обозначения ситуации, при которой количество реализованных мест превышает фактические возможности их предоставления. В отличие от развернутых номинаций, прямо указывающих на нормативную или этическую проблематичность подобной практики (например, номинация *venta fraudulenta de plazas* 'мошенническая

продажа мест'), англоязычная форма является терминологически абстрактной и способствует нейтрализации оценочной интерпретации обозначаемого явления.

Таким образом, в политико-экономическом и деловом дискурсах иноязычные заимствования функционируют как лексические средства, способствующие нейтрализации или переосмыслению негативно маркированных социально-экономических реалий. Специфика их формы и ассоциативного потенциала обеспечивает представление обозначаемых явлений в терминах формальной объективности, профессиональной стандартизации и дискурсивной нейтральности.

Телесность и физиология. Телесность относится к числу наиболее устойчивых зон языкового табу, в рамках которых эвфемизация традиционно используется для смягчения или опосредования прямых номинаций физиологических реалий. В современном испанском языке значительная часть эвфемистической лексики данной сферы формируется за счет иноязычных заимствований, преимущественно английского и французского происхождения. Указанные заимствования применяются для обозначения телесных функций и частей тела в стилистически нейтральной форме, что снижает степень эксплицитности и прямой телесной конкретизации высказывания.

Показательным примером являются англоязычные заимствования *toilet* и *W. C. (water closet)*, используемые вместо исконного испанского обозначения *retrete* 'туалет, унитаз'. Последняя лексема в ряде контекстов обладает выраженной бытовой и телесно-конкретной семантикой, тогда как иноязычные номинации характеризуются более высокой степенью формальной нейтральности. Аналогичную функцию выполняют заимствования *bidet* и *water closet*, которые за счет иноязычной формы обеспечивают дистанцирование от непосредственной физиологической референции.

Сексуально-физиологические процессы также подвергаются эвфемизации посредством латинизмов, придающих высказыванию характер терминологической отстраненности. Так, лексемы *fellatio* и *cunnilingus* используются в качестве замены общеязыковых обозначений оральных практик, снижая степень телесной эксплицитности и переводя номинацию в клинично-дескриптивную плоскость. Сходный эффект наблюдается при употреблении латинизма *speculum* в значении 'мужской половой орган'. Этот латинизм противопоставляется исконной лексеме *polla*, обладающей выраженной разговорной и физиологически конкретной семантикой.

В наименованиях предметов мужского нижнего белья реализуется аналогичный механизм эвфемизации: заимствование *slip* вытесняет общеязыковое обозначение *calzoncillos* 'мужские трусы', обладающее выраженной телесной и бытовой конкретностью. Иноязычная форма характеризуется большей стилистической нейтральностью и в ряде дискурсов, прежде всего в рекламном дискурсе, функционирует как маркер десемантизации телесного компонента номинации.

Таким образом, эвфемистические заимствования в сфере телесности способствуют формированию опосредованного способа языковой репрезентации тела, при котором физиологическая конкретность вытесняется стилистически нейтральной номинацией. В данном контексте иноязычная лексика выполняет не только смягчающую функцию, но и функцию эстетизации, ослабляя телесную эксплицитность и заменяя прямые, физиологически маркированные обозначения.

Культура, досуг и потребление. Сфера культуры, досуга и потребления характеризуется высокой степенью восприимчивости к эвфемизации посредством иноязычных заимствований. В рамках этой сферы эвфемистическая функция нередко сочетается с функцией символического повышения статуса номинации. В данном сегменте дискурса заимствованные лексемы используются для нейтрализации негативной оценочности повседневных или социально маркированных реалий за счет их стилистического переоформления и ассоциирования с глобализированными культурными моделями. Показательным примером является англоязычное заимствование *fast food*, активно употребляемое вместо испанского словосочетания *comida basura* 'мусорная еда'. При обозначении того же референта иноязычная форма ослабляет негативно-оценочный компонент значения и способствует представлению данного типа питания в более нейтральном или даже привлекательном ключе, что особенно характерно для рекламного и молодежного дискурсов. Аналогичным образом функционирует французское заимствование *gourmet*, вытесняющее общеязыковые номинации *comilón* и *tragaldabas* 'обжора'. Иноязычная форма способствует нейтрализации негативно-оценочной семантики, связанной с избыточным потреблением, и позволяет представить соответствующую практику в стилистически приподнятом и социально нейтральном ключе. В данном случае заимствование не только выполняет эвфемистическую функцию, но и служит средством символического переосмысления обозначаемой реалии.

Во многих случаях иноязычные заимствования используются для опосредованной номинации развлекательных, а в ряде контекстов и социально маргинализированных практик. Так, лексема *club* может соотноситься как с обозначением элитного досугового заведения, так и с номинацией *prostibulo* 'бордель'. Иноязычная форма обеспечивает сохранение семантической неопределенности, которая функционирует как средство эвфемизации и снижает степень прямой оценочной маркированности.

Ряд иноязычных заимствований используются для опосредованной номинации объектов с выраженной коммерческой или социально маркированной характеристикой. Так, французская лексема *boîte* 'ночной клуб' функционирует в качестве эвфемистической замены развернутого обозначения *sala de fiestas eróticas* 'эротическое развлекательное заведение', снижая степень эксплицитности оценочного компонента. Аналогичную функцию выполняет заимствование *dancing*, выступающее в роли эвфемистической номинации *discoteca*; последняя лексема в настоящее время воспринимается как устаревшая, однако является показательной для культурно-дискурсивных практик 1960-х гг.

Даже повседневные практики, такие как потребление алкогольных напитков, подвергаются эвфемизации за счет стилистически маркированных заимствований. Так, англоязычное заимствование *cocktail* вытесняет развернутое обозначение *mezcla de bebidas alcohólicas* 'смесь спиртных напитков', меняя интерпретацию обозначаемой реалии на стилистически нейтральную и социально регламентированную.

В музыкальной и кинематографической индустриях иноязычные заимствования также используются как стилистически маркированные способы наименования. Так, заимствование *thriller* вытесняет описательные обозначения *película de miedo* 'фильм ужасов' и *película de misterio* 'детектив', а лексема *remake* употребляется вместо общеязыковой номинации *nueva versión* 'новая версия', обеспечивая более обобщенную и формально нейтральную репрезентацию вторичного культурного продукта.

Таким образом, в сфере культуры и досуга иноязычные заимствования функционируют как средства стилистического и символического переоформления номинации, соотнося обозначаемые реалии с моделями глобализированного культурного дискурса. В то же время ослабляется негативная оценочная семантика, связанная с массовым характером и социально непрестижными коннотациями соответствующих практик.

Маргинальность и девиантное поведение. Особую группу в семантической типологии эвфемистических заимствований составляют номинации маргинальных и девиантных явлений. При обозначении этих явлений эвфемистический эффект реализуется посредством иноязычной формы, которая снижает степень прямой оценочности и обеспечивает дискурсивное дистанцирование от называемых реалий.

Показательным примером является заимствование *gangster*, пришедшее в испанский язык под влиянием американского кинематографического дискурса и используемое вместо общеязыковых номинаций *delincuente* 'преступник' или *mafioso* 'мафиози'. Иноязычная форма активизирует устойчивые культурно-дискурсивные ассоциации, связанные с медийными образами криминальных персонажей, что способствует ослаблению негативной оценочной семантики и трансформации репрезентации преступной деятельности в стилистически опосредованном ключе.

Лексема *skinhead* демонстрирует показательную динамику эвфемистического функционирования. Первоначально заимствованная в качестве обозначения молодежного субкультурного движения, сейчас она используется вместо прямых идеологически маркированных номинаций *fascista* 'фашист' и *ultraderechista* 'сторонник ультраправых взглядов', обеспечивая дискурсивное дистанцирование от их негативной оценочной нагрузки на раннем этапе употребления. По мере закрепления за данной лексемой устойчивых идеологических ассоциаций ее эвфемистический потенциал ослабевает, в результате чего слово переходит в разряд стигматизирующих обозначений, что особенно заметно в сочетаниях *red skinhead* 'левый скин' и *skinhead nazi* 'национально-социалистический скинхед, НС-скинхед'. Аналогичную динамику демонстрирует англоязычное заимствование *squatter*, используемое в том же значении, что и номинация *okupa* 'самозахватчик жилья'. Иноязычная форма на начальном этапе функционирования обеспечивает дискурсивное дистанцирование от негативно маркированной номинации, смещая фокус интерпретации с противоправного характера действия на его соотносительность с протестными или альтернативными социальными движениями. Однако по мере закрепления соответствующих коннотаций эвфемистический потенциал данной лексемы ослабевает, в результате чего в современном испанском медиадискурсе она в значительной степени вытесняется исконным обозначением *okupa*.

В политико-экономическом дискурсе показательным является употребление заимствования *outsider* вместо общеязыковых номинаций *intruso* и *advenedizo* 'чужак'. Иноязычная форма способствует ослаблению негативной оценочной семантики и позволяет репрезентировать маргинальное положение субъекта в нейтральном либо переосмысленном ключе, что особенно характерно для контекста политической кампании.

Даже обозначения насильственных действий, такие как номинация *razzia* 'вооруженное нападение, погром, рейд', в иноязычной, в частности итальянской, форме воспринимаются более нейтрально по сравнению с прямыми испанскими номинациями *asalto armado* 'вооруженное нападение' и *saqueo militar* 'военный грабёж'. Эвфемистический эффект в данном случае обусловлен историческим и стилистическим дистанцированием, которое снижает степень непосредственной оценочной эксплицитности обозначаемого действия.

Таким образом, заимствованные номинации маргинальных и девиантных реалий характеризуются двойственным функциональным потенциалом: с одной стороны, они способствуют ослаблению негативной социальной оценочности, с другой – обеспечивают стилистическое переоформление обозначаемых явлений, делая их дискурсивно допустимыми в определенных коммуникативных контекстах, прежде всего в медиадискурсе, субкультурном и идеологически нейтральном дискурсах.

Заключение

Проведенный анализ иноязычных заимствований, функционирующих в современном испанском языке в эвфемистической функции, позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, значимых для понимания механизмов эвфемизации, а также более широких социолингвистических и дискурсивных процессов.

Прежде всего результаты исследования свидетельствуют о том, что эвфемистическая функция заимствований в испанском языке носит системный, а не случайный характер. Иноязычные лексемы используются не только для наименования новых реалий, но и для переосмысления уже существующих понятий, относящихся к социально чувствительным, табуированным и оценочно маркированным сферам. В данном контексте заимствование функционирует как средство лексического дистанцирования, позволяющее смягчать, нейтрализовывать либо эстетизировать репрезентацию референта.

В ходе исследования установлено, что эвфемистические заимствования концентрируются в ключевых семантических зонах (сексуальность и проституция; профессии и социальный статус; экономика и деловое общение; телесность и физиология; культура, досуг и потребление; маргинальность и девиантное поведение). Указанные сферы характеризуются высокой степенью социальной оценочности и нормативной регуляции, что обуславливает их повышенную восприимчивость к эвфемистическим стратегиям. В пределах каждой из данных зон заимствованные лексемы служат средствами лексического дистанцирования, смягчающими эксплицитность высказывания и снижающими вероятность негативного перлокутивного эффекта.

В целом анализ подтверждает, что иноязычные заимствования в современном испанском языке системно функционируют как эвфемистические средства, реализуя механизмы лексического дистанцирования, стилистической нейтрализации и символического переосмысления в зависимости от дискурсивного контекста. Вместе с тем данный функциональный потенциал не является статичным и сохраняется лишь в определенных социокультурных условиях.

В то же время исследование подтверждает нестабильность эвфемистического потенциала заимствований. По мере интеграции в языковую систему многие из них утрачивают первоначальный смягчающий эффект, переходя в разряд нейтральной лексики, а в ряде случаев – в разряд иронической или стигматизирующей лексики. Данный процесс «девальвации» эвфемизмов, прослеживаемый на материале статьи, свидетельствует о динамическом характере эвфемизации и о ее зависимости от изменяющихся социокультурных норм.

Таким образом, иноязычные заимствования в современном испанском языке целесообразно рассматривать не только как результат языкового контакта, но и как функционально значимый прагматический и идеологический ресурс, участвующий в формировании социально допустимых способов репрезентации действительности. Их эвфемистическая функция отражает коллективные представления о теле, труде, сексуальности, экономике и маргинальности, а также демонстрирует механизмы адаптации языка к изменяющимся этическим и культурным установкам общества.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в учебном процессе при преподавании курсов по лексикологии, социолингвистике и теории межкультурной коммуникации, а также при анализе современной заимствованной лексики испанского языка. Материалы статьи представляют интерес и для лексикографической практики, в частности они могут использоваться при описании прагматических и оценочных характеристик эвфемистических заимствований. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы за счет привлечения корпусных данных, а также с диахроническим и дискурсивным анализом динамики эвфемистического потенциала заимствований в современном испанском языке.

Библиографические ссылки

1. Allan K, Burrridge K. *Euphemism and dysphemism: language used as shield and weapon*. Oxford: Oxford University Press; 1991. 263 p.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. Жолковский АК, переводчик. В: Розенцвейг ВЮ, составитель и редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск 6, Языковые контакты*. Москва: Прогресс; 1972; с. 25–60.
3. Thomason SG, Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press; 1988. 411 p.

4. Гийому Ж, Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса. Юдина ИЮ, переводчик. В: Серю П, составитель; Серю П, Мазо ВД, редакторы. *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса*. Москва: Прогресс; 1999. с. 124–136.
5. Ullmann S. *The principles of semantics*. 2nd edition. Oxford: Basil Blackwell; 1957. 346 p.
6. Chambers JK. *Sociolinguistic theory: linguistic variation and its social significance*. 2nd edition. Oxford: Blackwell Publishing; 2003. 320 p. (Language in society).
7. Rodríguez González F, Lillo Buades A. *Nuevo diccionario de anglicismos*. Madrid: Gredos; 1997. 562 p.
8. Lorenzo Criado E. *Anglicismos hispánicos*. Madrid: Gredos; 1996. 710 p.
9. Rodríguez González F. Eufemismo y propaganda política. *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. 1988;1:153–170.
10. Casas Gómez M. De una visión léxica y pragmático-discursiva a una dimensión cognitiva en la caracterización extralingüística y lingüística del eufemismo. In: Bonhomme M, de La Torre M, Horak A, editors. *Études pragmatique-discursives sur l'euphémisme = Estudios pragmático-discursivos sobre el eufemismo*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2012. p. 53–72. (Studien zur romanischen sprachwissenschaft und interkulturellen kommunikation; band 83).
11. Fairclough N. Critical discourse analysis and critical policy studies. *Critical Policy Studies*. 2013;7(2):177–197. DOI: 10.1080/19460171.2013.798239.
12. van Dijk TA. *Discourse as structure and process*. London: Sage; 1997. XII, 356 p. (Discourse studies: a multidisciplinary introduction; volume 1).

Статья поступила в редколлегию 20.01.2026.
Received by editorial board 20.01.2026.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА В РАБОТАХ В. И. КУЛИКОВИЧА

С. А. ВАЖНИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Владимиру Ивановичу Куликовичу 10 июня 2027 г. исполнилось бы 60 лет, если бы не остановилось сердце этого замечательного и талантливого человека, ученого, педагога... Подводятся промежуточные итоги научной деятельности известного белорусского исследователя, более 30 лет работавшего в области теоретических и практических проблем белорусской орфографии. В ближайшем будущем найдутся небезразличные исследователи, которые изучат все работы Владимира Ивановича, часто новаторские по своей сути, и подробно опишут его большой вклад в белорусское языкознание. В. И. Куликович не завершил свое докторское исследование об орфографической системе белорусского литературного языка, но оставил после себя ряд научных работ, учебных пособий и словарей, в которых рассматриваются проблемы белорусской орфографии.

Ключевые слова: орфографическая система белорусского литературного языка; орфографические нормы; культура белорусской речи; издательское дело; история белорусской книги.

ТЭАРЭТЫЧНЫЯ І ПРАКТЫЧНЫЯ ПРАБЛЕМЫ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ Ў ПРАЦАХ У. І. КУЛІКОВІЧА

С. А. ВАЖНИК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Уладзіміру Іванавічу Куліковічу 10 чэрвеня 2027 г. споўнілася б 60 гадоў, калі б не спынілася сэрца гэтага таленавітага чалавека, вучонага, педагога... Падводзяцца прамежкавыя вынікі навуковай дзейнасці вядомага беларускага даследчыка, які больш за 30 гадоў працаваў у галіне тэарэтычных і практычных праблем беларускай арфаграфіі. У хуткім часе знойдуцца неабякавыя даследчыкі, якія азнаёмяцца з усімі працамі Уладзіміра Іванавіча, часта наватарскімі па сутнасці, і падрабязна апішуць яго вялікі ўнёсак у беларускае мовазнаўства. У. І. Куліковіч не завяршыў сваё доктарскае даследаванне аб арфаграфічнай сістэме беларускай літаратурнай мовы, але пакінуў пасля сябе шэраг навуковых прац, вучэбных дапаможнікаў і слоўнікаў, у якіх апісваюцца праблемы беларускай арфаграфіі.

Ключавыя словы: арфаграфічная сістэма беларускай літаратурнай мовы; арфаграфічныя нормы; культура беларускага маўлення; выдавецкая справа; гісторыя беларускай кнігі.

Образец цитирования:

Важник С.А. Тэарэтычныя і практычныя праблемы беларускай мовы ў працах У. І. Куліковіча. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2026;2:80–84.
EDN: XIUBFQ

For citation:

Vazhnik S.A. Theoretical and practical problems of the Belarusian language in the works of U. I. Kulikovich. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;2:80–84. Belarusian.
EDN: XIUBFQ

Автор:

Сергей Александрович Важник – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры белорусского языкознания, декан филологического факультета.

Author:

Syarhey A. Vazhnik, PhD (philology), docent; professor at the department of Belarusian linguistics, dean of the faculty of philology.
vazhnik@bsu.by
<https://orcid.org/0009-0000-1679-0746>

THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF THE BELARUSIAN LANGUAGE IN THE WORKS OF U. I. KULIKOVICH

S. A. VAZHNIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. On 10 June 2027, U. I. Kulikovich would have turned 60 years old, had not the heart of this remarkable and talented man, scientist, and teacher stopped beating. This article summarises the interim results of the scientific work of the renowned Belarusian researcher, who spent more than 30 years working on the theoretical and practical problems of Belarusian orthography. There will be concerned researchers who will study all of Vladimir Ivanovich's works, often groundbreaking in nature, and thoroughly describe his significant contribution to Belarusian linguistics. U. I. Kulikovich did not complete his doctoral research on the orthographic system of the Belarusian literary language, but he left behind a number of important scholarly works, textbooks, and dictionaries that highlight the problems of Belarusian orthography.

Keywords: orthographic system of the Belarusian literary language; orthographic norms; culture of Belarusian speech; publishing; history of the Belarusian book.

Уводзіны

Як натура творчая і шматбаковая, Уладзімір Іванавіч Куліковіч праявіў сябе ў розных іпастасях: як настаўнік ад Бога (выкладаў беларускую мову і літаратуру на філалагічным факультэце БДУ, у Ліцэі БДУ і Беларускай дзяржаўнай тэхналагічнай універсітэце), арганізатар алімпіяд па беларускай мове, міжнародных навуковых праектаў і канферэнцый, семінараў для настаўнікаў беларускай мовы і літаратуры ў абласных установах адукацыі, майстар-класаў па беларускай арфаэпіі і арфаграфіі з дыктарамі і карэспандэнтамі Белтэлерадыёкампаніі, журналістамі папулярных СМІ, а таксама як галоўны рэдактар часопіса «Роднае слова» і галіновай серыі «Прынт- і медыятэхналогіі» часопіса «Труды БГТУ», дасведчаны перакладчык і сур'ёзны навуковец. Якраз апошняя іпастасі і будзе прысвечаны наш артыкул. Увазе чытача прапануецца адна з неапублікаваных прац вучонага, якая, несумненна, неаднаразова будзе працытавана ў навуковых працах.

Матэрыялы і метады даследавання

Матэрыяламі даследавання сталі персанальныя дакументы Уладзіміра Іванавіча: індывідуальны план працы дактаранта, спіс публікацый па тэме дысертацыі, складзены У. І. Куліковічам, справаздача за першае паўгоддзе другога года навучання ў дактарантуры, індывідуальны план на другое паўгоддзе другога года навучання ў дактарантуры.

Пры правядзенні даследавання былі выкарастаны наступныя метады: апісальны, лінгваперсаналагічны і сацыялінгвістычны.

Вынікі і іх абмеркаванне

Манаграфію «Тэарэтычныя і практычныя праблемы беларускай мовы ў працах У. Дубоўкі» [1] Уладзімір Іванавіч падпісаў мне так: «Сярожку Аляксандравічу з удзячнасцю, павагай і з пажаданнем – БЫЦЬ! Мы яшчэ “паваюема”!». Дата подпісу – 25.08.2011. Амаль 15 гадоў адмерыў Усявышні У. І. Куліковічу на «паваюема»...

Сёння ў праекцыі на асобу і навуковыя дасягненні Уладзіміра Іванавіча некалькіх-настальгічна гучаць наступныя словы вядомага хіта ўсіх часоў і народаў А. Пахмутавай і М. Дабранравава:

Как молоды мы были,
Как молоды мы были,
Как искренне любили,
Как верили в себя...¹

Магчыма, тэкст гэтага савецкага шлягера калісьці пераклаў Уладзімір Іванавіч і спяваў пад свой легендарны гармонік... Так і хочацца прамовіць: «Даставай, Уладзь, гармонік!»

¹Доброурава Н. Как молоды мы были // Нотный архив России : сайт. URL: <https://notarhiv.ru/ruskomp/pahmutova/stranizi/Kakmolodymybyli.html> (дата обращения: 08.06.2026).

Дарэчы, блізкія і сябры Уладзіміра Іванавіча ведаюць, што самай любімай яго песняй была «Даставай, Язэп, гармонік!» Л. Пранчака. Сёння некаторыя словы з гэтай песні ўспрымаюцца інакш:

Даставай, Язэп, гармонік!
Вечар сцэле туманы.
Заіграй, а мы – успомнім
Дні без тлуму і мань...²

Калі ісці за логікай тэксту вядомай песні, «першы тайм» Уладзімір Іванавіч адыграў яшчэ ў 2011 г. Выхадам манаграфіі, прысвечанай мовазнаўчаму ўнёску У. Дубоўкі, У. І. Куліковіч, па сутнасці, падвёў вынікі свайго кандыдацкага даследавання. Але ўжо на ўзроўні кандыдацкай дысертацыі, абароненай ім у 2001 г., назіраецца цікавасць Уладзіміра Іванавіча да праблем беларускай арфаграфіі. Чацвёртая глава манаграфіі цалкам прысвечана беларускай арфаграфіі. Так, у раздзеле 4.1 «Упарадкаванне тэрміналогіі» разглядаюцца падоўжаныя зычныя, згукі і іншыя пытанні. Раздзел 4.2 арыентаваны на праблемы ўдасканалення арфаграфічных норм: правапіс у, ў, прыстаўных галосных, прыстаўных зычных, падоўжаных зычных [1, с. 3, 89–118].

Увогуле знакавым з’яўляецца зварот лінгвіста з душой паэта да навуковай творчасці У. Дубоўкі – «геніяльнага мастака слова, чыя творчасць вызначаецца метафарычнасцю, удалай аўтарскай слова-творчасцю, нацыянальнай скіраванасцю» [1, с. 9]. У манаграфіі ва ўводзінах і ў главе 1 «Фарміраванне лінгвістычных поглядаў У. Дубоўкі» Уладзімір Іванавіч па сутнасці падае моўны зрэз перыяду (1920-я гг.), на які прыпадае беларусізацыя, калі нацыянальная інтэлігенцыя, у тым ліку і сам У. Дубоўка, «сваёй працай аспрэчыла досыць пашыранае тады меркаванне пра “беспersпектыўнасць” вывучэння беларускай мовы, літаратуры і культуры, прадэманстравала ўсяму свету вялікія здольнасці, прафесіяналізм, шчырае жаданне ўзняць на высокі ўзровень да гэтага прызнаваную не ўсімі нацыянальную мову беларусаў» [1, с. 7–8]. Толькі за адно дзесяцігоддзе, як піша У. І. Куліковіч, сфера ўжывання беларускай мовы ахапіла асвету, навуку, культуру, справядства. Якраз у 1920-я гг. адбывалася станаўленне лінгвістычнай думкі Беларусі, немалаважную ролю ў якой адыгралі не толькі прафесійныя моваведы, але і таленавітыя паэты, прэзідэнты і драматургі. Недаравальна, на думку Уладзіміра Іванавіча, не ўлічваць сёння погляды мастакоў слова, якія недастаткова даследаваны [1, с. 7–8].

У. І. Куліковіч знайшоў свайго паэта, у якім яму падабаецца ўсё, у тым ліку яго думкі адносна феномена мовы, яе паходжання, утварэння фанетычнай, графічнай і лексічнай сістэм беларускай мовы [1, с. 3, 17–88].

«Другі тайм» у выкананні Уладзіміра Іванавіча, на нашу думку, быў больш выніковы. Кола ўласна навуковых аспектаў, у рэчышчы якіх працаваў У. І. Куліковіч, было вельмі шырокім: нармалізацыя арфаграфічнай сістэмы беларускай літаратурнай мовы, культура беларускага маўлення, моўная кампетэнцыя школьнікаў і студэнтаў, выдавецкая справа (сучасная выдавецкая практыка, рэдакцыйна-выдавецкая падрыхтоўка выданняў), гісторыя кнігі і кнігадрукавання, інфармацыйная культура асобы ў свеце і Беларусі, сучасныя інфармацыйныя тэхналогіі пры вывучэнні беларускага правапісу і нават мангольскія пісьменнасць.

Яшчэ адна пачэсная місія даследчыка – папулярызацыя ведаў пра беларускую мову. У гэтай сферы Уладзімір Іванавіч быў прафесіяналам, які не меў сабе роўных. Апошні «лінгвістычны рынг» ён правёў у якасці старшыні журы абласнога этапу Рэспубліканскай алімпіяды па беларускай мове і літаратуры, якая адбылася 13–16 студзеня 2026 г. у Віцебску. Судзіў Уладзімір Іванавіч, як і заўсёды, з клопатам пра настаўніка і вучня! Такое было яго жыццёвае і творчае крэда.

Пры ўсёй шырыні інтарэсаў У. І. Куліковіч аддаваў прыярытэт любімай справе – даследаванню беларускага правапісу. Несумненна, багацце тэм і падыходаў, праз якія Уладзімір Іванавіч разглядаў «універсальнае» і «спецыфічнае» ў беларускай арфаграфіі, уражвае. У яго працах асвятляюцца як тэарэтычныя, так і практычныя праблемы беларускай арфаграфіі: арфаграфічныя нормы сучаснай беларускай літаратурнай мовы, арфаграфічныя тэрміны на старонках вучэбных дапаможнікаў для школы і ўстаноў вышэйшай адукацыі, актуальная правапісная сітуацыя ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, арфаграфічныя і іх тыпы ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, тыпалогія арфаграфічных памылак на старонках СМІ, прычыны арфаграфічных памылак у сучаснай беларускай літаратурнай мове, моўная асоба настаўніка (арфаграфічны аспект), матывацыя арфаграфічна граматычнага пісьма сярод школьнікаў і студэнтаў, архаічная арфаграфія ў першых беларускіх чытанках, падручніках і граматыках, архаічная арфаграфія сучаснай беларускай мастацкай літаратуры, прынцыпы распрацоўкі канцэпцыі вучэбнага дапаможніка для настаўнікаў «Дынаміка арфаграфічнай нормы сучаснай беларускай мовы», арфаграфічныя правілы

²Пранчак Л. Даставай, Язэп, гармонік // Кнігі онлайн. URL: <https://knihi-online.com/biblija-dla-kachanaj-leanid-prancak.html> (дата звароту: 08.06.2026).

і моўныя тэндэнцыі ў дачыненні да новай запазычанай лексікі, змены ў беларускім правапісе ў канцы XX ст. – пачатку XXI ст., графіка-арфаграфічныя інавацыі ў сучасным беларускім правапісе, актуальнасць стварэння арфаграфічнага слоўніка «Ужыванне і напісанне прыставак і часціц не (ня), ні (ані)».

На прыкладзе навуковага ўнёску Уладзіміра Іванавіча ў чарговы раз пераконваемся: доктарскія дысертацыі «выношваюцца», як доўгачаканае дзіця, досыць доўга, а не пішуцца, як сучасныя «скараспелкі», за тры – чатыры гады... Сёння абсалютна правільна ў нашай краіне ставяцца наступныя пытанні: навошта тая ці іншая праца напісана і якую праблему яна вырашыла ці вырашае? Усе без выключэння «арфаграфічныя» працы Уладзіміра Іванавіча вырашаюць надзённыя праблемы беларускага грамадства, таму што ўсе яны скіраваны на практыку школьнага і ўніверсітэцкага выкладання беларускай мовы, сучаснага кнігадрукавання, рэдагавання рэспубліканскіх і мясцовых СМІ. Так, сярод прыватных праблем, разгледжаных У. І. Куліковічам, назавём наступныя: рэдактар і арфаграфія, узор падручніка па беларускай арфаграфіі для рэдактараў, арфаграфічнае рэдагаванне тэксту, уплыў сучаснай арфаграфіі на арфаэпію дыктараў і карэспандэнтаў беларускага тэлебачання, праблемныя аспекты аўтаматычнага перакладу з рускай мовы на беларускую мову (рэдактарскі аспект). Парады рэдактару чырвонай ніткай праходзяць праз публікацыі Уладзіміра Іванавіча апошнія 15 гадоў. Адзначым істотныя вучэбна-метадычныя публікацыі аўтара: «Практыкум па беларускай арфаграфіі для рэдактараў» [2], электронныя вучэбна-метадычныя комплексы па вучэбных дысцыплінах «Рэдагаванне даведачнай літаратуры», «Гісторыя кнігі і кнігадрукавання», «Дынаміка нормаў сучаснай беларускай мовы».

Падрыхтоўка школьных настаўнікаў, выкладчыкаў устаноў вышэйшай адукацыі, кнігавыдаўцоў, рэдактараў, карэктараў, журналістаў, якія філігранна валодаюць абедзвюма дзяржаўнымі мовамі, – гэта найважнейшая задача, якую дазваляюць вырашаць тэарэтычныя і практыкаарыентаваныя працы вучонага.

Першая публікацыя У. І. Куліковіча па тэме доктарскай дысертацыі – вучэбны дапаможнік для настаўнікаў і вучняў «Беларускі правапіс: правілы, заданні, кантрольныя работы» – датуецца 1998 г. [3]. Першыя артыкулы для часопісаў, якія ўваходзяць у спіс Вышэйшай атэстацыйнай камісіі, – 2003 г. [4–8]. Усяго па тэме доктарскай дысертацыі Уладзімірам Іванавічам напісаны больш за 80 прац, сярод якіх 27 публікацый для часопісаў, што ўваходзяць у спіс Вышэйшай атэстацыйнай камісіі, 14 вучэбных дапаможнікаў, 5 слоўнікаў, 3 электронныя вучэбна-метадычныя комплексы і інш. У раздзеле «Бібліяграфічныя спасылкі» прыводзім апошнія артыкулы даследчыка, датаваныя 2026 г. [9–11]. Такая публікацыйная актыўнасць сведчыць пра плённую работу даследчыка з фактычным матэрыялам.

На другое паўгоддзе другога года навучання ў дактарантуры У. І. Куліковіч запланаваў падрыхтоўку двох манаграфій («Арфаграфічная рэпрэзентацыя націску ў беларускай мове: нормы, правілы, тэндэнцыі» і «Трансфармацыя правіл беларускай арфаграфіі ў XX–XXI стст.: гісторыка-лінгвістычны аналіз»), а таксама стварэнне тэрміналагічнага слоўніка «Беларускае пісьмо: паняцці і тлумачэнні». Апрабіраваць вынікі даследавання ён збіраўся на пяці навуковых канферэнцыях. Акрамя вышэйпералічанага, былі прадугледжаны падрыхтоўка дакументацыі для гранта, збор і сістэматызацыя фактычнага матэрыялу, арганізацыя семінараў для настаўнікаў у інстытутах павышэння кваліфікацыі. У дачыненні апошняга віду дзейнасці дактаранта заўважым, што Уладзімір Іванавіч не мог абысціся без «сцэны»... Для яго своеасаблівай прышчэпчай натхнення былі прадметныя алімпіяды і семінары для настаўнікаў, на якіх ён атрымліваў задавальненне ад камунікацыі са школьнікамі і настаўнікамі. Праца з аўдыторыяй была стыхіяй, якая давала У. І. Куліковічу і моц, і натхненне, і ідэі для новых подзвігаў.

Як бачым, доўгія 28 гадоў Уладзімір Іванавіч падступаўся да доктарскай дысертацыі, хоць і лічыўся галоўным спецыялістам па арфаграфіі сучаснай беларускай літаратурнай мовы. І, я ўпэнены, у свой час адбылася б яе паспяховая абарона, калі б не праблемы са здароўем... Вечная памяць!

Апошняя «мемарыяльная» камунікема пераводзіць бег нашых думак у катэгорыю «быў». А працы У. І. Куліковіча сведчаць пра тое, што ён ёсць і будзе, прычым столькі, колькі мы будзем памятаць яго і колькі будуць запатрабаванымі ў навуковым дыскурсе яго працы. Усё, што мог, ён ужо зрабіў. Астатняе залежыць зараз толькі ад нас і новых пакаленняў апантаных філолагаў-беларусістаў, неабыхавых да лёсу роднай мовы. І хочацца, каб нехта з іх – з беларусазнаўцаў новага пакалення – стварыў новы слоўнік або напісаў новую манаграфію па тэарэтычных і практычных праблемах беларускай мовы, як гэта некалі зрабіў таленавіты хлопчык з Ашмян, а зараз – без пяці хвілін доктар навук Уладзімір Іванавіч Куліковіч. Шкада, што доктарскія ступені не прысвойваюцца пасмяротна...

Развітацца не паспелі,
Развітацца не змаглі,
Не казалі, што хацелі,
Што на потым бераглі...³

³Пранчак Л. Даставай, Язэп, гармонік...

Заклучэнне

Як казаў класік, вялікае бачыцца на адлегласці. Але ўжо зараз бачна, што мы згубілі адмысловага чалавека і таленавітага вучонага, які, не шкадуючы сябе, аддаў працаваў на ніве беларускай арфаграфіі. Праблема ў тым, што на сёння пакуль не бачна таго, хто падхапіў бы сцяг... Уладзімір Куліковіч быў апошні... з арфаграфістаў...

Не забыць нам любимые лица,
Не забыць нам родные глаза.
Ничто на земле не проходит бесследно,
И юность ушедшая все же бессмертна...⁴

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Куліковіч УІ. *Тэарэтычныя і практычныя праблемы беларускай мовы ў працах У. Дубоўкі*. Мінск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; 2011. 165 с.
2. Куліковіч УІ. *Практыкум па беларускай арфаграфіі для рэдактараў*. Мінск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; 2021. 292 с.
3. Куліковіч УІ. *Беларускі правапіс: правілы, заданні, кантрольныя работы*. Мінск: Завігар; 1998. 280 с.
4. Куліковіч УІ. Тавары для дома ці тавары для дому? *Роднае слова*. 2003;2:32–34.
5. Куліковіч УІ. Правапіс мяккага знака і апострафа. *Роднае слова*. 2003;2:57–60.
6. Куліковіч УІ. Канчаткі назоўнікаў у родным склоне: -а (-я) ці -у (-ю). *Роднае слова*. 2003;3:45–49.
7. Куліковіч УІ. Ужыванне вялікіх літар: найменні асобаў. *Роднае слова*. 2003;4:69–72.
8. Куліковіч УІ. Ужыванне вялікіх літар: прыметнікі і прыслоўі, утвораныя ад уласных назоўнікаў. *Роднае слова*. 2003;5:68–69.
9. Куліковіч УІ. Сучасныя правілы беларускай арфаграфіі як адзін з аспектаў характарыстыкі моўнай асобы настаўніка. *Роднае слова*. 2026;1:42–44.
10. Куліковіч УІ. Сучасная правапісная сітуацыя ў беларускай мове: на матэрыяле энцыклапедычных выданняў для школьнікаў. *Роднае слова*. 2026;2:50–53.
11. Куликович В.И., Мунхцэцэг Э. Белорусская и монгольская письменность: универсальные закономерности и специфические черты. *Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии*. 2026;1:47–53.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 11.06.2026.
Received by editorial board 11.06.2026.

⁴Добронравов Н. Как молоды мы были...

ТИПОЛОГИЯ РУССКО-БЕЛОРУССКОЙ
ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИВ. И. КУЛИКОВИЧ¹⁾¹⁾Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется явление отклонения от норм белорусского правописания под влиянием русского языка в условиях несбалансированного билингвизма в Беларуси (русско-белорусская интерференция). Разрабатывается типология проявления русско-белорусской орфографической интерференции на основе анализа письменных текстов разных жанров и сфер употребления, описываются характерные типы ошибок и вариантных написаний как потенциальных маркеров сложности текста, а также выявляются механизмы их возникновения и влияния на текст. В ходе исследования выделяются основные типы орфографической интерференции: интерференция, обусловленная различиями в алфавитах и статусе отдельных букв, интерференция прописных и строчных букв, фонетико-орфографическая интерференция, гиперкоррекция, морфонологически обусловленная интерференция. Показывается, что орфографическая интерференция формирует устойчивые интерферентные модели правописания и произношения, приводит к смешению орфографических систем и появлению гибридных форм, влияет на интерпретацию текстов, беглость чтения и закрепление навыков письма. Практическая значимость исследования заключается в возможности уточнить и дополнить отдельные орфографические правила, усовершенствовать методики преподавания белорусского и русского языков в Беларуси, улучшить компьютерные программы по генерации текстов на белорусском языке и системы перевода и проверки правописания, повысить качество редакционно-издательской подготовки изданий.

Ключевые слова: несбалансированное двуязычие; орфографическая интерференция; орфографические ошибки; когнитивная нагрузка; орфографическая модель; языковая идентичность; компьютерная генерация текста.

ТЫПАЛОГІЯ РУСКА-БЕЛАРУСКАЙ
АРФАГРАФІЧНАЙ ІНТЭРФЕРЭНЦЫІУ. І. КУЛІКОВІЧ^{1*)}^{1*)}Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт, вул. Сьвярдлова, 13а, 220006, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Даследуецца з'ява адхілення ад норм беларускага правапісу пад уплывам рускай мовы ва ўмовах незбалансаванага бінгвізму ў Беларусі (руска-беларуская інтэрферэнцыя). Распрацоўваецца тыпалогія праяўлення руска-беларускай арфаграфічнай інтэрферэнцыі на аснове аналізу пісьмовых тэкстаў розных жанраў і сфер ужывання, апісваюцца характэрныя тыпы памылак і варыянтных напісанняў як патэнцыйных маркераў складанасці тэксту, а таксама выяўляюцца механізмы іх узнікнення і ўплыву на тэкст. Вылучаюцца асноўныя тыпы арфаграфічнай інтэрферэнцыі: інтэрферэнцыя, абумоўленая адрозненнямі ў алфавітах і статусе асобных літар, інтэрферэнцыя вялікіх і малых літар, фанетыка-арфаграфічная інтэрферэнцыя, гіперкарэкцыя, марфаналагічна абумоўленая

Образец цитирования:

[Куликович В.И.]. Типология русско-белорусской орфографической интерференции. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;2:85–94.
EDN: TUPPJP

For citation:

[Kulikovich U.I.]. Typology of Russian-Belarusian orthographic interference. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;2:85–94. Russian.
EDN: TUPPJP

Автор:

[Владимир Иванович Куликович] – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры редакционно-издательских технологий факультета принттехнологий и медиакommunikаций.

Author:

[Uladzimir I. Kulikovich], PhD (philology), docent; associate professor at the department of editorial and publishing technologies, faculty of print technology and media communication.
nino1924kul@gmail.com

інтэрферэнцыя. Паказваецца, што арфаграфічная інтэрферэнцыя фарміруе ўстойлівыя інтэрферэнтныя мадэлі правапісу і вымаўлення, прыводзіць да змешвання арфаграфічных сістэм і з'яўлення гібрыдных форм, уплывае на інтэрпрэтацыю тэкстаў, бегласць чытання і замацаванне навыкаў пісьма. Практычная значнасць даследавання заключаецца ў магчымасці ўдакладніць і дапоўніць асобныя арфаграфічныя правілы, удасканаліць методыкі выкладання беларускай і рускай моў у Беларусі, палепшыць камп'ютарныя праграмы па генерацыі беларускамоўных тэкстаў, сістэмы перакладу і праверкі правапісу, павысіць якасць рэдакцыйна-выдавецкай падрыхтоўкі выданняў.

Ключавыя словы: незбалансаванае двухмоўе; арфаграфічная інтэрферэнцыя; арфаграфічныя памылкі; кагнітыўная нагрузка; арфаграфічная мадэль; моўная ідэнтычнасць; камп'ютарная генерацыя тэксту.

TYPOLOGY OF RUSSIAN-BELARUSIAN ORTHOGRAPHIC INTERFERENCE

U. I. KULIKOVICH^a

^aBelarusian State Technological University, 13a Sviardlova Street, Minsk 220006, Belarus

Abstract. This paper examines Russian-Belarusian interference that is a phenomenon of deviations from Belarusian spelling norms under the influence of the Russian language in the context of unbalanced bilingualism in Belarus. The aim of the study is to develop a typology of manifestations of Russian-Belarusian orthographic interference based on the analysis of written texts of different genres and areas of use, to describe characteristic types of errors and variant spellings as potential markers of text complexity, and to identify the mechanisms by which they arise and influence on the complexity of the text. The study identified main types of orthographic interference: interference due to differences in alphabets and the status of individual letters, interference between uppercase and lowercase letters, phonetic-orthographic interference, hypercorrection, morphophonologically determined interference. The results show that orthographic interference forms stable interference patterns of spelling and pronunciation, leads to the mixing of orthographic systems and the emergence of hybrid forms, and impacts text comprehension, reading fluency, and the consolidation of writing skills. The practical significance of the study lies in the opportunity to clarify and supplement individual spelling rules, improve methods of teaching Belarusian and Russian in Belarus, enhance computer programmes for generating Belarusian-language texts, translation and spell checking systems, and improve the quality of editorial and publishing preparation of publications.

Keywords: unbalanced bilingualism; orthographic interference; orthographic errors; cognitive load; orthographic model; linguistic identity; computer-generated text.

Введение

В теории языковых контактов [1] понятие интерференции как определенной неудачи при переключении одной языковой системы на правила другой занимает одно из центральных мест и сводится к трем основным формам: 1) приписыванию характеристик элементов первого языка второму; 2) игнорированию характеристик второго языка под воздействием первого; 3) перераспределению языковых единиц и их свойств в речи на втором языке под влиянием первого [2, с. 103–108]. При этом исследователи (У. Вайнрайх, Э. Хауген, В. И. Беликов, М. И. Конюшкевич, Л. П. Крысин, В. А. Маслова, И. С. Ровдо и др.) обращают внимание на то, что разнообразные отношения между единицами языковой системы могут вызывать парадигматическую и синтагматическую интерференцию, а в современном языковом контакте следует различать два вида взаимодействия: интерференцию отрицательную как отклонение от нормы в речи билингва (явление, от которого следует избавляться) [3] и трансференцию, в результате которой «при совпадении норм контактирующих языков в действие вступают универсальные и общетипологические свойства языков, не оказывающие отрицательного влияния на речь билингва» [4, с. 185].

Лингвистические подходы к выделению видов интерференции неоднородны [5; 6]. В большинстве учебных пособий по белорусскому языку для учреждений высшего образования выделяются фонетическая, акцентологическая, лексическая, морфологическая, словообразовательная и синтаксическая интерференции. Орфографическая интерференция либо не называется, либо представляется в виде перечисления основных орфографических отличий белорусского языка от русского [7, с. 120–121]. В русскоязычном научно-методическом дискурсе [8; 9] выделение орфографической интерференции предусмотрено. По мнению ученых, этот вид взаимовлияния двух языков возникает на уровне фонетики

и орфографии по причине «разницы в соотношении буквы со звуком в орфографии» [10, с. 154] и отражает не только лингвистические, но и социокультурные процессы [11].

В современной Беларуси языковая ситуация может быть охарактеризована понятием «несбалансированный билингвизм» [12; 13], в контексте которого выбор русского языка в качестве основного средства коммуникации определяется термином «утилитарный», а выбор белорусского языка – термином «символический» [14]. В связи с этим обстоятельством исследование интерференции как лингвистической категории и социального явления в письменной речи носителей белорусского и русского языков представляет особый научный интерес и в последние десятилетия привлекает внимание методистов, языковедов, журналистов [15–23].

Однако в указанных и во многих других тематически близких работах исследователи обращают внимание, как правило, на лексико-семантическую, грамматическую и изредка синтаксическую интерференции. Аспекты орфографической интерференции представлены фрагментарно в виде отдельных слов-примеров без определенной типологической характеристики как факт сложного процесса жизни языка в состоянии единства и борьбы между современным белорусским правописанием и языковой практикой [24].

Непосредственный интерес к изучению взаимовлияния и сопоставлению орфографических систем белорусского и русского языков возник сравнительно недавно, поэтому количество работ, посвященных данному направлению, невелико. Примерами могут служить отдельные статьи о русской графике и орфографии в контексте государственного двуязычия [25; 26], а также публикации, в которых определяются параметры и специфика теории орфографии в учебной литературе по русскому языку в Беларуси [27], устанавливается влияние русского литературного языка на орфографию первых белорусских газет начала XX в. [28], создается корпус отступлений от орфоэпических и орфографических норм под воздействием белорусско-русской фонетической и акцентологической интерференций [29; 30].

Актуальность темы русско-белорусской орфографической интерференции (использование элементов русского языка при написании слов на белорусском языке) в контексте близкородственных языков обусловлена рядом факторов. Первым фактором является исключительная роль письменной формы белорусского языка [31] и параметров, определяющих сложность текста. По данным Национальной книжной палаты Республики Беларусь, ежегодно в стране доля книг и брошюр, издаваемых на белорусском языке, составляет 13–15 % от общего числа изданий. Предпочтение телевизионному контенту на белорусском языке, по словам министра информации Республики Беларусь, отдает незначительная часть населения (около 1 %)¹. Вторым фактором выступает значимость письма и алфавита для белорусов в прошлом [32] и в современности, когда буквы (например, *й*) не только воспринимаются как «опознавательные знаки», но и наравне с зубром, аистом, васильком являются символами национальной идентичности [33]. Третий фактор – ослабление конфронтации между двумя вариантами белорусского языка («наркомовкой» и «тарашкевицей» [34]), использование которых определяет иной раз тональность, понимание, интерпретацию текстов, принадлежность их к определенному информационному полю [22], престижность литературного языка, «поддержание его стабильности и верификации новаций, которые в любом социуме неизбежны» [35, с. 105]. Четвертым фактором выступает следующее обстоятельство: фактический материал исследования можно использовать для уточнения отдельных орфографических предписаний, что будет способствовать созданию объективной орфографической модели белорусского языка. Пятым фактором является то, что типологизация русско-белорусской орфографической интерференции поднимет на новый уровень методологию преподавания белорусского и русского языков в Беларуси и поможет понять сложные механизмы переключения языковых кодов, являющиеся причинами возникновения разнообразных орфографических ошибок. Шестым фактором выступает использование массива слов, в которых часто встречаются ошибки, обусловленные орфографической интерференцией. Оно послужит источником совершенствования компьютерных программ, электронных механизмов для генерации белорусскоязычных текстов, систем перевода, проверки правописания.

Целью исследования является разработка типологии проявлений русско-белорусской орфографической интерференции на основе анализа письменных текстов разных жанров и сфер их употребления, а также описание характерных типов ошибок и вариантных написаний как потенциальных маркеров сложности текста и выявление механизмов их возникновения и влияния на текст.

С учетом цели, методов и практической направленности исследования задача построить частотные модели орфографических ошибок не ставилась. Это обстоятельство обусловлено также разнородностью исследуемого материала, которая затрудняет корректный количественный подсчет (частота ошибок

¹Як стымуляваць цікавасць і ці з'яўяцца новыя беларускамоўныя праграмы на тэлебачанні, расказаў Маркаў // БелТА. URL: <https://blr.belta.by/society/view/jak-stymuljavats-tsikavasts-i-tsi-zjavjatstva-novyja-belaruskamounyja-pragramy-na-telebachanni-154966-2026/> (дата звароту: 24.02.2026).

в студенческих и школьных работах заведомо выше, чем в подготовленных электронных и печатных публикациях). На наш взгляд, количественные данные не добавляют принципиально новой информации для понимания явления.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили 220 текстов-отзывов на художественное произведение учеников 9–11 классов, принимавших участие в олимпиадах по белорусскому языку и литературе в 2023–2026 гг., 140 рефератов, созданных студентами специальности «Издательское дело» Белорусского государственного технологического университета в 2024–2025 гг., около 50 материалов на белорусском языке, представленных на 10 сайтах учебных заведений и районных газет, в 10 печатных научных, научно-популярных, справочных изданиях.

Основными методами исследования стали эвристический и описательный. Кроме того, применялись методы обобщения, анализа, синтеза, параметризации и сравнения с использованием приемов логико-лингвистического и лексико-семантического анализа.

Объектом исследования является русско-белорусская орфографическая интерференция как процесс взаимодействия двух близкородственных языковых систем в письменной сфере, приводящий к отклонениям от кодифицированных орфографических правил в письменной речи билингов, использующих белорусский язык. Предметом исследования выступают конкретные типы и формы орфографических ошибок и вариантов написаний, их классификация и описание с учетом источника интерференции, уровня языковой системы, степени устойчивости, сферы распространения.

Результаты и их обсуждение

Явление русско-белорусской орфографической интерференции сопровождает развитие системы норм современного белорусского языка с XIX в., когда белорусские авторы и книгоиздатели постепенно переходили на кириллицу [36]. Среди графико-правописных закономерностей русского языка в текстах того времени были не только отрицательные [28; 37; 38], но и положительные проявления: графико-орфографическая вариантность стимулировала поиск собственных способов фиксации звукового строя белорусской речи. Уже в первых учебных изданиях того времени наметилась активная индивидуальная работа по преодолению сложностей текста путем конструирования оригинальной графико-орфографической системы: предлагалось отказаться от букв с диакритическими знаками в виде точек (*i*, *ě*), а на письме звук [и] передавать в соответствии с произношением сочетанием букв *йи* в начале слова под ударением (*йим*, *йими*), буквой *и* в остальных позициях (*ишли*, *идйом*), а вместо буквы *ě* всюду использовать сочетание *йо* (*йосць*, *ййон*, *маййо*) [39].

Явление русско-белорусской орфографической интерференции не исчезло и в XXI в. С учетом уровней языковой системы (графика, орфография, словообразование и морфемика), степени устойчивости отдельных ошибок (разовые, узуальные), их сферы распространения (индивидуальные, массовые) предлагается выделять следующие типы русско-белорусской интерференции, соотносимые с понятиями «сложность текста» и «модель орфографической системы».

Интерференция, обусловленная различиями в алфавитах и статусе отдельных букв. Ее возникновение связано в первую очередь с переносом графических особенностей русского языка в тексты, созданные на белорусском языке. Данный тип интерференции проявляется в замене буквы *i* буквой *и* (*дранікі*, *маршрутнае такси* (вывески в Минске), «*Хатник*» (название магазина строительных материалов)), сочетания букв *ич* буквой *щ* (*пацясціла пабываць, небывалая щодрасць, учацэнне пульсу, здаровы щупак*, вул. *Щорса*), апострофа буквой *ъ* (*мал. 86 «Каралеўская карта» Пьера Дэсалье²* (Казлоў, 2021, с. 52)), обязательной для белорусского языка буквы *ё* буквой *е* (*Магілева, гэта было зроблена ёю, які есць, грамадска-гандлевы центр «Сталіца», касцёл св. Сымона і Алены, дзейнасць Мялеція Сматрыцкага на працягу прыблізна трэці стагоддзя вызначалася шматграннасцю, універсальнасцю, усеахопнасцю...* (Дубянецкі, с. 45)), графемы *ў*, которая является особенностью белорусской графической системы [40], графемой *у* в позиции после гласных (*Фауст, клоун, Успенская царква (1887), пабудаваная у рэтраспектыўна-рускім стылі*) или графемой *в* (*Леанідавна, Алегавна, Владзіміравна, Февронія, на сустрэчы з паэтам Анатоліем Авруціным*).

К этому же типу относятся забавные транслитерированные варианты (*Будаўніков*) [41, с. 80] и случаи, которые стали нормой орфографической модели белорусского языка, невзирая на возражения со стороны белорусских лингвистов (имеются в виду слова типа *Амвросій, Амвросавіч, нерв, рэзерв, білінгв, інтэрв'ю, В'етнам, Врангель, Влтава*) [42].

²На следующей странице этого же издания есть правильное написание: *П'ера Дэсалье* (Казлоў, с. 53).

Интерференция прописных и строчных букв. Данная интерференция может возникать в результате несовпадения национального реестра географических, административно-территориальных названий, названий исторических эпох и событий, календарных периодов и праздников, общественных мероприятий, органов власти, учреждений, организаций. К числу таких примеров относятся написание строчными буквами аббревиатуры *вну* (вышэйшая навучальная ўстанова) по аналогии с аббревиатурой *вуз*, написание со строчной буквы слова *княства* в названии государства *Вялікае княства Літоўскае*, считавшееся нормативным до 2008 г. (...у часы Вялікага княства Літоўскага, як адзначалася вышэй, на тэрыторыі Беларусі было беларуска-стараславянскае двухмоўе) [7, с. 104]. Именно такое написание фиксируется на персональных сайтах отдельных историков и национальном правовом интернет-портале. Сегодня в соответствии с правилами белорусской орфографии и пунктуации все слова в названии принято писать с большой буквы: *Вялікае Княства Літоўскае*.

Фонетико-орфографическая интерференция. Этот тип интерференции является самым распространенным. В данном случае интерференция возникает в результате переноса фонетических особенностей русского языка в орфографическую систему белорусского языка. Основные случаи ее проявления следующие:

1) написание графемы *ж* вместо диграфа *дж*. Как известно, в русском языке нет аффрикаты [дж]. Традиционно слова с такими звуками записываются на русском языке с буквой *ж* или сочетанием букв *дж* при раздельном произношении соответствующих звуков: *имидж*, *гаджет*, *дрожжи*. В белорусском языке звук [дж] произносится слитно, не разделяясь на отдельные звуки. Под воздействием русского языка белорусская закономерность не всегда сохраняется, что приводит к вариантности в следующих случаях:

- при заимствовании из английского языка (*cringe* – *крынж*, *крынжовы* (Слоўнік, с. 74), *lounge* – *лаўнж*, *лаўнж-зона*, *лаўнж-музыка* (Слоўнік, с. 79), *sponge* – *спонж* (Слоўнік, с. 130), но *grunge* – *грандж* (Слоўнік, с. 43));

- употребление в белорусской лексике вместо нормативных форм *мядзведжы*, *прыязджаць*, *уджаліла*, *ураджай* форм *мядзвезжы*, *прыязжаць*, *ужаліла*, *уражай*. В издательской практике литературные формы *адпуджваць*, *адпуджваючы* часто воспроизводятся в графическом оформлении без диграфа *дж*. Такие написания в лексикографических источниках подаются с пометой «разг.»: *А цыбуля, у сваю чаргу, адпужвае маркоўную муху* (Родны край); *...адпужваючы звяркоў*; *...адпужвае кратоў* (Родны край);

2) использование букв *д*, *т* вместо *дз*, *ц* в определенных позициях, т. е. игнорирование фонетических законов «дзеканья», «цеканья», согласно которым перед гласными *i*, *e*, *ё*, *ю*, *я* и мягким звуком [в'] дентальные звуки [д'], [т'] произносятся соответственно как [дз'] и [ц'] и на письме должны передаваться сочетанием букв *дз* и буквой *ц* соответственно. Случаи отступления от норм достаточно часто встречаются в письменной речи учащихся, учебных и научно-популярных изданиях, справочной литературе (*маті*, *Демчанка*, *Двіна*, *дверы*, *твёрды*, *теарэма*, *термінал*, *ятвягі*, *у гарадку Сэн-Дьё*, *непадалёк ад Страсбурга* (Казлоў, с. 46));

3) несоблюдение фонетических законов в заимствованной лексике под воздействием русскоязычной традиции, в отдельных случаях совпадающей с правилами архаической орфографии белорусского языка. Данное несоблюдение приводит к следующим нарушениям языковой нормы:

- написанию буквы *е* после букв *д*, *т* и губного звука [м]: *теарэма*, *термінал*; *ваенна-картаграфічнага депо...* (Казлоў, с. 101), *демаркацыйнай мяжы* (Казлоў, с. 44);

- написанию буквы *о* в конце слова после гласных: *Галілео*, *Токіо*, *Ватэрлоо*, *Барнео*, *Мао*, *трыо*;

- написанию вместо одной буквы, как этого требуют орфографические правила белорусского языка (Правілы; Куліковіч, с. 213), двух (*піцца*, *эфект*, *місія*, *кросс*, *крассворд*, *Рассія*, *Радзівіл*);

- написанию сочетаний *ia*, *ea*, *ie*, *ia*, *ia* вместо сочетаний и букв *я*, *е*, *я*: *амаль сем гадоў Аніан-малодшы патраціў на стварэнне хараграфічнай (тапаграфічнай) карты Баварыі* (Казлоў, с. 57); *так з'явіўся падзел Акеаніі на Палінезію, Меланезію і Мікранезію* (Казлоў, с. 125); *Тобіас, Юліан, Эліас* (Казлоў, с. 135); *звернем увагу на працу Юліана Андрэевіча Кулакоўскага; Ніос* (Казлоў, с. 23–24); *яшчэ адным знакамітым ураджэнцам Готы быў Іосіф Мейер; папулярныя мейераўскія атласы* (Казлоў, с. 119); *міжнародны кірмаш у Майамі* (Казлоў, с. 124);

- написанию буквы *т* перед графемой *в*, обозначающей мягкий звук [в'], что приводит к фиксации новой произносительной нормы в словарях и уточнению орфографического кодекса белорусского языка, куда, кроме слова *твіст* (Правілы, п. 2 параграфа 12), следует внести исключения *твітар*, *рэтвіт*, *твіт* (Слоўнік);

4) использование для передачи долгих согласных в текстах, написанных на белорусском языке, сочетаний *согласный + ь*: *гразью*, *калосье*, *молю*, *разводзье*, *Наталья*, *Тацяна*;

5) отсутствие приставных (вставных) букв: *уліца Ілі́мская, Веласі́педы заўлак*;

6) отсутствие буквы *ь*: написание *песен, вішан* вместо нормативных вариантов *песень, вішань* або *вішняў*.

Гиперкоррекция. Этот тип интерференции подразумевает применение орфографических правил русского языка к белорусским словоформам и словосочетаниям, при котором игнорируются белорусские фонетические и орфографические особенности. Правила русской орфографии и визуальное восприятие словоформ преобладают в следующих случаях:

1) замена букв *а, ы*, буквами *о, э*, связанная с игнорированием произношения и закона «аканья», согласно которому не под ударением в белорусском языке звуки [о] (всегда), [э] (в славянской лексике) произносятся как звук [а] и, соответственно, передаются на письме буквой *а*. Очень часто вместо нормативных форм *фінансавы, прадавец, гарналыжны, вул. Чырваназорная, бухгалтар, сажань* школьники и студенты используют формы *фінансовы, продавец, горналыжны, вул. Чырвоназорная, бухгалтэр, сажэнь*. Последнее слово является также примером морфологической интерференции, поскольку согласно норме белорусского языка оно относится к существительным мужского рода (в русском языке это существительное относится к женскому роду): *вё́рстамер – кола, абарот якога складаў адну сажэнь...* (Казлоў, с. 107). Встречаются ошибочные написания и в прошедших редакторскую подготовку изданиях: *характэры́зуюць* (Паўловіч, с. 14), *інтэрэ́саў* (Паўловіч, с. 37), *канцэ́лярыі* (Паўловіч, с. 28);

2) использование буквы *е* вместо буквы *я* в первом слоге перед ударением, в том числе и в глагольных формах, где написание зависит от акцентуации: *асетры́на, Александрэ́віч, Алексе́еўна, Валенці́на, лебеда, насекомых* [24, с. 269], *землезна́ўства, недзі́ўна* (Казлоў, с. 9–10), *негледзячы на аўтарскі подпіс* (Паўловіч, с. 43);

3) использование апострофа там, где его быть не должно: *Іл'я, Анато́ль 'евіч*. Парадокс заключается в том, что написание *Іл'я* было зафиксировано нами в паспорте одного из студентов;

4) выбор вариантов с нижеперечисленными сочетаниями согласных:

• *дт* на конце слов иностранного происхождения вместо одной буквы *т*: *Якаў Фё́даравіч Шмі́дт* (Казлоў, с. 106), *матэ́рыялы Гумба́льда* (Казлоў, с. 114, 117), *раман Артура Сандста́дта «Вальдэ́с, прапаве́днік ера́сі»* (Валодзі́на, с. 17);

• *здн* вместо *зн*: *поздні падв́ячорак*;

• *стн* вместо *сн*: *скарэ́стная электры́чка, постная е́жа*.

Морфонологически обусловленная интерференция. Интерференция этого типа возникает из-за автоматического переноса морфонологических словообразовательных моделей русского языка в белорусский, что проявляется в написании двух букв *с* вместо одной при образовании прилагательных, когда мотивирующая основа заканчивается на букву *с* (*белару́сская мо́ва, Чаву́скі раён, пале́сскія лясы*), и сочетаний *тс, чс* вместо *ц* при образовании прилагательных, мотивирующая основа которых заканчивается буквами *т, ч*, а суффикс начинается с согласной буквы *с* (*гігантска́й разнаста́йнасцю* [24, с. 269], *зрабі́ць Грынві́цкі ме́рыдыян, Грынві́цкі ну́лявы ме́рыдыян, Грынві́цкую абсерва́торыю* (Казлоў, с. 46), *падча́с франкфу́ртскага кні́жнага кі́рмашу 1554 г.* (Казлоў, с. 64), *Мохачская бі́тва 1526 года* (Суша, с. 93), *не любі́ў панібра́тва* (Белару́ская э́піграма, с. 90)).

Отдельного рассмотрения требуют тексты, автоматически переведенные с русского языка на белорусский. Как засвидетельствовал выборочный анализ таких материалов, в переводных аналогах встречаются все виды орфографической, лексической, грамматической интерференции (особенно при написании терминов и личных имен).

Интерференция, обусловленная различиями графических систем русского и белорусского языков, встречается чаще всего в письменных работах школьников и студентов. Причинами ее возникновения являются схожесть большинства букв и автоматический перенос их в белорусскоязычный текст без строгого разграничения, более частое использование русской графики по причине доминирования русского языка в коммуникационном пространстве Беларуси, недостаточно хорошее знание норм белорусского языка, влияние смешанной речи (трасянки), которая воспринимается как часть гибридного кода современной языковой ситуации. Дополнительными причинами чаще всего выступают использование «русской» раскладки клавиатуры, на которой нет знаков для белорусских графем, издание произведений в авторской редакции, невнимательность и торопливость корректора или редактора, вызванные необходимостью соблюдения сжатых сроков подготовки произведения к тиражированию.

Как правило, такая интерференция в первую очередь влияет на успеваемость школьников и оценку их письменных работ. Графические аномалии в печатных или электронных изданиях вынуждают читателя увеличивать время на чтение и обдумывание неправильно написанных слов, что, несомненно, отвлекает от содержания текста. Игнорирование буквы *ё* в отдельных конструкциях может изменять значение слов и влиять на понимание текста. Например, *ста́рая е́лка – свя́точная ё́лка, у ма́ім ле́се – у ма́ім ле́се*.

Интерференция, касающаяся регистра букв (капитализация) – явление немногочисленное. Оно возникает не столько из-за различий в правилах употребления прописных и строчных букв между белорусским и русским языками, сколько из-за несовпадения национальных традиций в передаче на письме отдельных названий. Такая интерференция не влияет в целом на понимание произведения, она вызывает не всегда положительное впечатление от текста и определенное недоверие к автору и издательской организации, которые выводят на первый план не белорусский, а русский код национальной культуры.

Фонетико-орфографическая интерференция представляет собой самый многочисленный тип с широким диапазоном отклонений от нормы. Она способствует увеличению корпуса вариантных написаний (*Майамі – Маямі*), разрушает языковую идентичность на орфографическом уровне (*дзмі – дзеці*), влияет на сложность текста, в котором используется большое количество иноязычной ономастической лексики, и на формирование языковой компетенции учащихся.

Механизмы проявления данной интерференции разнообразны: визуальные факторы, фонетическая близость звуков, разные традиции произношения, незнание или неправильное применение правила, невнимательность и недостаточная практика, языковой консерватизм и применение правил транслитерации русского языка в белорусском языке. Так, восприятие на слух и воспроизведение звуков [дз'], [ц'] как обычных [д], [т], особенно говорящими, которые забыли или не полностью освоили белорусские фонетические нормы, приводит к тому, что человек передает на письме то, что слышит или желает слышать, а не то, что должно быть написано согласно правилам. К этой же категории можно отнести написание слов, в которых имеются похожие по звучанию звуки (*пулявая стральба* вместо *кулявая*); лексем, предполагающих использование букв для фиксации на письме специфических особенностей белорусского языка (длинные согласные, которые развились перед окончанием в положении между гласными (Кривицкий, Подлужный, с. 49), твердые *д, т*, сочетания гласных в заимствованиях и др.); форм, в которых действуют звуковые законы русского языка, приводящие к неправильной сегментации, в результате чего пишущие на белорусском языке добавляют лишние элементы (*цывілізацыя мая*).

«Гиперкорректные» формы возникают, во-первых, из-за существования разных традиций произношения звуков в неударных позициях, во-вторых, из-за наличия аналогичных написаний в русском языке, в котором морфологический принцип, кажущийся более логичным, предусматривает сохранение единообразия морфем. Таким образом, происходит формирование новой орфографической традиции, поскольку пишущий на белорусском языке не доверяет своему произношению, а использует принципы, являющиеся, на его взгляд, более оправданными логически.

Возникновение ряда орфографических ошибок трудно объяснить. Одни из них являются гибридными, не соответствующими нормам ни русского, ни белорусского языков, их допускают, вероятно, из-за нарушения логики в понимании правила (*Іл'я*). Кроме того, в текстах правил имеется ряд следующих недочетов:

- отсутствие четких формулировок (*У асобных словах адбылося спрашчэнне груп зычных...* (Правілы, с. 17)) и примеров в учебной и справочной литературе «отдельных слов», в которых не произошло упрощение групп согласных. К таким единицам относятся, например, слова *пратэстны* ‘які мае на мэце выказаць пратэст, змяшчае ў сабе пратэст’ (Каўрус, с. 211), *жарстлівы* ‘палкі, пачуццёвы; страсны’ (Каўрус, с. 66), *пырсклівы* ‘які раскідае пырскі’ (Каўрус, с. 222);

- сохранение разработчиками Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 420-З «О правилах белорусской орфографии и пунктуации» дискуссионного фонетически традиционного орфографического правила [43, с. 30], согласно которому «спалучэнне зычных *дт* на канцы слоў іншамойнага паходжання перадаецца праз *т*: *Гумбальт, Кранштат, Брант, Рэмбрант, Шміт, Клот, фарштат* (Правілы, параграф 13, п. 3).

Ошибки, признанные гиперкоррекцией, влияют чаще всего на профессиональный образ автора и качество передаваемой информации.

Отличие ведущих орфографических принципов в русском (морфологический принцип) и белорусском (фонетический принцип) языках, а также специфика образования «белорусского национально-культурного компонента» [25, с. 14] влияют на появление ошибок в результате морфонологической интерференции (*Баранавіцкая бальніца*). Согласно орфографической норме белорусского языка, если основа слова оканчивается буквами *т, ц, ч*, а суффикс начинается согласной буквой *с*, то сочетания *тс, цс, чс* на письме передаются с помощью буквы *ц* в соответствии с литературным произношением. В написаниях, противоречащих указанной норме, прослеживается тенденция упростить понимание текста, сделать более прозрачной морфемную и словообразовательную структуры слова и помочь читателю определиться, о каком географическом названии идет речь. Например, нормативное написание *Мохацкая* (бітва) может указывать на города *Мохац* и *Мохач*, в то время как написание *Мохачская*, хоть и противоречит норме, однако более четко определяет название населенного пункта, возле которого произошло знаменитое сражение.

В контексте изучения сложности текста, включающей визуальное восприятие, понятность, когнитивную нагрузку, соответствие языковым нормам, единичные орфографические ошибки, допущенные в результате постоянного переключения кодов между родственными языками, практически не влияют на понимание. Как уже отмечалось в белорусском лингвистическом дискурсе, проблема такой интерференции в условиях билингвизма является преимущественно проблемой культуры белорусского языка³ и, соответственно, культуры изданий на белорусском языке.

Однако в современных условиях русско-белорусская орфографическая интерференция активизирует механизмы (конкретные процессы), через которые она способна воздействовать на ряд других параметров сложности текста. К таким механизмам относятся следующие:

- нарушение визуальной узнаваемости слова, приводящее к рассеиванию внимания, замедлению скорости чтения и постоянному возврату к уже прочитанным фрагментам;
- увеличение когнитивной нагрузки, требующей сопоставления ненормативной формы с нормативной формой, использования контекста для декодирования слова или фразы;
- искажение лексико-грамматических связей, влияющее на восприятие структуры всего предложения и закрепление нормативных навыков письма;
- восприятие текста, поскольку материалы с орфографическими аномалиями расцениваются как менее компетентные, стилистически неоднородные;
- затруднение автоматической обработки текста, включающее некорректную трактовку переводного текста, сложности с распознаванием форм, искажение статистики при тематическом моделировании.

Ошибочная орфография также провоцирует неправильное произношение при чтении текста вслух (в публичных пространствах).

Заключение

Орфографическая русско-белорусская интерференция в условиях билингвизма в Беларуси представляет собой особое лингвистическое явление, которое возникает в письменной речи белорусов, выражается в нарушении орфографических норм белорусского языка под влиянием орфографических правил и графических элементов русского языка и приводит к формированию устойчивых интерферентных моделей правописания и произношения (*дабраня* вместо *дабрыня*), смешению орфографических систем, появлению гибридных форм написания и произношения (особенно в интернет-коммуникации). Названные факторы актуализируют работу по уточнению отдельных структурных компонентов орфографической модели белорусского языка (орфографических правил и орфограмм).

Нами выделены пять основных типов орфографической интерференции: 1) интерференция, обусловленная различиями в алфавитах и статусе отдельных букв; 2) интерференция прописных и строчных букв; 3) фонетико-орфографическая интерференция; 4) гиперкоррекция; 5) морфологически обусловленная интерференция.

Интерференция слитного, дефисного, раздельного написания слов требует, на наш взгляд, отдельного рассмотрения, поскольку она частично связана с грамматически обусловленными законами правописания.

Ошибки, вызванные орфографической интерференцией, распространены в образовательной, официальной, бытовой сферах, медиа, издательском деле.

По степени устойчивости и распространения преобладают узуальные орфографические ошибки, часто воспринимаемые носителями белорусского языка как правильные варианты. К ним относятся практически все отклонения от нормы, связанные с фонетическим принципом написания, гиперкоррекцией и морфологически обусловленной интерференцией. Ошибочные написания, которые возникли в результате интерференции, обусловленной различиями в алфавитах и статусе отдельных букв, интерференции прописных и строчных букв, относятся к неустойчивым (случайным) ошибкам в текстах, прошедших редакционно-издательскую подготовку, и являются довольно частыми в письменных работах школьников.

Появление орфографической интерференции обусловлено комплексом лингвистических, исторических, социокультурных, психологических, образовательных факторов. Наиболее существенными из них являются доминирование русского языка в образовательной и публичной сферах Беларуси; отсутствие необходимой практики использования белорусского языка и снижение мотивации к строгому соблюдению орфографических норм; перенос звуковых законов русского языка на белорусский и отражение их на письме; использование логически оправданных и более знакомых орфографических правил русского языка применительно к новому языковому материалу, не представленному в качестве иллюстративного

³Лукашанец А. А. Двухмоўе // Беларуская мова : энцыкл. / пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 1994. С. 176.

в учебных пособиях по белорусскому языку; когнитивная нагрузка во время быстрого письма, подготовки изданий к печати, в результате которой ослабевает контроль за соблюдением орфографических и иных норм и «берет верх» доминирующий язык; распространение неформального письма в социальных сетях и интернете, где отсутствует контроль за соблюдением орфографических норм; влияние компьютерного набора с использованием «русской» раскладки и автоматических систем распознавания речи и перевода на белорусский язык (автокоррекция не всегда учитывает нормы белорусского языка); использование элементов архаической орфографии, созданных в свое время по аналогии с правилами русского языка; языковой консерватизм и непривычность восприятия написаний, не соответствующих написанию на русском языке; неоднозначность и сложность отдельных сформулированных правил белорусской орфографии.

Указанные причины орфографической интерференции не только порождают ошибки на письме, но и выступают своеобразными механизмами, которые усложняют текст на когнитивном, коммуникативном, техническом уровнях. Перспективным видится дальнейшее экспериментальное исследование влияния указанных механизмов на частотность орфографических ошибок в конкретных словах и качество репрезентации таких единиц в ментальном лексиконе белорусов.

Сокращения

Беларуская эпіграма – Беларуская эпіграма / склад. К. Камейша. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2013. 144 с. ; **БРС** – Беларуска-рускі слоўнік = Белорусско-русский словарь : у 3 т. Т. 1. А–З / пад рэд. А. А. Лукашанца. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. 1072 с. ; **Валодзіна** – Валодзіна А. Вальдэнсы ў канцы XII – пачатку XV стагоддзя: паміж ерэтычнай сектай і народнай рэлігіянасцю. Мінск : ІВЦ Мінфіна, 2024. 440 с. ; **Дубянецкі** – Дубянецкі Э. С. Асветнікі Беларусі. Лаўрэнцій Зізаний. Мясцей Смятрыцкі. Казімір Лышчынскі. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2017. 64 с. ; **Казлоў** – Казлоў Л. Р. Стагоддзі на картах. Мінск : Беларус. навука, 2021. 239 с. ; **Каўрус** – Каўрус А. А. Словаклад: слоўнік адметнай лексікі. Мінск : Звязда, 2013. 328 с. ; **Кривицкий** – Кривицкий А. А., Подлужный А. И. Учебник белорусского языка для самообразования. Минск : Выш. шк., 1994. 349 с. ; **Куліковіч** – Куліковіч У. І. Сучасная беларуская арфаграфія. Правілы. Трэнераваныя заданні. Кантрольныя работы. Заліковыя тэсты. Даведкі : вучэб. дапам. Мінск : Новое знанне, 2011. 507 с. ; **Паўловіч** – Паўловіч У. С. Францішак, мілы Скарына: да 500-годдзя выхаду ў свет выдання «Малая падарожная кніжыца» (22 студзеня 2022 г.) : манаграфія. Мінск : ІВЦ Мінфіна, 2022. 136 с. ; **Правілы** – Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. Мінск : Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь, 2008. 144 с. ; **Родны край** – Родны край : адрыўны каляндар на 2025 год. Мінск : Беларусь, 2024. ; **Слоўнік** – Слоўнік новых запазычаных слоў беларускай мовы / рэд.: В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. Мінск : Беларусь, 2023. 175 с. ; **Суша** – Суша А. А. Францыск Скарына : у 3 ч. Ч. 2. Чалавек свету. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. 128 с.

Библиографические ссылки

1. Рогозная НН. Теоретические основы языковых контактов. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2014;2:306–311.
2. Карлинский АЕ. *Основы теории взаимодействия языков*. Алма-Ата: Гылым; 1990. 180 с.
3. Розенцвейг ВЮ. *Языковые контакты. Лингвистическая проблематика*. Ленинград: Наука; 1972. 80 с.
4. Колесниченко МА. К вопросу об интерференции и трансференции в теории языковых контактов. *Язык и культура*. 2013;9:182–186.
5. Алиева ББ. Фонетическая интерференция и ее причины. *World Science*. 2018;3:11–14. DOI: 10.31435/rsglobal_ws/12072018/6014.
6. Андрэйчук МІ. Узаемадзеянне моў ва ўмовах білінгвізму. В: Дунай ВІ, редактор. *Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы. Сборник трудов XVIII Международной научно-практической конференции; 26 апреля 2024 г.; Пинск, Беларусь*. Пинск: Полесский государственный университет; 2024. с. 291–293.
7. Абабурка МВ. *Лінгвакультуралогія. Частка 1*. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова; 2016. 140 с.
8. Дешериев ЮД, Протченко ИФ. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия. В: Дешериев ЮД, редактор. *Проблемы двуязычия и многоязычия*. Москва: Наука; 1972. с. 26–42.
9. Бочко ММ, Супрун СВ. Языковая интерференция как проблема билингвизма. *Современный ученый*. 2021;5:138–141.
10. Кульбаева БТ. К проблеме интерференции в полилингвальной речи. В: Нухулы А, редактор. *Ұлы Дала мұрасы: тарих, тұлға, тағылым. Материалы Международной научно-практической конференции в рамках этнофестиваля «Ұлы Дала»; 3 августа 2018 г.; Павлодар, Казахстан*. Павлодар: Павлодарский педагогический университет; 2018. с. 153–157.
11. Амирова РМ. Орфографическая интерференция в эргонимическом пространстве г. Казани. *Вестник Вятского государственного университета*. 2010;4(2):66–68.
12. Чумак ЛН. К типологии билингвизма в Беларуси в нач. XXI в. В: Чумак ЛН, редактор. *Язык и социум. Материалы V Международной научной конференции; 6–7 декабря 2002 г.; Минск, Беларусь. Часть 1*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2003. с. 86–91.
13. Баркович АА. Русско-белорусская межъязыковая интерференция и трасянка: компьютерно-опосредованная верификация и научная рефлексия. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021;69:5–28. DOI: 10.17223/19986645/69/1.

14. Сомин АА. Kastryčnickaja, Kastrychnitskaja или Oktyabrskaja? Транслитерационный конфликт в контексте русско-белорусского билингвизма. *Культура и текст*. 2022;2:162–171. DOI: 10.37386/2305-4077-2022-2-162-171.
15. Куношкевич МИ. Двухязычное медиапространство. Статья вторая. Влияние русского языка на тексты белорусских СМИ. *Медиалингвистика*. 2017;2:18–28.
16. Акуленко ЕА, Полетаева ОА. Типология ошибок, обусловленных русско-белорусской языковой интерференцией, в речи студентов. В: Горичкая ОС, редактор. *Теория коммуникации. Языковые значения. Выпуск 5*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2009. с. 135–138.
17. Гончаренко ЕД. Белорусско-русская смешанная речь в современных сценических выступлениях. *Центральноевропейские исследования*. 2020;2:308–324.
18. Сомин АА. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2015;1:62–86.
19. Новикова ЛП. Двухязычие и фонетическая интерференция в публичной речи билингвов. *Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»*. 2012;14:217–223.
20. Свириденко ЕА. Проблемы интерференции при обучении русскому языку на I ступени общего среднего образования в школах с белорусским языком обучения. *Актуальные вопросы профессиональной подготовки современного учителя начальной школы*. 2016;3:42–46.
21. Зелянко СВ. *Навучанне арфаграфіі беларускай мовы ў 5–11 класах: тэорыя і практыка*. Минск: ІВЦ Мінфіна; 2016. 194 с.
22. Минчук ИИ, Пивоварчик ТА. Кодовые переключения в смеховом дискурсе полилингвального сетевого сообщества. *Сибирский филологический журнал*. 2022;4:326–339. DOI: 10.17223/18137083/81/25.
23. Дзядова АС, Радзюль БЮ. Графічныя і арфаграфічныя асаблівасці беларускамоўнага нэймінгу ў сферы гандлю і турызму. В: Гетц АК, редактор. *Наука – образованию, производству, экономике. Материалы LXXV Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов; 3 марта 2023 г.; Витебск, Беларусь*. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова; 2023. с. 252–255.
24. Свістунова МІ. Марфалагічная варыянтнасць у навуковых тэкстах (паводле матэрыялаў II канферэнцыі «Пісьменнік – мова – стыль»). У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Пісьменнік – мова – стыль. Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 29–30 верасня 2005 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2020. с. 268–273.
25. Лукашанец АА. Русская орфография в контексте белорусско-русского государственного двухязычия. *Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»*. 2018;27:10–15.
26. Пригодич НГ. За букву ё замолвите словечко: коллизии государственного белорусско-русского двухязычия. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;3:99–100.
27. Иванов ЕЕ, Куликович ВИ. Теория русской орфографии в учебной литературе для студентов Республики Беларусь. *Русистика*. 2024;4:598–614. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-4-598-614.
28. Корбут ВА. Влияние русского литературного языка на орфографию первых белорусских газет «Наша Доля» и «Наша Нива» (1906–1907 годы). *Восточнославянские исследования*. 2025;1:143–174. DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.06.
29. Куліковіч УІ. Уплыў сучаснай арфаграфіі на арфаэпію дыктараў і карэспандэнтаў беларускага тэлебачання. *Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»*. 2011;12:189–197.
30. Куліковіч У. Знакі націску (акут і гравіс): капрыз ці неабходнасць? *Роднае слова*. 2025;3:45–49.
31. Падлужны АІ. Работа над памылкамі 1933-га. *Беларуская мова і літаратура ў школе*. 1991;3:3–6.
32. Мечковская НБ. Зачем одному народу две азбуки? (Кириллица и латинка в коллизиях белорусского возрождения). В: Друговейко-Должанская СВ, Попов МБ, составители. *Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2019. с. 246–260.
33. Мусіенка СР. *Сімвалы суверэннай Беларусі*. Мінск: Беларусь; 2024. 144 с.
34. Запрудскі С. Мова ўтвараецца ўжываннем. *Дзеяслоў*. 2005;15:221–229.
35. Астапкина ЕС, Баркович АА. Динамика русскоязычного интернет-дискурса: особенности словарной репрезентации лексики. *Русистика*. 2025;1:97–116. DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-1-97-116.
36. Гапоненка ІА. Беларускае кнігадрукаванне XIX – пачатку XX стагоддзя: характэрныя асаблівасці. *Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии*. 2018;1:68–76.
37. Падлужны А. Мова – скарб народа. *Беларуская думка*. 2005;3:75–82.
38. Яновіч АІ. Станаўленне графічнай сістэмы беларускай літаратурнай мовы новага перыяду. *Беларуская лінгвістыка*. 1987;31:16–22.
39. Куліковіч УІ. Тэорыя пісьма ў падручніку «Беларускі лемантар, або Першая навука чытання». В: Переход ОБ, редактор. *Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования. Сборник научных трудов VI Международной научно-методической конференции; 21–22 ноября 2013 г.; Брест, Беларусь. Часть 2*. Брест: Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина; 2014. с. 87–91.
40. Куліковіч УІ. Да праблемы правапісу ў (з краткай), у (без краткі). *Роднае слова*. 2025;2:77–79.
41. Сомин АА. Билингвизм и транслитерация: проблема передачи городских топонимов в многоязычном мире. В: Петрова НС, Рычкова НН, составители. *Понимая город: коммуникация с пространством, временем и людьми. Материалы XIX Международной школы по фольклористике и культурной антропологии; 29 апреля – 5 мая 2019 г.; Москва, Россия*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2019. с. 74–82.
42. Каўрус А. Гук [ў] і яго перадача на пісьме: да праблемы ўдасканалення правапісу. *Роднае слова*. 1999;12:13–19.
43. Гапоненка ІА. Іншамовныя онімы ў беларускай перадачы. У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Мова – Літаратура – Культура. Матэрыялы VIII Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 15–16 верасня 2016 г.; Мінск, Беларусь. Частка 1*. Мінск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; 2016. с. 26–33.

Статья поступила в редколлегию 28.05.2026.
Received by editorial board 28.05.2026.

ИНТЕГРАТИВНАЯ ЛИНГВОДИСКУРСИВНАЯ
МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОДУКТОВ
ИСКУССТВЕННОГО ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯМ. С. ГУТОВСКАЯ¹⁾, Д. В. ШАЙБАКОВА¹⁾¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Предложена комплексная методика лингвистического исследования особенностей искусственно созданных текстов конкретного жанра в сопоставлении с естественно созданными текстами. Методика включает три этапа: 1) формирование корпуса антропогенных и сгенерированных текстов; 2) тестирование инструментов выявления естественного или искусственного происхождения текста; 3) экспертную и автоматизированную оценку антропогенных и машинных текстов. Каждый этап детализируется и сопровождается развернутыми методологическими комментариями, в ряде случаев принципы применения предлагаемых процедур рассмотрены на примере текстов научного стиля. Впервые при изучении продуктов искусственного текстопорождения корпусный, экспертный и автоматизированный подходы объединены в целостную методику, ориентированную на содержательную лингвистическую характеристику жанрово-дискурсивной специфики сгенерированных текстов. Разработана двусоставная система оценки продуктов искусственного текстопорождения, охватывающая как типологически общие признаки сгенерированных текстов, так и их дискурсивно обусловленные свойства. Показаны возможности применения математических методов, которые позволяют верифицировать получаемые количественные данные, при сопоставлении результатов человеческого и машинного анализа сгенерированных текстов. Отмечено, что интегративная лингводискурсивная методика исследования продуктов искусственного текстопорождения обладает высоким потенциалом воспроизводимости и может применяться к любому языковому и жанровому материалу. Разработанный подход будет востребован в дальнейших исследованиях в области обработки естественного языка, при совершенствовании систем обнаружения искусственно созданного контента, формулировании рекомендаций по повышению качества работы больших языковых моделей и выработке принципов их безопасного использования в текстопорождении.

Ключевые слова: большая языковая модель; искусственное текстопорождение; методика оценки сгенерированного текста.

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственной программы научных исследований «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности» на 2026–2030 годы (подпрограмма 12.6 «Языкознание», задание 12.6.06 «Современные информационные технологии в лингвистических исследованиях», научно-исследовательская работа 12.6.06.5 «Возможности больших языковых моделей в современной лингвистике: теоретико-методологические и прикладные решения» (№ гос. регистрации 20262323)).

Образец цитирования:

Гутовская МС, Шайбакова ДВ. Интегративная лингводискурсивная методика исследования продуктов искусственного текстопорождения. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;2:95–108.
EDN: VGJOMN

For citation:

Gutovskaya MS, Shaibakova DV. Integrative linguodiscursive methodology for researching artificial text generation products. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;2: 95–108. Russian.
EDN: VGJOMN

Авторы:

Марина Степановна Гутовская – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой германского языкознания филологического факультета.

Дарья Вадимовна Шайбакова – преподаватель кафедры германского языкознания филологического факультета.

Authors:

Marina S. Gutovskaya, doctor of science (philology), full professor; head of the department of Germanic linguistics, faculty of philology.

marina-gutovskaya@yandex.by

Darya V. Shaibakova, lecturer at the department of Germanic linguistics, faculty of philology.

shaibakovadv@yandex.by

ІНТЭГРАТЫЎНАЯ ЛІНГВАДЫСКУРСІЎНАЯ МЕТОДЫКА ДАСЛЕДАВАННЯ ПРАДУКТАЎ ШТУЧНАГА ТЭКСТАПАРАДЖЭННЯ

М. С. ГУТОЎСКАЯ^{1*}, Д. В. ШАЙБАКОВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Прапанавана комплексная методыка лінгвістычнага даследавання асаблівасцей штучна створаных тэкстаў канкрэтнага жанру ў супастаўленні з натуральна створанымі тэкстамі. Методыка ўключае тры этапы: 1) фарміраванне корпусу антрапагенных і згенераваных тэкстаў; 2) тэставанне інструментаў выяўлення натуральнага ці штучнага паходжання тэксту; 3) экспертную і аўтаматызаваную ацэнку антрапагенных і машынных тэкстаў. Кожны этап дэталізуецца і суправаджаецца разгорнутымі метадалагічнымі каментарамі, у шэрагу выпадкаў прыцыпы ўжывання прапанаваных працэдур разгледжаны на прыкладзе тэкстаў навуковага стылю. Упершыню пры вывучэнні прадуктаў штучнага тэкстапараджэння корпусны, экспертны і аўтаматызаваны падыходы аб'яднаны ў цэласную методыку, арыентаваную на змястоўную лінгвістычную характарыстыку жанрава-дыскурсіўнай спецыфікі згенераваных тэкстаў. Распрацавана двухсаставная сістэма ацэнкі прадуктаў штучнага тэкстапараджэння, якая ахоплівае як тыпалагічна агульныя прыметы згенераваных тэкстаў, так і іх дыскурсіўна абумоўленыя ўласцівасці. Паказаны магчымасці ўжывання матэматычных метадаў, якія дазваляюць верыфікаваць атрымліваемыя колькасныя даныя, пры супастаўленні вынікаў чалавечага і машыннага аналізу згенераваных тэкстаў. Адзначана, што інтэгратыўная лінгвадыскурсіўная методыка даследавання прадуктаў штучнага тэкстапараджэння валодае высокім патэнцыялам узнаўляльнасці і можа прымяняцца да любога моўнага і жанравага матэрыялу. Распрацаваны падыход будзе запатрабаваны ў далейшых даследаваннях у галіне апрацоўкі натуральнай мовы, пры ўдасканаленні сістэм выяўлення штучна створанага кантэнту, фармуляванні рэкамендацый па павышэнні якасці працы вялікіх моўных мадэляў і выпрацоўцы прынцыпаў іх беспечнага выкарыстання ў тэкстапараджэнні.

Ключавыя словы: вялікая моўная мадэль; штучнае тэкстапараджэнне; методыка ацэнкі згенераванага тэксту.

Падзяка. Праца выканана ў рамках дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Сацыяльна-эканамічная, палітычная і нацыянальна-культурная бяспека беларускай дзяржаўнасці» на 2026–2030 гады (падпраграма 12.6 «Мовазнаўства», заданне 12.6.06 «Сучасныя інфармацыйныя тэхналогіі ў лінгвістычных даследаваннях», навукова-даследчая праца 12.6.06.5 «Магчымасці вялікіх моўных мадэляў у сучаснай лінгвістыцы: тэарэтыка-метадалагічныя і прыкладныя рашэнні» (№ дзярж. рэгістрацыі 20262323)).

INTEGRATIVE LINGUODISCURSIVE METHODOLOGY FOR RESEARCHING ARTIFICIAL TEXT GENERATION PRODUCTS

M. S. GUTOVSKAYA^a, D. V. SHAIBAKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: M. S. Gutovskaya (marina-gutovskaya@yandex.by)

Abstract. A comprehensive methodology for the linguistic investigation of artificially produced texts of a specific genre in comparison with naturally created texts is proposed. The methodology comprises three stages: 1) compiling a corpus of human-authored and generated texts; 2) testing tools for detecting the natural or artificial origin of text; 3) conducting expert and automated evaluation of anthropogenic and machine texts. Each stage is elaborated in detail and accompanied by extensive methodological commentary; in a number of cases, the principles underlying the proposed procedures are illustrated with reference to scientific style texts. For the first time in the study of artificial text generation products, corpus-based, expert, and automated approaches have been integrated into a unified methodology oriented toward a substantive linguistic characterisation of genre-specific and discourse-specific dimensions of generated texts. A two-component evaluation system for artificial text generation products has been developed, encompassing both typologically general features of generated texts and their discourse-conditioned properties. The applicability of mathematical methods to the comparison of human and machine analysis results is demonstrated, enabling the verification of quantitative data obtained. It is noted that the integrative linguodiscursive methodology for studying artificial text generation products has a high reproducibility potential and is applicable to any linguistic and generic material. The developed approach is expected to be of value in further research in the field of natural language processing, in the improvement of artificially generated content detection systems, in the formulation of recommendations for enhancing the performance quality of large language models, and in the elaboration of principles for their safe use in text generation.

Keywords: large language model; artificial text generation; methodology for evaluating generated text.

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the state scientific research programme «Socio-economic, political and national-cultural security of the Belarusian statehood» for 2026–2030 (subprogramme 12.6 «Linguistics», task 12.6.06 «Modern information technologies in linguistic research», research work 12.6.06.5 «Possibilities of large language models in modern linguistics: theoretical, methodological and applied solutions» (state registration No. 20262323)).

Введение

Развитие нейросетевых технологий и их экспоненциально возрастающая интегрированность в различные сферы человеческой деятельности определяют один из наиболее актуальных вопросов современной лингвистики: текст, сгенерированный большой языковой моделью (БЯМ), – осмысленное высказывание или его убедительная имитация, лишенная понимания и коммуникативной интенциональности? Ответ на этот вопрос значим и для теории искусственного интеллекта (ИИ), и для лингвистики, так как определение закономерностей использования моделями языка неизбежно проясняет устройство самого языка.

Особую остроту вопрос приобретает в научном дискурсе, где происхождение текста становится параметром оценки его достоверности и ценности. Доступность ИИ-технологий и их активное внедрение в сферы занятости человека обнаружили незащищенность академической среды от сгенерированного контента. Проблему усугубляет специфика научных текстов: высокая степень формализации, использование типизированных синтаксических структур усложняют процесс различения естественно и искусственно созданных произведений данного стиля. Способность эксперта распознать сгенерированный текст, опираясь на профессиональную лингвистическую компетенцию, остается недоказанной, равно как и эффективность автоматизированных ИИ-детекторов.

Лингвистический анализ сгенерированного текста является необходимым условием для решения поставленных вопросов, однако остается малоразработанным направлением в области обработки естественного языка – «области искусственного интеллекта, посвященной взаимодействию между компьютерами и человеческим языком» [1, с. 4]. Исследования, направленные на верифицируемую оценку жанрово-стилистической специфики продуктов генерации, единичны. В настоящей статье представляется решение данной методологической проблемы. Предлагается интегративная лингводискурсивная методика исследования продуктов искусственного текстопорождения – комплексный алгоритм сопоставления сгенерированных и антропогенных текстов отдельного дискурса, определения степени достоверности способов идентификации сгенерированного контента, выявления лингвистической специфики искусственно созданного текста посредством его сопоставления с естественно созданным. При описании отдельных процедур методики в качестве ориентира используется научный дискурс.

Теоретические основы исследования

За последнее десятилетие проблема текстопорождения вышла за пределы лингвистики и оформилась в многоаспектное междисциплинарное исследовательское направление. Если ранее феномен создания текста рассматривался преимущественно в гуманитарной парадигме, то сейчас он входит в круг вопросов различных областей знания, в том числе теории ИИ. Несмотря на общий объект исследования (создание текста), подходы к его пониманию у лингвистов и специалистов по нейросетевому моделированию существенно различаются.

Лингвистика традиционно рассматривает текстопорождение как укорененную в когнитивных структурах деятельность индивида. Говорящий, как носитель смысла, формирует замысел высказывания, выбирает стратегии и языковые средства для его развертывания с опорой на социально-коммуникативные нормы и прагматические цели. Однако такая концепция текстопорождения претерпевает существенные изменения: к середине 2010-х гг. получают распространение нейросети. Сначала появляются рекуррентные и сверточные нейросети, а затем принципиально новая знаковая архитектура – трансформер, представленная группой исследователей из компании «Гугл» в статье «Внимание – это все, что вам нужно» (2017) [2]. Трансформеры обучаются на обширных наборах текстовых данных, тренируясь выявлять статистические зависимости и предсказывать при генерации фрагменты текста на основании контекста. Такая архитектура получила название «большая языковая модель».

Несмотря на то что современные БЯМ демонстрируют выдающуюся способность создавать тексты, их понимание языка остается исключительно поверхностным. Языковые модели «не думают, не рассуждают и не понимают; они <...> работают над формальной структурой, а не над смыслом текста»¹ [3, р. 2–3]. С этим связано наличие в сгенерированных БЯМ текстах разнообразных погрешностей.

Семантические ограничения БЯМ связаны с их неспособностью воспринимать значение высказывания. По наблюдениям И. М. Бендер и ее коллег, успехи искусственного текстопорождения ограничены «манипулированием формой языка» [4, р. 611], тогда как полноценное понимание текста для БЯМ недоступно. Данное ограничение влечет за собой и прагматическую несостоятельность: БЯМ не распознают

¹Здесь и далее перевод наш. – М. Г., Д. Ш.

имплицитные смыслы, им недостает понимания для прагматически верных выдвиг. Эта же неспособность проявляется в нарушениях логической и тематической связности. Архитектурные ограничения окна внимания ведут к тому, что БЯМ «часто демонстрируют несоответствия, когда персонажи или ключевые сюжетные элементы появляются вновь без достаточного обоснования, нарушая общий дискурс» [5, р. 1]. Методы обучения БЯМ ведут и к аксиологическим искажениям: как отмечают И. М. Бендер и ее коллеги, тексты из сети Интернет «избыточно представлены гегемонистскими точками зрения», они закладывают в генерациях БЯМ «смещения, потенциально вредные для маргинализированных групп» [4, р. 615]. У БЯМ также отсутствует интенциональность (планирование сказанного), из-за чего они могут создавать грамматически корректные, но лишенные замысла и глубины тексты.

Несмотря на множество публикаций, посвященных феномену искусственного текстопорождения, современные исследования в данной области характеризуются рядом ограничений, которые делятся на экстерналильные факторы (внешние ограничения, связанные с объективной реальностью) и интерналильные факторы (внутренние ограничения, связанные с деятельностью исследователей).

Среди экстерналильных факторов первостепенное значение имеет стремительная эволюция технологий, опережающая академическую рефлексию. Архитектуры БЯМ обновляются каждые 6–12 месяцев, тогда как осмысление появляющихся инноваций, выработка исследовательских подходов и публикация результатов требуют больших временных затрат. Следствием такого рассогласования становится отставание научного знания от реальной технологической ситуации. Помимо этого, БЯМ обучаются на англоязычных корпусах, и исследования в данной области также преимущественно проводятся на англоязычном материале, что оставляет открытым вопрос об изучении специфики генерации текстов на синтетических языках. Наблюдается отставание русскоязычных работ как в количественном, так и в качественном отношении. Проблему составляет и прикладная направленность большинства исследований в области ИИ: интерес к разработке коммерческих продуктов вытесняет фундаментальные лингвистические вопросы о природе сгенерированного текста. Между тем лингвистический анализ искусственно созданных текстов (ИСТ) является самостоятельной научной проблемой, решение которой значимо и для развития теории ИИ, и для понимания механизмов построения и функционирования естественно созданных текстов (ЕСТ).

Интерналильные факторы связаны преимущественно с новизной поставленных вопросов, недостатком теоретических и методологических данных. Часто в силу специализации лингвисты не обладают знаниями в области архитектур БЯМ, а ИИ-разработчики – в области лингвистики. Исследования технического характера видят искусственное текстопорождение как инженерную задачу, не учитывают лингвистический аспект и фокусируются на автоматизированных метриках оценки ИСТ. Результатом становится гипертрафированный акцент на количественных показателях, не отражающих семантическую и коммуникативную полноценность ИСТ. Исследовательский интерес филолога нередко обусловлен лишь популярностью и актуальностью изучения БЯМ, что ведет к поспешным интуитивным или слабо аргументированным выводам. Лингвисты склонны понимать процесс искусственного текстопорождения упрощенно, отождествляя механизмы работы человеческого мозга с алгоритмами работы БЯМ. Однако в настоящее время строение (код) многих нейросетей находится в открытом доступе, и исследования последних десятилетий придерживаются более мягкого подхода: отмечается, что нейросеть строится «подобно биологическим нейронам в мозге человека» [6, с. 285], «лишь изучает вероятности и старается делать максимально “очеловеченный” вывод» [7, с. 10]. Во избежание нежелательной антропоморфизации ИИ в данной работе разграничиваются термины «текстопорождение» (естественный психолингвистический процесс создания текста человеком) и «искусственное текстопорождение» (процесс генерации текста искусственно, с помощью БЯМ).

Совокупность названных ограничений указывает на методологическую проблему: метрики, применяемые при разработке, обучении и тестировании БЯМ, оценивают текст по формальным параметрам и слабо коррелируют с человеческим восприятием, а лингвистический подход на данном этапе часто интуитивен и лишен верифицируемых оснований. Изложенные обстоятельства порождают необходимость создания лингвистически содержательной и технически строгой методики, которая синтезировала бы методы экспертного и автоматизированного анализа. Именно такая методика предлагается в настоящей работе. Данная комплексная методика открыта для воспроизведения на любом языковом и жанровом материале.

Результаты и их обсуждение

Реализация интегративной лингводискурсивной методики исследования продуктов искусственного текстопорождения предполагает решение ряда исследовательских задач. Решение этих задач осуществляется в три этапа.

Этап 1: формирование корпуса антропогенных и сгенерированных текстов. Данный этап включает в себя несколько шагов.

1. Обоснование выбора БЯМ для исследования. «Выбор языковой модели – ключевой этап» [1, с. 10], так как у каждого исследования своя цель и наработанная теоретико-эмпирическая база. Отбираемые для исследования БЯМ должны отличаться технологической зрелостью, передовым характером; популярностью,

значимостью для пользователей; открытостью и доступностью для исследовательской работы; возможностью поддержки интересующего языка; соответствием настроек БЯМ задачам генерации текстов. В то же время для обеспечения репрезентативности результатов планируемого исследования необходимо сделать акцент на разнообразии изучаемых моделей. БЯМ должны быть обученными на корпусах текстов разных языков; иметь разных создателей, коллективы работающих над ними специалистов; различаться методами обучения. Комбинация этих факторов позволит сформировать выборку, результаты анализа выдач которой можно будет с достаточной степенью достоверности экстраполировать на всю совокупность современных БЯМ. Число привлекаемых моделей и их конкретный состав варьируются в зависимости от целей и условий исследования. Например, могут быть выбраны пять БЯМ с архитектурой трансформера, удовлетворяющих перечисленным особенностям: *Alice AI LLM*, *GigaChat Ultra*, *ChatGPT-5.3 Instant*, *Gemini 3 Flash*, *DeepSeek-V4-Pro*.

2. Обоснование выбора объекта генерации и выявление его специфики. Необходимо определить стиль и жанр текстов, которые послужат материалом для анализа. Этот выбор значим для исследования, так как генерация текстов разных типов позволяет обнаружить новые возможности и ограничения БЯМ. В настоящей работе в качестве ориентира при описании методики избран научный текст – функциональная разновидность языка, генерирование которой, как будет показано далее, представляет для БЯМ определенную сложность.

Научная деятельность реализует диалектику двух взаимодополняющих процессов: создания нового знания (акт креативного нарушения существующих эпистемических границ) и его систематизации (процедура интеграции нового знания в положения дисциплины). Научный текст является уникальным объектом для изучения ИСТ, так как он сочетает структурно-стилистическую специфику с выдвижением гипотез, инновационными способами интерпретации данных. Существуют разные подходы к анализу научных произведений, однако согласимся с утверждением Е. Н. Пономаревой о том, что «к настоящему времени средства научного стиля, создающие его функциональную специфику, инвентаризированы и в достаточной полной мере описаны»². Наличие уже сложившегося корпуса описаний средств научного стиля в дальнейшем существенно упростит процедуру разработки дискурсно-специфичных критериев оценки ИСТ.

Мыслительные конструкты, формирующиеся в сознании исследователя, доказательны, они направлены на выявление закономерностей, что определяет обобщенный, логичный и объективный характер научного изложения. На уровне языка этот характер проявляется в номинативной плотности, терминологизированности и деперсонифицированности лексики, синтаксической компрессии, направленной на «сокращение речевой избыточности при сохранении максимума информации» [8, с. 89]. Тем не менее композиционно-смысловая структура текстов научного стиля варьируется в зависимости от отрасли знания и установок автора, что обуславливает необходимость разграничения научных подстилей при формировании исследовательского корпуса. Если в качестве жанрового материала избирается научный текст, наиболее показательным для целей настоящей методики представляется научно-гуманитарный подстиль, в частности тексты по языкознанию. Этот выбор определяется несколькими соображениями: лингвистические тексты достаточно регламентированы (в сравнении с иными филологическими исследованиями), чтобы обеспечить четкость запроса к БЯМ, и одновременно они предполагают аналитическую гибкость, наличие авторской позиции и метаязыковую рефлексия – те качества, воспроизведение которых представляет для БЯМ наибольшую сложность.

3. Отбор антропогенных текстов-эталонов. При отборе антропогенных текстов-эталонов важно обеспечить жанровую репрезентативность выборки. Для этого целесообразно охватить несколько функциональных разновидностей текстов избранного дискурса, различающихся по коммуникативной задаче, степени регламентированности, характеру работы с исходным материалом. Если методика применяется к научному дискурсу, представляется обоснованным включить в корпус тексты трех типов: 1) собственно научные (академические, научно-теоретические) тексты; 2) научно-информативные тексты; 3) научно-оценочные тексты.

Собственно научными текстами могут выступить научные статьи – средняя форма первичных речевых жанров. Научная статья удобна для исследования, так как она отличается четкой постановкой научной проблемы и небольшим размером (в сравнении с монографией, диссертацией), при этом концентрированно отражает закономерности построения любого научного текста: аргументативность, наличие цитат, ссылок на авторитетные источники, соблюдение семантических, лексических, грамматических и других правил. Специфика данного жанра заключается в том, что исследовательская научная статья ориентирована не на пересказ уже имеющихся знаний в области, а на оригинальное и индивидуальное изложение мыслей. Именно эта особенность, вероятно, составит основную проблему для БЯМ, обученных

²Пономарева Е. Н. Научный стиль как объект освоения носителями языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Томск, 2004. С. 7.

компилировать и систематизировать накопленную информацию, но не производить принципиально новое знание.

В качестве научно-информативных текстов могут быть использованы аннотации – малые формы вторичных речевых жанров. Эти метатексты, в отличие от научной статьи, не предполагают аргументации и анализа. Основная задача аннотации – создать у читателя представление о содержании произведения посредством репрезентативного сжатия научного содержания. При использовании такого рода метатекстов отобранные для анализа БЯМ должны предоставлять возможность прикрепления файла с текстом статьи в окно запроса, что уравнивает человека и БЯМ в условиях написания. Основное преимущество выбора аннотаций состоит в том, что они регламентированы требованиями научных журналов, ограничены по объему и количеству включаемой информации. Анализ аннотаций в контексте изучения ИСТ позволит установить подверженность БЯМ смысловым упрощениям, нарушению жанровой специфики при компрессии текста.

Научно-оценочные тексты могут быть представлены средними формами вторичных речевых жанров – рецензиями. Рецензия, как жанр, характеризуется двунаправленностью (она обращена к автору оцениваемого произведения и к потенциальной аудитории) и формирует у читателя мнение о работе. Данный жанр отличается диалогичностью, подчиняется академическим нормам, предполагает нейтрально-сдержанный тон повествования, наличие стандартизированной композиции и рациональной аргументации. Рецензия требует семантической обработки исходного текста и экспертной рефлексии, что делает ее генерацию сложной задачей для БЯМ. Отдельную сложность представляет метаязыковое описание чужого текста – необходимый для создания рецензии навык.

Подобный охват жанрового пространства избранного дискурса позволяет сравнить, насколько успешно БЯМ справляются с порождением, компрессией и экспертной оценкой текста. Включение в корпус текстов, объединенных общей целью (передача знания в рамках единой коммуникативной сферы), обеспечивает сопоставимость материала при сохранении жанровой специфики и охватывает полный цикл коммуникации в избранном дискурсе.

4. Установление критериев отбора антропогенных текстов. Тексты-эталонные следует отбирать с учетом ряда параметров: тематической релевантности, репутации источника, объема. Конкретные критерии определяются спецификой анализируемого материала. При работе с научным дискурсом тематическая релевантность может быть задана принадлежностью текстов к определенной дисциплинарной области (например, языкознанию), репутация источника – индексацией в авторитетных национальных или международных базах данных, объем – диапазоном, предлагаемым Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь для научных текстов рецензируемых журналов.

Исследование собственно научного жанра можно осуществлять на материале обзорной общетеоретической статьи и научно-исследовательской статьи. Обзорная общетеоретическая статья фокусируется на синтезе существующих знаний, что является сильной стороной ИИ. Научно-исследовательская статья требует оригинального вклада, выдвижения гипотез, анализа и синтеза исследовательского материала, что представляет вызов для БЯМ. Следовательно, гипотеза такова: БЯМ справляются с генерацией обзорных общетеоретических статей (сбором и систематизацией уже имеющегося знания) лучше, чем с созданием научно-исследовательских работ (продуцированием нового знания, авторской рефлексией).

В качестве научно-информативных текстов могут выступить аннотации тех статей, которые включены в корпус собственно научного жанра. Этот материал позволит проследить, насколько точно БЯМ воспроизводят содержание конкретного источника. Научно-оценочные тексты (рецензии) могут извлекаться из специализированных рубрик авторитетных рецензируемых журналов.

Описанный подход к формированию корпуса обеспечивает гетерогенность выборки, охватывающей полный цикл коммуникации в избранном дискурсе. Он создает надежную эмпирическую базу для последующего тестирования жанрово-дискурсивной специфики порождаемых БЯМ текстов.

5. Формирование корпуса сгенерированных текстов. Процедура формирования исследовательского корпуса предполагает также целенаправленное создание ИСТ отобранными БЯМ. Ключевое методическое требование на этом этапе – обеспечить сопоставимость двух частей корпуса посредством строго заданных параметров генерации.

Искусственное создание текстов начинается с формирования промпта – входного текстового запроса, определяющего параметры будущего результата генерации. Выделяют следующие компоненты грамотного промпта: 1) установку контекста (обозначение роли БЯМ, целевой аудитории, информации о журнале, в котором материал будет опубликован); 2) конкретизацию задачи (четкое описание требуемого, тематики и проблематики, предоставление необходимых материалов); 3) определение формата ответа (введение ограничений по количеству символов, структуре, стилю, обозначение необходимости добавления ссылок на релевантные источники); 4) указание дополнительных условий (тональность, употребление специфических терминов). Поскольку жанры, включаемые в корпус исследования, различаются

по коммуникативной задаче и характеру работы с исходным материалом, промпты для генерации текстов каждого жанра будут особыми.

Генерация текстов первичных жанров, ориентированных на изложение оригинального содержания (в случае научного дискурса – статей), не требует обращения к мультимодальности БЯМ – возможности моделей обрабатывать различные типы данных одновременно (например, текстовый промпт и прикрепленный к нему файл). Фокус промпта смещается на тематику генерируемого произведения, его цель, структуру, содержание, стилистические особенности. Генерировать текст следует посредством одного запроса, а не поэтапно: это существенно сокращает временные затраты при формировании корпуса, дальнейшей экспертной и автоматизированной оценке полученных текстов.

Генерация текстов вторичных жанров информативного типа (в случае научного дискурса – аннотаций) предполагает обращение к мультимодальности БЯМ, поскольку такие тексты имеют метатекстовый характер и представляют собой репрезентацию уже существующего произведения. Корректный промпт должен имитировать реальную ситуацию создания подобного текста: БЯМ предоставляется исходный текст с запросом на его свертывание в соответствии с жанровыми требованиями. К такому запросу обязательно прилагается PDF-документ с текстом статьи. В случае наличия в статье антропогенного вторичного текста аннотации БЯМ она не предоставляется.

Генерация текстов вторичных жанров оценочного типа (в случае научного дискурса – рецензий) также требует обращения к мультимодальности: модели предоставляется полный текст рецензируемого произведения. Промпт призван активировать у БЯМ функции критика-эксперта, способного к аналитической рефлексии над чужим текстом, объективному изложению его содержания, аргументированной критике и даже конструктивных рекомендаций.

При формировании любого промпта исследователю следует относиться к БЯМ как к компетентному исполнителю соответствующей коммуникативной роли. Несмотря на то что предварительное изучение темы выявило существующие и уже отмеченные исследователями БЯМ проблемы, не следует включать в промпт информацию, направленную на устранение недостатков в искусственной текстогенерации. Основная цель этого этапа исследования – не помочь БЯМ избежать типичных для них ошибок, а пронаблюдать искусственное тестопорождение в его «естественных» закономерностях, сохранить показательность получаемых данных. Особенности ИСТ, намеренно не упоминаемые в промптах, приведены в статье в списке общезыковых критериев, используемых при качественной оценке продуктов искусственного тестопорождения. От промпта зависит соответствие создаваемого текста заданной теме, стилю, жанру, поэтому к промптингу следует относиться серьезно, предоставляя БЯМ все необходимые данные, даже если они могут показаться очевидными.

Для обеспечения единообразия работы при отправке запроса БЯМ необходимо использовать сходные режимы генерации, которые подходят и для текстовых, и для мультимодальных промптов. В связи с этим в исследовании использовались режим «Рассуждать» (*Alice AI LLM; GigaChat Ultra*); режим «Глубокое исследование» (*ChatGPT-5.3 Instant*); режимы «Глубокое исследование» и «Думающая» (*Gemini 3 Flash*); режимы «Эксперт» и «Глубокое мышление» (*DeepSeek-V4-Pro*). В упомянутых режимах модели параллельно прорабатывают разные гипотезы, пути решения и выбирают наиболее обоснованный вариант, демонстрируя при этом ход своих рассуждений. Это сходство позволяет рассматривать выбранные режимы как сопоставимые.

Этап 2: тестирование инструментов выявления естественного или искусственного происхождения текста. На данном этапе исследования имеется сформированный корпус текстов, включающий ЕСТ и ИСТ. Излагаемая часть методики направлена на установление степени достоверности средств идентификации происхождения текста. Доступными способами различения антропогенных и сгенерированных текстов являются человеческая категоризация, категоризация текста БЯМ и категоризация текста автоматизированным ИИ-детектором.

Человеческая категоризация осуществляется путем деления предложенных экспертам текстов на ЕСТ и ИСТ. В ходе сортировки запрашиваются ответы на вопросы: «Вызывает ли у вас этот текст доверие как у читателя?»; «Есть ли, на ваш взгляд, в этом образце признаки искусственно созданного текста? Если да, то какие?». Анализ ответов экспертов позволит выявить признаки, которые сразу считываются человеком при прочтении сгенерированного текста.

Не следует сообщать о природе предлагаемых для оценки текстов экспертам: знание о том, что часть из них сгенерирована, создает риск предвзятости (несовершенства любого текста могут быть ошибочно приняты за признаки искусственного происхождения). Оптимально пригласить в качестве экспертов как минимум трех специалистов, что обеспечит относительную объективность получаемых данных. Эксперты должны обладать профессиональной лингвистической компетенцией и опытом работы с языковым материалом, поскольку распознавание маркеров генерации требует развитых аналитических навыков и способности к лингвистическому анализу.

Для категоризации текста с помощью БЯМ предлагается использовать три новые языковые модели. Выбор БЯМ-оценщиков может быть обусловлен отличием их разработчиков и архитектур от БЯМ, выбранных в качестве основных в исследовании; высокими показателями по бенчмаркам (для ознакомления с характеристиками предложенных моделей можно обратиться к статистикам, находящимся в открытом доступе); возможностью использования данных БЯМ без ограничений или с облегченным доступом к полной версии. Примером могут стать языковые модели *Grok 4.1* (режим «Эксперт»), *Qwen2.5-Max* (режим «Мышление»), *Claude Sonnet 4.6* (режим «Расширенное мышление»). Выбранным БЯМ необходимо задать такие же вопросы, как и человеку-оценщику. На данном этапе выдвигается гипотеза: текст, сгенерированный одной БЯМ, лежит в области высокой узнаваемости для любой другой БЯМ. Ответы экспертов и БЯМ сопоставляются для определения тех зон, где БЯМ оказывается некомпетентной, и тех зон, где БЯМ справляется с идентификацией лучше человека.

Для категоризации текста рекомендуется задействовать несколько ИИ-детекторов. Выбор конкретных сервисов определяется языком анализируемого материала и доступностью инструментов на момент исследования. При работе с русскоязычным текстовым материалом могут быть использованы ИИ-детекторы *Isgen.ai* (есть возможность выбора русского языка), *ZeroGPT* и *GPTZero* (наиболее популярные сервисы выявления участия ИИ в написании текста). Изучение способности ИИ-детекторов к верному различению ЕСТ и ИСТ необходимо для выяснения степени доверия к таким системам. Верное различение особенно значимо в тех ситуациях, когда автоматизированная классификация текстов сопряжена с практическими последствиями: в частности, в университетской среде ошибочная идентификация антропогенного текста как искусственно созданного способна подорвать репутацию автора и доверие между участниками образовательного процесса.

Каждый детектор выдает процентный показатель вовлеченности ИИ в создание текста. В качестве порогового значения, при превышении которого текст квалифицируется как искусственно созданный, предлагается принять 65 %. Порог 65 % определен как среднее между уровнем, при котором участие ИИ фиксируется, но не позволяет однозначно квалифицировать текст как сгенерированный (50 %), и уровнем, при котором вероятность ложноположительного результата становится пренебрежимо малой (80 %). Поскольку универсального консенсуса относительно порогового значения не существует, принятое значение носит условный характер и требует дальнейшей верификации.

Представляемые на оценку тексты приводятся к единому виду, лишаются каких-либо внешних отличительных черт, которые могли бы дать оценщику представление о происхождении текста. Эксперты, БЯМ и ИИ-детекторы оценивают тексты по бинарной шкале, где 1 – сгенерированный текст, 0 – антропогенный текст. Полученные данные суммируются и анализируются с помощью матрицы ошибок (матрицы несоответствий) (см. таблицу) [9, с. 1004]. Матрица ошибок включает следующие классы: 1) истинно положительные случаи (далее – ИП) – верные положительные метки; 2) ложноположительные случаи (далее – ЛП) – неверные положительные метки; 3) ложноотрицательные случаи (далее – ЛО) – неверные отрицательные метки; 4) истинно отрицательные случаи (далее – ИО) – верные отрицательные метки.

Матрица ошибок

Error matrix

Предсказание оценщика	Реальность	
	Сгенерированный текст	Антропогенный текст
Сгенерированный текст	ИП	ЛП
Антропогенный текст	ЛО	ИО

Полученные данные позволяют рассчитать значения четырех метрик:

$$\text{общая точность} = \frac{\text{ИП} + \text{ИО}}{\text{ИП} + \text{ИО} + \text{ЛП} + \text{ЛО}},$$

$$\text{точность положительного прогноза} = \frac{\text{ИП}}{\text{ИП} + \text{ЛП}},$$

$$\text{полнота} = \frac{\text{ИП}}{\text{ИП} + \text{ЛО}},$$

$$\text{F1-мера} = 2 \cdot \frac{\text{точность положительного прогноза} \cdot \text{полнота}}{\text{точность положительного прогноза} + \text{полнота}}.$$

Данные метрики дают возможность оценить качество работы человека, БЯМ или ИИ-детектора. Общая точность (доля верно классифицированных случаев от общего числа примеров) характеризует корректность оценщика. Точность положительного прогноза (доля ИП среди всех примеров, помеченных как положительные) позволяет оценить надежность положительных предсказаний и частоту ложных срабатываний. Полнота (доля ИП, правильно выявленных оценщиком, среди всех фактически положительных примеров) отражает способность оценщика обнаруживать все объекты интересующего класса. F1-мера (среднее точности и полноты) является оценкой, учитывающей ложные срабатывания и пропущенные случаи. Все показатели выражаются в диапазоне от 0 до 1, полученные значения интерпретируются относительно теоретического максимума, равного 1. Сводная таблица со значениями метрик количественно отразит сравнительную эффективность человека, БЯМ и ИИ-детекторов в различении ЕСТ и ИСТ, позволит выявить качественную специфику ошибок каждого из инструментов.

Этап 3: экспертная и автоматизированная оценка антропогенных и машинных текстов. Помимо проверки возможности выявления происхождения текста с помощью доступных средств, важно определить перечень особенностей, качественно отличающих ЕСТ от ИСТ. Для этого выполняются два взаимодополняющих вида анализа текста: экспертная человеческая оценка и автоматизированная оценка с помощью БЯМ. При проведении исследования оцениваются и ЕСТ, и ИСТ. Выполнение данного условия методологически необходимо, оно делает задачу идентификации нетривиальной, а результат экспертизы – значимым и поддающимся интерпретации. Таким образом, данный этап предполагает выполнение нескольких последовательных шагов.

1. Подготовительная работа. Необходимо сформировать систему лингвистических критериев, на которую будут опираться как эксперты, так и языковые модели. Критерии должны отражать значимые особенности текста и учитывать специфику конкретного жанра и дискурса. Весь их объем целесообразно разделить на два класса: 1) общеязыковые (лексико-семантические и грамматические) критерии, релевантные вне зависимости от жанровой принадлежности текста; 2) дискурсно-специфичные критерии, отражающие особенности конкретной коммуникативной сферы.

Общеязыковые критерии в науке рассмотрены достаточно детально: исследователи ИСТ предлагают списки недостатков и ограничений, с которыми они столкнулись в ходе анализа генерации. На основе выдвинутых в существующих работах положений сформулированы критерии первой общеязыковой группы, которые могут оставаться неизменными независимо от выбранного объекта генерации. Дискурсно-специфичные критерии устанавливаются на основе анализа нормативных требований к текстам соответствующего жанра и научных работ, посвященных генерации контента в избранной сфере. Результатом анализа является перечень параметров, очерчивающих проблемное поле достижения качества текстов, порождаемых БЯМ, применительно к конкретному дискурсу. В случае научного дискурса источниковую базу составляют методические указания по написанию научных работ и исследования, затрагивающие аспекты генерации академического контента.

Анализ позволяет выделить следующие общеязыковые критерии для научного дискурса:

- 1) отсутствие необоснованных лексических повторов [10–13];
- 2) отсутствие тавтологии [14];
- 3) лексическое разнообразие, отсутствие шаблонности, клише [10; 14];
- 4) уместное, логичное, обоснованное и правильное употребление терминов, специальных сокращений [10; 12];
- 5) отсутствие однотипных идей в предложениях, формулировок одной и той же мысли разными словами, «закольцованности» темы [10; 11; 15];
- 6) разнообразие синтаксических конструкций, отсутствие однотипных схем (сложноподчиненное предложение с придаточными определительным или изъяснительным, причастные обороты в постпозиции, прямой порядок слов, частотное выражение предиката с помощью глагола *мочь*, длинные предложения с обилием причастных и деепричастных оборотов, придаточных предложений и др.) [13];
- 7) семантическая точность, соблюдение лексической сочетаемости [10; 13; 15];
- 8) отсутствие грамматических (морфологических и синтаксических) ошибок [10];
- 9) орфографическая грамотность [10];
- 10) пунктуационная грамотность [10; 13].

Также анализ позволяет определить дискурсно-специфичные критерии для научного дискурса:

- 1) высокий уровень научности темы и круга проблем, изложенных в тексте [16];
- 2) высокая степень информативности, доказательности, достоверности полученных результатов [16];
- 3) внешнее оформление научного текста в соответствии с жанром, правильность оформления таблиц, графиков, рисунков, формул, ссылок [16];
- 4) оценка соответствия композиции текста жанру, наличие структурно-композиционных элементов (введения, основной части, заключения) [16; 17];

- 5) соответствие лексических, фразеологических, морфологических, синтаксических единиц научному стилю [16];
- 6) текстуально-стилистическое соответствие нормам научного стиля, отсутствие фрагментов текста, относящихся к другому стилю [16];
- 7) коммуникативно-стилистическое соответствие нормам научного стиля, адекватность содержания текста коммуникативному намерению автора [16];
- 8) абстрагированность, объективность, нейтральная эмоциональность изложения [16];
- 9) отсутствие логических ошибок, точность формулировок [11; 13; 15];
- 10) присутствие корректных цитат из существующей научной литературы [10];
- 11) отсутствие фактических ошибок, искажения фактов, недостоверной информации, нерелевантных примеров [10; 11; 17];
- 12) оправданное последовательное членение текста на смысловые абзацы [12];
- 13) точное и доказательное формулирование позиций, обозначающих личный вклад автора в осмысление или решение проблемы [17];
- 14) отсутствие второстепенной информации, не относящейся к проблеме [17];
- 15) глубокое раскрытие темы, завершенность идеи [18].

Представленный список является предварительным, так как он лишь намечает ориентиры в изучении искусственного текстопорождения. Предполагается, что в ходе исследования будут выявлены дополнительные критерии, по которым БЯМ уступают человеку, и (или) детализированы указанные критерии.

2. Экспертная оценка. Для организации единообразной работы экспертов необходимо разработать анкету, состоящую из двух блоков. Первый блок может быть посвящен категоризации текста: эксперту предлагается определить, является предъявленный текст антропогенным или искусственно созданным (процедура описана на этапе 2 предлагаемой методики). Второй блок может включать табличный перечень лингвистических критериев, разделенных на два класса (общезыковые и дискурсно-специфичные критерии). Объединение обоих блоков в единую анкету не только снизит нагрузку на экспертов, но и обеспечит согласованность между категоризационным суждением и покритеиальной оценкой, что повысит надежность и интерпретируемость получаемых данных.

Покритеиальная оценка осуществляется по шкале Лайкерта: эксперт оценивает степень соответствия текста требованию, заложенному в каждом критерии. Шкала позволяет выставить оценку по пятибалльной системе, где 1 – ярко выраженное несоответствие требованию; 2 – существенное несоответствие требованию, выраженный недостаток; 3 – частичное соответствие требованию; 4 – высокое соответствие требованию, наличие незначительных недочетов; 5 – полное (эталонное) соответствие требованию.

3. Автоматизированная оценка. В настоящее время существует большое количество метрик для автоматизированной оценки искусственно созданного контента. Лингвисту сложно использовать такие метрики ввиду разрозненности; также они требуют установки различного программного обеспечения, часто возникает необходимость в привлечении специалиста из технической области. Наиболее известными являются традиционные метрики: BLEU (*bilingual evaluation understudy*), ROUGE (*recall-oriented understudy for gisting evaluation*), перплексия (*perplexity*). Они послужили основой для создания инновационных методов оценки производительности БЯМ, но признаются устаревшими, так как рассматривают текст лишь с одной перспективы, а не в совокупности его качеств. Не вполне подходящими для исследования представляются и бенчмарки (тесты, оценивающие производительность БЯМ по заданным критериям), создаваемые для обучения, дообучения БЯМ выполнению той или иной задачи. Бенчмарки являются достаточно узкоспециализированными и, что принципиально для планируемого исследования, негибкими метриками. Помимо этого, наиболее популярные БЯМ уже проанализированы программистами по множеству бенчмарков, информация находится в открытом доступе и является пригодной для интерпретации с лингвистической точки зрения. Стоит учитывать, что исследования чаще всего проводятся на предмет владения моделью английским языком, а показатели производительности БЯМ на русском языке могут разительно отличаться.

Однако опираться лишь на суждения человека в вопросах оценки текста необоснованно: эксперты могут обладать неодинаковым уровнем подготовки, интерпретировать текстовые явления по-разному, расходиться в точках зрения, относиться предвзято. Для реализации автоматизированной оценки ЕСТ и ИСТ предлагается использовать упрощенный вариант распространенного в сфере ИИ метода – метод «БЯМ как судья» (*LLM-as-a-judge*). Для его применения необходимо обратиться к независимым БЯМ, число которых коррелирует с количеством экспертов на предыдущем этапе. Предлагается использовать модели, которые применяются для определения возможности выяснения природы представленного на оценку текста (в настоящем исследовании избраны модели *Grok 4.1*, *Qwen 2.5-Max*, *Claude Sonnet 4.6*). Теперь они привлекаются как лингвисты-эксперты, способные провести качественный анализ по заданным критериям. БЯМ анализируют текст по тем же критериям, что и эксперты. Каждому

БЯМ-оценщику последовательно предоставляются оцениваемые ЕСТ и ИСТ, а также структурированная промпт-инструкция, описывающая каждый из критериев, с требованием выставить оценку по шкале Лайкерта (описание каждого из пяти пунктов шкалы также приводится в промпте).

4. Сравнение итоговых количественных показателей. На основе полученных данных (три экспертные оценки и три оценки БЯМ) производится ряд вычислений. Для каждого проанализированного текста предлагается вычислить следующие показатели:

1) среднюю экспертную оценку, рассчитываемую по формуле

$$E_{Av} = \frac{E_1 + E_2 + E_3}{3},$$

где E_1, E_2, E_3 – итоговые оценки трех экспертов, нижний индекс Av – среднее значение;

2) среднюю оценку БЯМ, рассчитываемую по формуле

$$L_{Av} = \frac{L_1 + L_2 + L_3}{3},$$

где L_1, L_2, L_3 – итоговые оценки трех БЯМ;

3) общую оценку текста (средний показатель всех итоговых оценок), рассчитываемую по формуле

$$O_{Av} = \frac{E_{Av} + L_{Av}}{2}.$$

Максимально возможное значение O_{Av} указывает на полное соответствие анализируемого текста требованиям, предъявляемым к качественному научному произведению. Тексты, получившие общую оценку 80 % и более, можно расценивать как высококачественные; тексты, получившие общую оценку 60–79 %, – как удовлетворительные; тексты, получившие общую оценку менее 59 %, – как низкокачественные.

При количественных расхождениях между E_{Av} и L_{Av} необходимо найти разницу между человеческой и автоматизированной оценками для выявления значимости этих расхождений. Абсолютную разницу предлагается высчитывать по формуле

$$D_{Av} = E_{Av} - L_{Av},$$

где значение $D_{Av} > 0$ указывает на то, что эксперты оценили текст выше, чем БЯМ, а значение $D_{Av} < 0$ говорит о том, что больше высоких оценок тексту поставили БЯМ. Определить значимость расхождений в оценках предлагается с помощью формулы расчета относительной разницы между показателями в процентном соотношении

$$D_{\%} = \frac{|E_{Av} - L_{Av}|}{O_{Av}} \cdot 100.$$

При $D_{\%} > 10$ % расхождения стоит считать значимыми и требующими отдельного лингвистического комментария.

Если общие оценки текстов дают представление о качестве текста в целом, то покритериальный анализ позволяет выявить конкретные языковые характеристики, по которым ЕСТ и ИСТ наиболее последовательно различаются. Для каждого критерия, по которому производилась оценка, отдельно рассчитываются несколько показателей:

1) средняя экспертная оценка по критерию, вычисляемая по формуле

$$E_{k, Av} = \frac{E_{1, k} + E_{2, k} + E_{3, k}}{3},$$

где $E_{1, k}, E_{2, k}, E_{3, k}$ – оценки трех экспертов по отдельному критерию, нижний индекс k – критерий;

2) средняя оценка БЯМ по критерию, вычисляемая по формуле

$$L_{k, Av} = \frac{L_{1, k} + L_{2, k} + L_{3, k}}{3},$$

где $L_{1, k}, L_{2, k}, L_{3, k}$ – оценки трех БЯМ по отдельному критерию;

3) разница между средней экспертной оценкой по критерию и средней оценкой БЯМ по критерию, вычисляемая по формуле

$$\Delta_k = E_{k, Av} - L_{k, Av}.$$

Значение $\Delta_k > 0$ указывает на то, что БЯМ оценивают текст строже (ниже), чем эксперты, т. е. языковые модели лучше замечают недостатки по этому критерию. Значение $\Delta_k < 0$ говорит о том, что

эксперты лучше выявляют ошибки по этому критерию. Нулевое или близкое к нулю значение предполагает сходное восприятие текста.

Критерии, которые для ИСТ демонстрируют разницу менее 3,5, помечаются как характерные слабости искусственного дискурса, доступные человеческому восприятию. Сравнение экспертных оценок по всем критериям позволит установить, какие черты являются наиболее выраженными и регулярными в ИСТ (значение показателя $E_{k, Av}$ в таких случаях будет низким), а какие – единичными, менее заметными (показатель $E_{k, Av}$ в таких случаях будет высоким, близким к 5). В наиболее неоднозначных случаях рекомендуется обращение к экспертам с вопросом о причинах выставления той или иной оценки по определенному критерию.

Научными результатами такого подхода станут количественное измерение согласованности между разными когнитивными системами (человек и ИИ) в оценке текстов обоих типов; выявление аспектов, в которых ЕСТ и ИСТ наиболее последовательно различаются в восприятии экспертов и БЯМ; выдвижение гипотез о причинах, по которым одни различия оказываются заметными для человека и (или) БЯМ, тогда как другие остаются незамеченными; формирование корпуса лингвистических маркеров, характерных для текстов, которые созданы с использованием ИИ, и подтвержденных через сопоставление с ЕСТ того же жанра.

Заключение

В лингвистической традиции текстопорождение является когнитивно-коммуникативным процессом, основанным на интенциональности, языковой компетенции и представлениях говорящего о мире. Искусственное текстопорождение БЯМ – статистическое предсказание следующего элемента на основе опыта обучения на больших массивах данных. Сама природа современных БЯМ (оперирование формой языка, а не его содержанием) обуславливает появление семантических (фактические ошибки, искажения), прагматических (неспособность к распознаванию неявных смыслов), дискурсивных (нарушение логической и тематической связности), аксиологических (воспроизведение стереотипов и предвзятостей из обучающих корпусов данных), интенциональных (отсутствие целеполагания и планирования высказывания) и других ошибок. Перечисленное позволяет квалифицировать ИСТ как имитацию, визуально сходную с антропогенным текстом, но онтологически отличную от него.

Осознание дистанции между естественным и искусственным текстопорождением делает очевидной недостаточность существующего исследовательского инструментария. Как экстеральные, так и интернальные ограничения современного состояния изучения данной проблемы обуславливают отсутствие системной методики, позволяющей изучать продукты искусственного текстопорождения с учетом технической и лингвистической специфики БЯМ. Перспективным направлением представляется лингвистически ориентированное исследование на материале синтетического языка, способное выявить ограничения БЯМ, которые не были замечены при изучении англоязычных ИСТ.

Совокупность предложенных в работе решений образует воспроизводимую методику исследования способностей БЯМ к текстопорождению, применимую к любому языку и дискурсу. Интегративная лингводискурсивная методика исследования продуктов искусственного текстопорождения подразумевает реализацию последовательных шагов в рамках трех этапов исследования.

Этап 1 (формирование корпуса антропогенных и сгенерированных текстов) включает формулирование требований к отбору БЯМ, согласованных с целью исследования; обоснование выбора БЯМ в соответствии с установленными требованиями; определение дискурса и (или) жанра как объекта текстогенерации и обоснование его выбора с опорой на цель исследования; характеристику жанрово-стилистической специфики выбранного объекта генерации; установление критериев отбора антропогенных текстов-эталонов; отбор антропогенных текстов-эталонов из авторитетных источников в соответствии с установленными критериями; составление промптов на основе отобранных текстов-эталонов с учетом жанрово-стилистических требований к объекту генерации; определение сопоставимых режимов работы для каждой из выбранных БЯМ, наиболее точно имитирующих условия естественного текстопорождения; адресацию идентичных промптов каждой из выбранных БЯМ в установленных режимах работы; выгрузку полученных выданных и приведение их к единому формату; интеграцию ИСТ в корпус.

Этап 2 (тестирование инструментов выявления искусственно созданного контента) подразумевает отбор и обоснование выбора оценщиков (экспертов, независимых БЯМ, не входящих в перечень моделей-генераторов корпуса, ИИ-детекторов); предъявление естественных и сгенерированных текстов корпуса без указания на их происхождение трем типам оценщиков с задачей отнести каждый текст к категории антропогенных либо искусственно созданных текстов; обработку результатов на основе матрицы ошибок (вычисление показателей общей точности, точности положительного прогноза, полноты и F1-меры для каждого типа оценщиков); сопоставление полученных показателей; формулирование выводов о надежности инструментов идентификации сгенерированного текста.

На этапе 3 (экспертная и автоматизированная оценка сгенерированных текстов) осуществляются формирование общеязыковых критериев оценки сгенерированных текстов, отражающих зафиксированные в научной литературе недостатки БЯМ в генерации текста; формирование дискурсно-специфических критериев, отражающих дискурсивные, жанрово-стилистические и коммуникативно-прагматические особенности выбранного объекта генерации; разработка двусоставной анкеты для экспертной оценки на основе процедуры категоризации текста и перечня критериев, оцениваемых с применением градуированной шкалы; предъявление анкеты экспертам-оценщикам; составление структурированного промпта для автоматизированной оценки, воспроизводящего критерии и шкалу, которые используются в экспертной анкете; адресация составленного запроса отобранным БЯМ-оценщикам; сбор и первичная систематизация оценок экспертов и БЯМ; математическая обработка результатов экспертной и автоматизированной оценок (расчет средних значений по каждому типу оценки, общей оценки текста, абсолютной и относительной разницы между человеческими суждениями и выдачами БЯМ); выявление критериев, которые человек и БЯМ оценивают по-разному; интерпретация зафиксированных расхождений; формулирование выводов о специфике сгенерированных текстов, границах возможностей БЯМ при порождении исследуемого типа текста и безопасном использовании БЯМ в текstopорождении.

Предложенный подход преодолевает характерную для существующих исследований сфокусированность только на технических или лингвистических аспектах, соединяет экспертную и автоматизированную оценку в единую процедуру. Феномен искусственного текstopорождения становится доступен системному изучению, воспроизводимому, количественно и качественно верифицируемому и открытому для применения на любом языковом и жанровом материале. Разработанная интегративная лингводискурсивная методика исследования продуктов искусственного текstopорождения открывает перспективы для накопления данных о качестве искусственного текstopорождения в разных областях, позволяет осмыслить природу сгенерированного текста и совершенствовать инструменты его идентификации и оценки.

Методика апробирована на материале научных текстов различных жанров – статей, аннотаций и рецензий. На ее основе готовится серия работ, в том числе научные статьи «Оценка эффективности инструментов идентификации естественного или искусственного происхождения текста на примере научных статей» и «Экспертная оценка качества антропогенных и сгенерированных научных статей в сопоставлении с автоматической оценкой больших языковых моделей», а также аналогичных исследований, посвященных аннотациям и рецензиям. Воспроизводимость методики на любом языковом и жанровом материале определяет ее потенциал как универсального инструмента лингвистического анализа продуктов искусственного текstopорождения и основы для разработки практических рекомендаций в области детекции ИСТ, повышения качества работы БЯМ и регулирования их использования в профессиональной коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Авраменко АП. *Большие языковые модели в лингвистике и лингводидактике*. Москва: Книжный дом «Университет»; 2023. 129 с. Совместно с издательством «Добросвет». DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1343-0-2023-129.
2. Vaswani A, Shazeer N, Parmar N, Uszkoreit J, Jones L, Gomez AN, et al. Attention is all you need. arXiv:1706.03762 [Preprint]. 2017 [cited 2026 February 24]: [15 p.]. Available from: <https://arxiv.org/abs/1706.03762>. DOI: 10.48550/arXiv.1706.03762.
3. Floridi L. AI as agency without intelligence: on ChatGPT, large language models, and other generative models. *Philosophy & Technology*. 2023;36(1):15. DOI: 10.2139/ssrn.4358789.
4. Bender EM, Gebru T, McMillan-Major A, Shmitchell S. On the dangers of stochastic parrots: can language models be too big? In: Association for Computing Machinery. *FAccT'21. Proceedings of the 2021 ACM conference on fairness, accountability, and transparency*; 2021 March 3–10; Canada. New York: Association for Computing Machinery; 2021. p. 610–623. DOI: 10.1145/3442188.3445922.
5. Yi Q, He Y, Wang J, Song X, Yuan X, Li K, et al. Score: story coherence and retrieval enhancement for AI narratives. arXiv:2503.23512 [Preprint]. 2025 [cited 2026 March 4]: [20 p.]. Available from: <https://arxiv.org/abs/2503.23512>. DOI: 10.2139/ssrn.5243040.
6. Гончаров ДС, Григорьев СВ. Большие языковые модели на примере чат-ботов GPT-3: сегодняшние реалии, проблемы истины, преимущества и опасности. В: Бабаева ЗШ, редактор. *Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности. Материалы XV Международной научно-практической конференции*; 15 марта 2023 г.; Москва, Россия. Москва: Алеф; 2023. с. 283–290. EDN: PLQEBO.
7. Панда П, Сычева А. *ChatGPT. Мастер подсказок, или как создавать сильные промты для нейросети*. Санкт-Петербург: Питер; 2024. 221 с. (IT для бизнеса).
8. Волкова ЕБ. Структурно-семантические качества двухкомпонентных сложноподчиненных предложений изъяснительно-объектного типа в научном стиле русского языка (на материале произведений математического цикла). *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. 2011;17(1):86–90. EDN: OJPGMD.
9. Хохлова МВ, Коришев МВ. Сравнительный анализ сгенерированных и оригинальных аннотаций научных статей по филологической тематике. *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2024;24(6):999–1006. DOI: 10.17586/2226-1494-2024-24-6-999-1006.
10. Оломская НН, Юрова ЕА. Лингвопрагматические особенности сгенерированного текста в медиадискурсе социальных сетей (на примере текстов о выборах губернатора в Нижегородской области – 2023 в России). *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2025;2:302–324. DOI: 10.18384/2224-0209-2025-2-1649.

11. Айдагулова АР. Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом. *Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*. 2023;4:154–156. EDN: ROEFNK.
12. Мельничук АО. Способы и методы обнаружения искусственно созданного текста. В: Ломовая АВ, редактор. *Соловьевские чтения – 2024*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2024. с. 191–195.
13. Безуглый ТА, Ершова МЕ. Использование текстовых нейросетей и искусственного интеллекта в учебных работах студентов. *Проблемы современного образования*. 2023;5:206–216. DOI: 10.31862/2218-8711-2023-5-206-216.
14. Тельпов РЕ, Ларцина СВ. Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в количественном аспекте. *Научный диалог*. 2023;12(7):47–65. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-47-65.
15. Осетрова ЕВ, Седова АВ. Характеристики сгенерированного текста: языковой и социально-коммуникативный анализ. *Сибирский филологический форум*. 2025;31(2):45–55. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-2-45-55.
16. Вагнер МНЛ, Овезова УА. Компоненты, критерии оценки и показатели уровня сформированности умений академической письменной речи студентов-магистрантов. *Мир науки, культуры, образования*. 2019;5:292–294. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00120.
17. Ванюшкина ЛМ, Тихомиров СА, Куракина ИИ. Как написать хорошую научную статью для серьезного научного журнала? *Традиционное прикладное искусство и образование*. 2019;1:40–54. EDN: AXJKHK.
18. Ву ТТХ. Ограничения систем автоматического мышления, влияющие на способность имитации письменной речи. В: Бряник НВ, Томильцева ДА, Андрихина ЛМ, Карташева АА, редакторы. *Инженерное мышление: социальные перспективы. Материалы Международной междисциплинарной конференции; 12–13 февраля 2020 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Деловая книга; 2020. с. 181–186. EDN: REGKVA.

Статья поступила в редколлегию 01.06.2026.
Received by editorial board 01.06.2026.

РЕЦЕНЗИИ

Рэцэнзіі

REVIEWS

Русская и белорусская литературы рубежа XX–XXI веков : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. юбилеям проф. каф. рус. лит. Белорус. гос. ун-та И. С. Скоропановой и С. Я. Гончаровой-Грабовской (Минск, 9–10 окт. 2025 г.) / редкол.: С. Я. Гончарова-Грабовская (гл. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2026. 203 с.

Руская і беларуская літаратуры мяжы XX–XXI стагоддзяў : матэрыялы V Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. юбілеям праф. каф. рус. літ. Беларус. дзярж. ун-та І. С. Скарапанавай і С. Я. Ганчаровай-Грабоўскай (Мінск, 9–10 кастр. 2025 г.) / рэдкал.: С. Я. Ганчарова-Грабоўская (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : РІВШ, 2026. 203 с.

Russian and Belarusian literature at the turn of the 20th and 21st centuries : mater. of the V Intern. sci. and pract. conf., dedic. to the anniv. of prof. I. S. Skoropanova and S. Ya. Goncharova-Grabovskaya of the dep. of Russ. lit. at the Belarus. State Univ. (Minsk, 9–10 Oct. 2025) / ed. board: S. Ya. Goncharova-Grabovskaya (ed.-in-chief) [et al.]. Minsk : NIHE, 2026. 203 p.

Сборник «Русская и белорусская литературы рубежа XX–XXI веков», вышедший в 2026 г. в издательстве «РИВШ», включает материалы V Международной научно-практической конференции, которая состоялась 9–10 октября 2025 г. на филологическом факультете Белорусского государственного университета. Конференция была приурочена к юбилеям профессоров кафедры русской литературы И. С. Скоропановой и С. Я. Гончаровой-Грабовской. Как отмечает редакционная коллегия, их «многолетний самоотверженный труд, энциклопедические знания и глубокая преданность литературе заложили прочный фундамент для современных исследований и во многом определили интеллектуальные ориентиры, которых придерживаются авторы настоящего издания» (с. 4). В сбор-

нике размещены статьи ученых Беларуси, России, Черногории, Китая, отражающие широкий круг актуальных проблем русской и белорусской литературы новейшего времени. Он адресован филологам и всем, кто интересуется современным литературным процессом Беларуси и России.

Составители рецензируемого сборника, следуя четкой логике, расположили материалы в четырех основных тематических разделах: «I. Современная русская и белорусская проза», «II. Современная русская и белорусская драматургия», «III. Современная русская и белорусская поэзия», «IV. Новые подходы в изучении русской и белорусской литературы».

Первый раздел открывает представляющая высокий интерес своим инновационным содержанием статья И. С. Скоропановой «Феномен трансгуманизма в современной русской прозе». В статье с использованием междисциплинарного метода исследования разъясняется понятие «трансгуманизм» и предлагается убедительная трактовка данного феномена, основанная на богатом фактическом материале: произведениях писателей-интеллектуалов, обращавшихся к футурологическому моделированию (Эдуарда Лимонова, А. Зиновьева, В. Сорокина, А. Королёва, Е. Водолазкина, К. Бенедиктова, Д. Глуховского, В. Рыбакова, В. Пелевина). Детально проанализировав их разнообразные и в то же время взаимодополняющие точки зрения на трансгуманизм и центральную для него проблему реального бессмертия, ученый приходит к выводу о понимании русскими писателями неоднозначности явления трансгуманизма, имеющего как позитивную, так и негативную стороны. Писатели показывают, что технологический прорыв ведет к замещению в постчеловеческом будущем целостного человека его частью либо искусственной копией. По мнению автора статьи, рассмотренные антиутопии предупреждают о том, что «без полноценного человека полноценного общества быть не может», а «высказанные соображения

русских писателей способны породить в трансгуманизме новую струю» (с. 20).

Далее в разделе представлены исследования, раскрывающие различные грани современной прозы Беларуси и России. Авторами статей затрагиваются такие темы, как аксиологическая направленность реалистической парадигмы в современной белорусской малой прозе (статья М. М. Воиновой-Стрежи «Особенности новой реалистической парадигмы в малой прозе В. Степана»), аксиосфера русской прозы в контексте литературной традиции деревенской прозы (статья Н. З. Коковиной и И. П. Михайловой «Концепт “заветная земля” в художественном пространстве прозы курских писателей: аксиологический аспект»), социальная ответственность автора в современном литературном процессе (статья И. И. Морозовой «Современная художественная литература и манипулирование общественным сознанием»), традиция «петербургского текста» и ее продолжение в русском историко-культурном пространстве (статья М. С. Праведниковой и Н. В. Францовой «“Река Оккервиль” Татьяны Толстой как “петербургский текст”»), изменение архетипической и традиционной семантики образов отца и сына в постклассической прозе XX–XXI вв. (статья Т. Л. Рыбальченко «Мотив разгадывания отца в романах В. Набокова, Д. Галковского, А. Иличевского»), способы реализации авторских стратегий современных писателей в интернет-пространстве на примере Г. Яхиной и ее романа «Зулейха открывает глаза» (статья С. А. Старостиной «Авторские стратегии Г. Яхиной в Сети»).

Отдельно отметим статьи Т. А. Терновой «Специфика жанрообразования в прозе А. Варламова» и О. В. Щегольковой «Формы травматического опыта в романе А. Геласимова “Чистый кайф”». Т. А. Тернова размышляет о жанровом экспериментировании как показательной черте традиционалистской прозы А. Варламова. Рассмотрев ряд его произведений с их жанровыми обозначениями, введенными самим писателем-литературоведом (повесть сердца «Дом в деревне», сентиментальная история «Здравствуй, князь!», роман без границ «Одсун»), исследователь вполне обоснованно констатирует, что «избираемые автором жанровые номинации обусловлены эмоциональной наполненностью текстов, напрямую связаны с их содержанием» (с. 75). О. В. Щеголькова анализирует способы, с помощью которых в романе А. Геласимова «Чистый кайф» реализуется задача отражения исторической травмы, переживаемой несколькими поколениями россиян в XX в., фиксируются ее проявления и опыт психологического преодоления. В статье раскрываются функции деталей обстановки, мимоходом отмечаемых рассказчиком, отдельных реплик персонажей и интертекстуальных отсылок в воссоздании определенного культурного фона и атмосферы «страшных российских девят-

ностях» (с. 79). Жизненный путь центрального героя, разворачивающийся на историческом фоне, который возникает из его воспоминаний о событиях двадцатилетней давности, исследовательница обозначает как «аутоагрессию и избавление от нее» (с. 82). В статье предложено такое прочтение произведения, которое позволяет увидеть, как через обращение к событиям прошлого и соотнесение разных временных пластов современный писатель актуализирует в сознании читателя традиционные ценности и смысложизненные вопросы.

Второй раздел сборника начинается с концептуальной статьи С. Я. Гончаровой-Грабовской «Русская и белорусская драматургия на рубеже XX–XXI веков (стратегии развития)». В ней не только глубоко и полно проанализированы наметившиеся пути дальнейшего развития русской и белорусской драматургии, которое сопровождается сменой художественной парадигмы, но и описана масштабная картина драматургического процесса в обеих литературах конца XX – начала XXI в., отмечены многочисленные значимые события нового этапа театральной жизни двух стран (театры, конкурсы, фестивали). Исследовательское внимание сфокусировано на социальной направленности проблематики русской и белорусской драматургии, изменениях в их жанровой сфере (возвращение социальной и документальной драмы, монодрамы, драмы абсурда), появлении героя со своей национальной спецификой (маргинального, самоутверждающегося, ущербного героя, героя-жертвы и др.). В компаративистском ключе рассмотрено творчество ведущих драматургов России (Н. Коляда, В. Сигарев, Я. Пулинович, О. Богаев, Л. Петрушевская и др.) и Беларуси (Е. Попова, Д. Богославский, Н. Рудковский, П. Пряжко и др.). Автор статьи заключает, что в русской и белорусской драматургии рубежа XX–XXI вв. много общего как на уровне проблематики, так и на уровне героя и жанра. В то же время «их отличает решение художественных задач, обусловленных национальной ментальностью и авторской индивидуальностью» (с. 91). Отмечается влияние отдельных белорусских авторов (П. Пряжко) на новейшую драматургию России, свидетельствующее о занятии современной белорусской драмой своей ниши в текущем драматургическом процессе.

Продолжают анализ современной драматургии России О. В. Журчева, Т. В. Журчева и Л. Г. Тютелова. Статья О. В. Журчевой «Перфоративный потенциал новейшей российской драмы в области социального театра» раскрывает суть феномена социального театра, или театра социальных изменений, как направления современного театра, привлекающего внимание к острым общественным проблемам, важнейшей из которых является инклюзия. Исследователь анализирует пьесы современных драматургов (Даны Сидерос, М. Райцес,

А. Игнашова), затрагивающие проблемы инклюзии, социализации подростков и тем самым реализующие потенциал новой перформативности. На примере анализируемых пьес автор статьи демонстрирует активное использование в социальном театре таких техник нового документализма, как сторителлинг, вербатим, форум-театр, плейбек, театротерапия и др.

В статье Т. В. Журчевой «Создание видео и аудиоряда как авторская стратегия драматургии Вадима Леванова (на материале пьесы “Роман с Онегиным”)» дан обстоятельный разбор пьесы драматурга, в которой особенно ярко проявилась одна из принципиальных авторских стратегий: соединение визуализации драматургического текста с аудиорядом, представленным музыкой Чайковского. В статье утверждается, что игровой мир, созданный драматургом, – «это мир сознания человека XXI века, в котором Пушкин и Чайковский, роман и опера, как и все остальные герои Пушкина и не только его, существуют одновременно» (с. 105).

Предметом статьи Л. Г. Тютеловой «Диалог с читателем / зрителем в современной драматургии для подростков» явились особенности подростковой драмы – ее сюжеты, герои и их конфликтные отношения с миром. По мнению литературоведа, новейшая драматургия для подростков, обращаясь к личному опыту зрителя, продолжает традиции новой драмы, пользуясь разнообразными «способами организации диалога между автором, его героем и зрителем», такими как «актуальный для зрителя жизненный материал, близкий контакт с героем-соверстником, ненавязчивые ответы, экспериментальные сюжеты с открытым финалом» (с. 115).

Третий раздел сборника составили четыре статьи. В большой, чрезвычайно информативной статье Н. Андрич «Мифопоэтические мотивы в творчестве Михаила Кукина» выявляются механизмы интеграции мифологических структур, образов и мотивов, анализируются способы их семантической трансформации в творчестве М. Кукина – представителя коньковской школы. Как считает Н. Андрич, «его поэтика демонстративно дистанцируется от основополагающих установок постмодернизма», «поэзию Михаила Кукина можно отнести к неотрадиционалистской» (с. 119). В статье находит подтверждение авторская гипотеза об использовании М. Кукиным мифопоэтических и сакральных элементов в качестве поэтического ответа на секуляризацию и кризис духовности в современном мире. Проведенное исследование дает его автору основание утверждать, что в творчестве М. Кукина «классические поэтические формы и архетипические мотивы трансформируются в диалоге с актуальными экзистенциальными, социальными и духовными темами» (с. 129).

В других статьях данного раздела раскрываются тенденции современной белорусской поэзии.

А. В. Дубровский анализирует использование прозаизмов в контексте поэтической системы современного белорусского автора (статья «Прозаизм как художественное средство в поэзии Петра Жолнеровича»). Л. Д. Синькова исследует особенности воплощения идеи высокой красоты в произведениях Л. Дранько-Майсюка – поэта, увлеченного европейским авангардом, своей эстетской лирикой и эссеистикой расширяющего семиосферу белорусской культуры (статья «Поэтизация красоты в современной белорусской лирике (на материале творчества Л. Дранько-Майсюка)»). И. И. Шматкова рассматривает жанровую специфику и идейно-тематическое наполнение поэтических миниатюр Г. Корженевской, представленных в ее лирических сборниках «Вершенята» и «Вершенята-2» (статья «“Вершенята”: поэтические миниатюры Г. Корженевской»).

Разнообразна тематика и проблематика научных статей, вошедших в четвертый раздел сборника. Обращает на себя особое внимание статья В. А. Воропаева «Русская эмиграция о Гоголе». Ее автор, известный российский гоголевед, председатель Гоголевской комиссии Научного совета РАН «История мировой культуры», лаконично характеризует работы ученых русского зарубежья, посвященные целому ряду аспектов творчества Н. В. Гоголя (воплощение религиозного мирозерцания в художественном мире писателя, Гоголь и Достоевский, христианское отношение к смеху, проблема пошлости, поэтика страха, театральная эстетика, эволюция писателя, ритм прозы, проблема человека). В частности, в статье отмечается, что «во многом благодаря работам К. В. Мочульского, В. В. Зеньковского, Д. М. Чижевского, С. Л. Франка впервые были опровергнуты укоренившиеся в литературоведении ложные концепции личности Гоголя» (с. 158). Подытоживая свой аналитический обзор, В. А. Воропаев констатирует, что «эмигрантское гоголеведение органично вошло в научный оборот современного литературоведения», и подчеркивает значимость работ представителей русского зарубежья, которые «знаменовали собой новый, важнейший этап в освоении творческого наследия Гоголя» (с. 160).

В статье С. П. Праведникова и Н. В. Францовой «Что читали курские гимназисты (по материалам романов Е. Л. Маркова)» исследуется лексика, связанная с процессом чтения, описываются предпочтения гимназистов в учебной сфере и в области художественной литературы. В результате разбора текстов автобиографических романов Е. Л. Маркова «Барчуки. Картины прошлого» и «Учебные годы старого барчука. Рассказы из прошлого» авторы статьи приходят к выводу о том, что «в жизни провинциального гимназиста процесс чтения вбирал в себя весь диапазон значения этого глагола» (с. 170).

Статья Т. П. Сидоровой «“Беседы с русским народом” архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского) как образец литературной критики»

знакомит читателей с литературно-критической частью бесед архиепископа Иоанна Шаховского, со спецификой его литературно-критических воззрений как духовного писателя на творчество Н. В. Гоголя, К. Ф. Рылеева, И. А. Крылова, Ф. М. Достоевского. Автор статьи вводит в типологию литературной критики новый тип критиков – духовных писателей, выявляет инструментарий, приемы литературной критики владыки и впервые анализирует понятие «пневматологический феномен», используемое отцом Иоанном в качестве критерия истинного творчества. С точки зрения исследовательницы, «...просветительский подход владыки Иоанна имеет важное значение для понимания исторической модели взаимодействия Церкви и литературы. И сегодня он [владыка Иоанн] может быть востребован как пример эрудированного образованного пастыря, который может использовать в своей миссионерской работе литературные произведения» (с. 183).

В статье Н. В. Сорокиной «Творчество Е. А. Боратынского в критике рубежа веков: к 225-летию со дня рождения поэта» обзревается программные критические высказывания о личности и творчестве Е. А. Боратынского деятелей двух рубежных периодов (конца XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI в.), анализируются особенности рецепции его поэзии «в двух узловых моментах истории русской литературы» (с. 186). По мнению автора статьи, многочисленные критические отклики о личности и поэзии Е. А. Боратынского «еще недостаточно систематизированы» (с. 192), «поэтому требуется отдельное издание, возможно, в серии “Pro et contra”... чтобы обобщить, полноценно представить работы о том, кого вслед за Пушкиным и современники, и потомки называют поистине оригинальным русским поэтом, – о Е. А. Боратынском» (с. 193).

Завершает четвертый раздел и весь сборник статья З. И. Третьяк «Психологизм как ведущий художественный прием изображения военной действительности в прозе В. Гаршина и С. Крейна», в которой предлагается сравнительно-сопоставительное рассмотрение произведений на военную тему русского и американского писателей XIX в. В рассказах В. Гаршина «Трус», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Очень коротенький роман», «Четыре дня» и романе С. Крейна «Алый знак доблести» важная роль отведена приему психологической интроспекции, позволившему зафиксировать работу сознания персонажей в условиях войны. Как показано в статье, обращаясь к различным формам данной интроспекции, оба автора «преследуют одну цель: детально изобразить внутренний мир человека, находящегося в кризисной ситуации, которая ускорила процесс самопознания» (с. 200).

Таким образом, анализ сборника материалов V Международной научно-практической конференции «Русская и белорусская литературы рубежа XX–XXI веков», посвященной юбилеям профессоров кафедры русской литературы БГУ И. С. Скоропановой и С. Я. Гончаровой-Грабовской, позволяет заключить, что название сборника соответствует его содержанию, структура логична и последовательна, использованные авторами источники и все статьи являются актуальными и обладают научной новизной, теоретической и практической значимостью. Материалы рецензируемого сборника вносят важный вклад в современное литературоведение и представляют несомненный интерес не только для исследователей новейших русской и белорусской литератур, но и для подготовленных читателей.

С. С. Яницкая¹

¹Светлана Станиславовна Яницкая – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета.

Святлана Станіславаўна Яніцкая – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Svetlana S. Yanitskaya, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: svetlana.yanitskaya@gmail.com

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

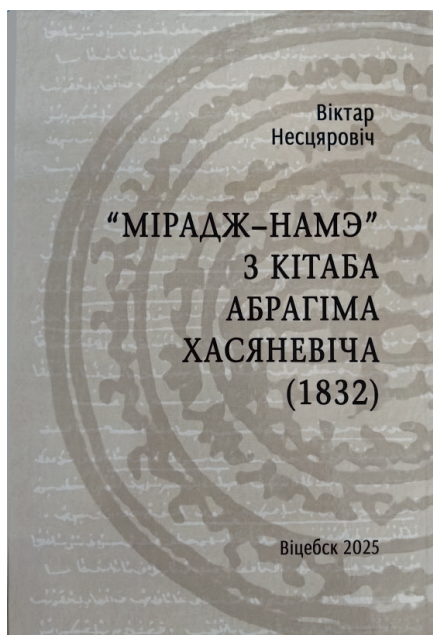
КАЛОНКА ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

О КИТАБАХ И НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ БЕЛОРУСОВ

ПРА КІТАБЫ І НАЦЫЯНАЛЬНА-МОЎНУЮ САМАІДЭНТЫФІКАЦЫЮ БЕЛАРУСАЎ

ABOUT KITABS AND NATIONAL LINGUISTIC SELF-IDENTIFICATION OF BELARUSIANS

Мінулы год для беларускага кітабіста Віктара Іванавіча Несцяровіча стаў у многім знакавым і найперш азнаменаваўся выхадам з друку манаграфічнага даследавання «Мірадж-намэ» з кітаба Абрагіма Хасяневіча (1832). Аб'ектам навуковага даследавання кандыдата філалагічных навук дацэнта Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава стаў беларускамоўны пераклад асманска-турэцкай паэмы «Мірадж-намэ», у якой аб'яднаны два папулярныя ў народным ісламе паданні: начны перанос у Іерусалім і нябеснае ўзнясенне прарока Мухамада. Адзін са шматлікіх аўтарскіх варыянтаў легенды на цюркскай мове з падрадкавым перакладам на беларускую мову дайшоў да нашага часу ў складзе славянскамоўных кітабаў татар ВКЛ, менавіта ў кітабе Абрагіма Хасяневіча першай паловы XIX ст. Кітаб Абрагіма Хасяневіча быў адшуканы Ібрагімам Канапацкім у блізкіх сваякоў са Смілавічаў.

Адзначаны варыянт паэмы быў выбраны навукоўцам для лінгвістычнага аналізу зусім не выпадкова. На думку В. І. Несцяровіча, «славянскі варыянт “Мірадж-намэ” вызначаецца выкарыстаннем тагачаснай жывой народнай мовы, яркіх вобразна-выяўленчых сродкаў, самабытнай лексікі, элементаў народнага сінтаксісу. Пры гэтым беларускамоўнаму тэксту ўласціва ў пэўнай меры літаратурна-

пісьмовая апрацоўка і – для свайго часу – арфаграфічная ўнармаванасць. Касмічная тэма – нябеснае падарожжа, прыжыццёвае ўзнясенне (у хрысціянскай тэрміналогіі – ушэсце) чалавека на нябёсы, аўтарская літаратурная апрацоўка легенды, каларытная мова – усё гэта вылучае “Мірадж-намэ” з ліку іншых кітабных тэкстаў» (с. 18–19).

Як вядома, афіцыйны адлік асадніцтва татараў у Беларусі вядзецца з 1397 г., калі пасля паходу Вітаўта на Дон у ВКЛ на беларускія землі прыйшлі прадстаўнікі гэтага этнасу. У новых сацыяльна-гістарычных абставінах перасяленцы забылі сваю родную мову і сталі выкарыстоўваць мову мясцовага насельніцтва (беларускую). Аднак яны мелі права заставацца ў ісламскай веры. У хуткім часе татары ВКЛ

аб'ядналіся ў адносна самастойную этнічную групу. Адсутнасць адзінай пісьмовай мовы, вайсковая служба з выкарыстаннем афіцыйнай мовы дзяржавы, заключэнне шлюбаў з беларусамі (у такіх сем'ях гаварылі на мове маці) і іншыя фактары спрыялі пераходу на славянскую мову. З арабскай і цюркскіх моў перакладалася найперш літаратура рэлігійнага зместу. У XVI ст. пачала фарміравацца славянскамоўная арабскаграфічная традыцыя перакладу, да якой у далейшым дадаліся і капіраванне, перапісванне тэкстаў для патрэб мусульманскай абшчыны і персанальнага выкарыстання ў хатніх умовах.

Наяўнасць значнай у колькасных адносінах арабскаграфічнай беларускамоўнай літаратуры не толькі сведчыць аб этнічна-асіміляцыйных працэсах у самабытнай культуры татар, але і дазваляе гаварыць аб нацыянальна-моўнай самаідэнтыфікацыі выходцаў з Залатой Арды і Крымскага ханства і, адпаведна, аб моўных прыярытэтах карэннага насельніцтва беларускага краю. Менавіта беларуская гаворка стала асновай рэлігійнай талерантнасці прадстаўнікоў розных этнасаў і рэлігійных плыняў, працэсаў моўнага ўзаемаўзбагачэння і міжмоўнага кантактавання. Вынікам апошняга стала значная колькасць арыенталізмаў – слоў арабскага і цюркскага паходжання, якія трывала замацаваліся ў беларускай і польскай мовах татараў былога Вялікага Княства Літоўскага. Большасць з гэтых слоў адносіцца да так званай неперакладальнай (безэквівалентнай) лексікі – тэрмінаў, звязаных з ісламам і прынятымі ў ім рытуаламі.

Скрупулёзна і ўсебакова прааналізаваныя В. І. Несцяровічам моўныя асаблівасці тэксту асманскага рэлігійнага твора «Мірадж-намэ», а таксама транслітарацыя і пераклад яго на сучасную беларускую літаратурную мову сведчаць аб існаванні ўнікальнага феномена ў гісторыі пісьменства і сусветнай культуры.

*М. Р. Пригодзіч*¹

¹Николай Григорьевич Пригодич – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Мікалай Рыгоравіч Прыгодзіч – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Mikalai R. Pryhodich, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: prigodichng@bsu.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АННТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.111(075.8)

Основной иностранный язык (английский) – 4 : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец. 6-05-0232-04 «Романо-германская филология» / БГУ ; сост.: Ю. А. Жукова, П. В. Бурдыко. Минск, 2026. 231 с. : ил. Библиогр.: с. 229–231. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/343270>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 04.03.2026, № 005104032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) с креативным компонентом по учебной дисциплине «Основной иностранный язык (английский) – 4» предназначен для студентов 2 курса филологического факультета специальности 6-05-0232-04 «Романо-германская филология». ЭУМК включает курс грамматики и лексики, творческие и исследовательские задания для формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Пособие носит практический характер, оно нацелено на развитие умения непрерывного самообразования студентов, оказание методической помощи в систематизированном освоении учебного материала и подготовке к текущей аттестации по дисциплине «Основной иностранный язык (английский) – 4». ЭУМК может быть использован для самостоятельной и аудиторной работы.

УДК 811.112.2(075.8)

Иностранный язык (немецкий) : электрон. учеб.-метод. комплекс для всех специальностей углубл. высш. и науч.-ориентир. образования / БГУ ; сост.: Е. А. Пригодич, А. Н. Воробьёва, В. Ю. Рабцевич. Минск, 2026. 73 с. Библиогр.: с. 73. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/343320>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.03.2026, № 005506032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (немецкий)» для всех специальностей углубленного высшего и научно-ориентированного образования предназначен для студентов углубленного высшего и научно-ориентированного образования. Содержание ЭУМК предполагает формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущего специалиста, позволяющей использовать иностранный язык как средство межкультурного профессионального и межличностного общения.

УДК 811.112.2'276.6:91(075.8)

Профессиональная лексика (немецкий язык) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 7-06-0532-01 «География», 7-06-0532-02 «Гидрометеорология», 7-06-0532-04 «Геология», 7-06-0521-01 «Экология» / БГУ ; сост. Е. А. Пригодич. Минск, 2026. 51 с. Библиогр.: с. 51. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/343322>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.03.2026, № 005606032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов углубленного высшего образования (магистратура) БГУ специальностей 7-06-0532-01 «География», профилизации «Цифровые геотехнологии»; 7-06-0532-02 «Гидрометеорология», профилизации «Климатические риски и управление водными ресурсами»; 7-06-0532-04 «Геология», профилизации «Инженерная геология и экономика полезных ископаемых»; 7-06-0521-01 «Экология», профилизации «Геоэкология». Содержание ЭУМК предполагает формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущего специалиста, позволяющей использовать иностранный язык как средство межкультурного профессионального и межличностного общения.

УДК 811.112.2'255.2:6=161.1(075.8)

Научно-технический перевод (немецкий язык) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 7-06-0532-01 «География», 6-0532-02 «Гидрометеорология», 7-06-0532-04 «Геология», 7-06-0521-01 «Экология» / БГУ ; сост. Е. А. Пригодич. Минск, 2026. 52 с. Библиогр.: с. 52. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/343325>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.03.2026, № 005706032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов углубленного высшего образования (магистратура) БГУ специальностей 7-06-0532-01 «География», профилизации «Цифровые геотехнологии»; 7-06-0532-02 «Гидрометеорология», профилизации «Климатические риски и управление водными ресурсами»; 7-06-0532-04 «Геология», профилизации «Инженерная геология и экономика полезных ископаемых»; 7-06-0521-01 «Экология», профилизации «Геоэкология». Содержание ЭУМК предполагает формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущего специалиста, позволяющей использовать иностранный язык как средство межкультурного профессионального и межличностного общения.

УДК 811.112.2'276.6:57(075.8)

Иностранный язык в профессиональной деятельности : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0511-01 «Биология» / БГУ ; сост. Е. А. Пригодич. Минск, 2026. 65 с. Библиогр.: с. 65. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/343327>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.03.2026, № 005806032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов углубленного высшего образования (магистратура) БГУ специальности 7-06-0511-01 «Биология», профилизации «Функциональная биология». Содержание ЭУМК предполагает формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущего специалиста, позволяющей использовать иностранный язык как средство межкультурного профессионального и межличностного общения.

УДК 811.112.2'36(075.8)

Практическая грамматика. Модуль «Практический курс второго иностранного языка I» (немецкий язык) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0231-02 «Переводческое дело (с указанием языков)» / БГУ ; сост. И. Н. Козелецкая. Минск, 2025. 69 с. : ил. Библиогр.: с. 69. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/343633>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.03.2026, № 007312032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Практическая грамматика» предназначен для студентов специальности 6-05-0231-02 «Переводческое дело (с указанием языков)» факультета социокультурных коммуникаций. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов по дисциплине «Практическая грамматика»: «Имя существительное», «Артикль», «Имя прилагательное», «Местоимение», «Имя числительное», «Глагол», «Предлог», «Наречие», «Простое предложение и его структурные типы», «Отрицание и его место в предложении», «Сложное предложение», «Инфинитивные группы».

УДК 811.112.2'36(075.8)

Практическая грамматика. Модуль «Практический курс второго иностранного языка» (немецкий язык) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0231-01 «Современные иностранные языки (с указанием языков)» / БГУ ; сост. И. Н. Козелецкая. Минск, 2025. 54 с. : ил. Библиогр.: с. 54. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/343634>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.03.2026, № 007412032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Практическая грамматика» предназначен для студентов специальности 6-05-0231-01 «Современные иностранные языки (с указанием языков)» факультета социокультурных коммуникаций. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов по дисциплине «Практическая грамматика»: «Имя существительное», «Артикль», «Имя прилагательное», «Местоимение», «Имя числительное», «Глагол», «Предлог», «Наречие», «Простое предложение и его структурные типы», «Отрицание и его место в предложении», «Сложное предложение», «Инфинитивные группы».

УДК 811.112.2'342(075.8)

Практическая фонетика (немецкий) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0231-02 «Переводческое дело» (с указанием языков) / БГУ ; сост. С. А. Трофименко. Минск, 2025. 82 с. Библиогр.: с. 82. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/343640>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.03.2026, № 007512032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0231-02 «Переводческое дело» (с указанием языков), выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: фонетической системы немецкого языка; звукобуквенных соответствий в немецком языке; слогаделения; гласных фонем; согласных фонем; словесного ударения; интонации; просодической структуры фразы; коммуникативных высказываний.

УДК 811.112.2'342(075.8)

Практическая фонетика (немецкий) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0231-01 «Современные иностранные языки» (с указанием языков) / БГУ ; сост. С. А. Трофименко. Минск, 2025. 83 с. Библиогр.: с. 75. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/343652>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.03.2026, № 007612032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0231-01 «Современные иностранные языки» (с указанием языков), выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: фонетической системы немецкого языка; звукобуквенных соответствий в немецком языке; слогаделения; гласных фонем; согласных фонем; словесного ударения; интонации; просодической структуры фразы; коммуникативных высказываний.

УДК 811.124(072)(082) + 811.14'01(072)(082) + 821.124'02.09(072)(082) + 821.14'02.09(072)(082)

Классические языки и античная культура: рецепция, методика преподавания : материалы межунив. круглого стола (Минск, 21 янв. 2026 г.) / БГУ ; редкол.: А. В. Кириченко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2026. 96 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/343658>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.03.2026, № 007712032026. Текст : электронный.

В сборнике представлены материалы межвузовского круглого стола «Классические языки и античная культура: рецепция, методика преподавания», который состоялся 21 января 2026 г. на филологическом факультете БГУ. Материалы охватывают широкий спектр вопросов, касающихся преподавания древнегреческого и латинского языков, особенностей перевода текстов с классических языков, подготовки преподавателей латинского языка, а также рецепции античной культуры. Сборник адресуется преподавателям латинского и древнегреческого языков, студентам специальности «Классическая филология» и всем интересующимся вопросами рецепции античности.

УДК 81'1(075.8)

Введение в языкознание : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0232-04 «Романо-германская филология», 6-05-0232-06 «Восточная филология» / БГУ ; сост. Л. А. Козловская. Минск, 2026. 103 с. Библиогр.: с. 102. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/344013>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.03.2026, № 008617032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Введение в языкознание» для специальностей 6-05-0232-04 «Романо-германская филология», 6-05-0232-06 «Восточная филология» включает пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел; практический раздел с набором типовых заданий (в том числе с креативным компонентом) для практических занятий; раздел контроля знаний

с примерами УСР и экзаменационными вопросами; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины. Настоящий ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, также он может быть использован в образовательном процессе других учреждений высшего образования.

УДК 821.161.309"10/20"(075.8)

Кузьміч Н. В. **Беларуская літаратура** : электрон. вучэб.-метаад. комплекс для спец.: 6-05-0321-01 «Журналістыка», 6-05-0321-02 «Інфармацыя і камунікацыя» / Н. В. Кузьміч ; БДУ. Мінск, 2026. 54 с. Бібліягр.: с. 47–48. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/344237>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.03.2026, № 008720032026. Текст : электронный.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс па вучэбнай дысцыпліне «Беларуская літаратура» створаны для студэнтаў спецыяльнасцей 6-05-0321-01 «Журналістыка», 6-05-0321-02 «Інфармацыя і камунікацыя».

УДК 811.112.2'342(075.8) + 811.112.2'36(075.8)

Модуль «Второй иностранный язык (немецкий) – 1» : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец. 6-05-0232-04 «Романо-германская филология» / БГУ ; сост. С. Э. Бабок. Минск, 2026. 172 с. : табл. Библиогр.: с. 163–164. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/344350>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.03.2026, № 009224032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0232-04 «Романо-германская филология». ЭУМК включает в себя краткий теоретический раздел по фонетике и грамматике немецкого языка, тексты и практические задания, в том числе творческого характера, для проведения аудиторных и самостоятельных занятий, направленных на формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущего специалиста, которая позволит в дальнейшем использовать иностранный язык в устной и письменной речи в сферах профессионального и межличностного общения.

УДК 811.111:908(075.8)

Регионоведение : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0231-02 «Переводческое дело (с указанием языков)» / БГУ ; сост. А. В. Гончарик. Минск, 2026. 36 с. Библиогр.: с. 34. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/344414>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 25.03.2026, № 009325032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Регионоведение» предназначен для студентов специальности 6-05-0231-02 «Переводческое дело (с указанием языков)». В ЭУМК содержатся материалы, способствующие более глубокому самостоятельному изучению основ регионоведения как науки. ЭУМК включает пояснительную записку, теоретический раздел, тематику практических занятий и методические рекомендации к ним, список рекомендованной литературы.

УДК 811.161.3(075.8)

Чарнаброўкіна Н. У. **Беларуская мова (прафесійная лексіка)** : электрон. вучэб.-метаад. комплекс для спец.: 6-05-0511-01 «Біялогія», 6-05-0511-02 «Біяхімія», 6-05-0511-03 «Мікрабіялогія», 6-05-0511-05 «Біяінжынерыя і біяінфарматыка», 6-05-0521-01 «Экалогія», 7-07-0511-01 «Фундаментальная і прыкладная біятэхналогія» / Н. У. Чарнаброўкіна ; БДУ. Мінск, 2026. 52 с. Бібліягр.: с. 34–35. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/344508>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.03.2026, № 009426032026. Текст : электронный.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс прызначаецца студэнтам спецыяльнасцей 6-05-0511-01 «Біялогія», 6-05-0511-02 «Біяхімія», 6-05-0511-03 «Мікрабіялогія», 6-05-0511-05 «Біяінжынерыя і біяінфарматыка», 6-05-0521-01 «Экалогія», 7-07-0511-01 «Фундаментальная і прыкладная біятэхналогія». Ён змяшчае тэарэтычны матэрыял па асноўных раздзелах курса «Беларуская мова (прафесійная лексіка)». Для засваення і замацавання тэарэтычнага матэрыялу, павышэння культуры маўлення прапануюцца прафесійна арыентаваныя заданні і практыкаванні.

УДК 811.112.2'373(075.8)

Иностранный язык (немецкий, модуль профессионального общения) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0511-01 «Биология», 6-05-0511-02 «Биохимия», 6-05-0511-03 «Микробиология»,

6-05-0511-05 «Биоинженерия и биоинформатика», 6-05-0521-01 «Экология», 7-07-0511-01 «Фундаментальная и прикладная биотехнология» / БГУ ; сост. С. А. Ходасевич. Минск, 2026. 53 с. Библиогр.: с. 44–45. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/345105>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.04.2026, № 010507042026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 6-05-0511-01 «Биология», 6-05-0511-02 «Биохимия», 6-05-0511-03 «Микробиология», 6-05-0511-05 «Биоинженерия и биоинформатика», 6-05-0521-01 «Экология», 7-07-0511-01 «Фундаментальная и прикладная биотехнология», выпускаемых биологическим факультетом БГУ. Содержание ЭУМК предполагает развитие навыков чтения текстов по специальности «Биология», извлечение необходимой информации, формирование навыков и умений профессионального общения.

УДК 811.111'276.6:005(075.8)

Иваничева Л. С. **Иностранный язык (специальная терминология деловой коммуникации)** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0322-04 «Управление документами» / Л. С. Иваничева ; БГУ. Минск, 2026. 109 с. : ил. Библиогр.: с. 106–107. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/345128>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.04.2026, № 010608042026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов, обучающихся по специальности 6-05-0322-04 «Управление документами». Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов согласно учебной программе по учебной дисциплине «Иностранный язык (специальная терминология деловой коммуникации)». ЭУМК нацелен на формирование знаний и практических навыков в области управления документами, он способствует развитию универсальных и базовых профессиональных компетенций. Структура ЭУМК включает теоретический, практический раздел, раздел контроля знаний и вспомогательный раздел.

УДК 811.111'276.6:3(075.8)

Иваничева Л. С. **Иностранный язык (специальная терминология социально-политической сферы)** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0322-04 «Управление документами» / Л. С. Иваничева ; БГУ. Минск, 2026. 110 с. : ил. Библиогр.: с. 105–106. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/345129>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.04.2026, № 010708042026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов, обучающихся по специальности 6-05-0322-04 «Управление документами». Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов согласно учебной программе по учебной дисциплине «Иностранный язык (специальная терминология социально-политической сферы)». ЭУМК нацелен на формирование знаний и практических навыков в области управления документами, он способствует развитию универсальных и базовых профессиональных компетенций. Структура ЭУМК включает теоретический, практический раздел, раздел контроля знаний и вспомогательный раздел.

УДК 811.124(075.8)

Латинский язык : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0221-01 «Теология» / Институт теологии БГУ ; сост.: Ю. Ю. Афанасенко, А. С. Синевич. Минск, 2026. 162 с. : табл. Библиогр.: с. 159–162. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/345147>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.04.2026, № 009801042026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Латинский язык» предназначен для студентов специальности 6-05-0221-01 «Теология». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: истории латинского языка; роли латинского языка в истории европейской культуры в разные исторические периоды; фонетики, морфологии и синтаксиса латинского языка; теоретических и практических основ перевода с латинского языка.

УДК 811.124(075.8)

Латинский язык : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0421-01 «Правоведение», профилизации «Юрисконсультская работа в военной сфере»; 6-05-0421-03 «Экономическое право» / БГУ ; сост. А. В. Кириченко. Минск, 2026. 117 с. Библиогр.: с. 115–117. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/345225>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 14.04.2026, № 011314042026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 6-05-0421-01 «Правоведение», профилизации «Юрисконсультская работа в военной сфере»; 6-05-0421-03

«Экономическое право». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: истории латинского языка; роли латинского языка как языка римского права в истории европейской юриспруденции в разные исторические периоды; фонетики, морфологии и синтаксиса латинского языка; теоретических и практических основ перевода с латинского языка; латинской юридической терминологии и афористики. ЭУМК предназначен для студентов юридического факультета БГУ, также он может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.111(075.8)

English in professional activity : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0533-04 «Математика и компьютерные науки» / Т. А. Кашкан ; БГУ ; сост. Т. А. Кашкан. Минск, 2026. 30 с. Библиогр.: с. 30. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/345233>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 15.04.2026, № 011515042026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «English in professional activity» предназначен для студентов специальности 7-06-0533-04 «Математика и компьютерные науки» получения углубленного высшего и специального высшего образования. В ЭУМК содержатся пояснительная записка; теоретический раздел; практический раздел; раздел контроля знаний, включающий методику формирования итоговой оценки, требования к зачету; вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты и списка рекомендуемой литературы.

UDC 811.111'0(075.8)

Dynamics of metalanguage system : electron. didact. and methodical complex for the specialty 7-06-0231-01 «Linguodidactics» / BSU ; comp.: O. N. Kulieva, E. S. Astapkina. Minsk, 2026. 104 p. Bibliogr.: p. 99–100. Available from: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/345578>. Screen title. Deposited in BSU 17.04.2026, No. 012117042026. Text : electronic.

Electronic didactic and methodical complex for the course «Dynamics of metalanguage system» is designed for master's students majoring in 7-06-0231-01 «Linguodidactics» and aims to develop knowledge about the main historical processes and stages of development of the English language. Electronic didactic and methodical complex contains theoretical material and practical assignments aimed at developing foreign language linguistic and sociocultural competencies in specialists with the «Applied linguistics» qualification and includes a theoretical part, a practical part, a knowledge assessment part, and a complementary part.

УДК 811.111:908(410)(075.8)

Страноведение (Великобритания) : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец. 6-05-0232-04 «Романо-германская филология» (английский язык) / БГУ ; сост. Н. А. Метлицкая. Минск, 2026. 54 с. Библиогр.: с. 53–54. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/346261>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.05.2026, № 013605052026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 2 курса филологического факультета специальности 6-05-0232-04 «Романо-германская филология» (английский язык). ЭУМК включает теоретический материал и практические задания, направленные на формирование у студентов иноязычной коммуникативной и лингвострановедческой компетенции, необходимой для адекватного владения иностранным языком как средством общения в профессиональной деятельности.

УДК 81'33(075.8)

Main directions of applied linguistics : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0231-01 «Лингводидактика» / БГУ ; сост.: А. А. Баркович, Т. А. Кашкан. Минск, 2026. 21 с. : табл. Библиогр.: с. 21. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/347749>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 02.06.2026, № 015902062026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Main directions of applied linguistics» предназначен для студентов специальности 7-06-0231-01 «Лингводидактика» получения углубленного высшего и специального высшего образования. В ЭУМК содержатся пояснительная записка; теоретический раздел; практический раздел; раздел контроля знаний, включающий методику формирования итоговой оценки, требования к экзамену; вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111'373(075.8)

Английский язык в профессиональной деятельности : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 7-06-0533-06 «Механика и математическое моделирование», профилизации «Теоретическая и прикладная механика»; 7-06-0533-04 «Математика и компьютерные науки», профилизации «Веб-программирование и интернет-технологии», «Компьютерная математика и системный анализ», «Математика» / БГУ ; сост. Т. А. Кашкан. Минск, 2026. 28 с. Библиогр.: с. 28. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/348100>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.06.2026, № 017608062026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Английский язык в профессиональной деятельности» предназначен для студентов специальностей 7-06-0533-04 «Математика и компьютерные науки», 7-06-0533-06 «Механика и математическое моделирование» получения углубленного высшего и специального высшего образования. В ЭУМК содержатся пояснительная записка; теоретический раздел; практический раздел; раздел контроля знаний, включающий методику формирования итоговой оценки, требования к зачету; вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты и списка рекомендуемой литературы.

UDC 81'1(075.8) + 81'271(075.8)

Applied pragmatics of speech practice : electron. educ. and methodological complex for the specialty 7-06-0231-01 «Linguodidactics» / BSU ; comp.: I. I. Kovalevskaya, T. A. Kashkan. Minsk, 2026. 67 p. Bibliogr.: p. 66. Available from: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/348181>. Screen title. Deposited in BSU 09.06.2026, No. 017809062026. Text : electronic.

Electronic educational and methodological complex for the course «Applied pragmatics of speech practice» is designed for master's students majoring in 7-06-0231-01 «Linguodidactics» and aims at developing the pragmatic competence for effective communication. The complex contains lecture material and practical assignments and serves as the theoretical and methodological basis for doing research independently and developing the necessary skills of analysis and synthesis while studying the communication as well as its summarising and interpreting.

UDC 81'322(075.8)

Syanov D. A. Sentiment and modality analysis of text : electron. educ. and methodological complex with a creative component for specialty 7-06-0231-01 «Linguodidactics», profiling «Applied linguistics» / D. A. Syanov ; BSU. Minsk, 2026. 118 p. Bibliography: p. 116. Available from: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/349119>. Screen title. Deposited in BSU 23.06.2026, No. 019623062026. Text : electronic.

The electronic educational and methodological complex for the academic discipline «Sentiment and modality analysis of text» is intended for students in English and facilitates the mastery of the discipline programme by students. Includes sections: theoretical, practical, knowledge control and auxiliary. The sections consider issues of theory in the discipline, practical, controlled independent work, control of assimilation of the material and assessment of knowledge.

УДК 811.162.3'373(075.8)

Лексикология славянского языка (чешский язык) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0232-03 «Славянская филология (чешская)» / БГУ ; сост. Н. В. Ивашина. Минск, 2026. 42 с. Библиогр.: с. 41–42. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/349494>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 25.06.2026, № 019825062026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Лексикология славянского языка (чешский язык)» для специальности 6-05-0232-03 «Славянская филология (чешская)» включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел; практический раздел с образцами упражнений для практических занятий; раздел контроля знаний с примерами УСР и тестовых заданий; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины. ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, также он может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.111'276.6(075.8)

Иностранный язык (деловая коммуникация) (английский язык) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0533-05 «Радиофизика и информационные технологии», 6-05-0533-11 «Прикладная информатика», 6-05-0533-12 «Кибербезопасность» / БГУ ; сост. О. А. Кучук. Минск, 2026. 38 с. : ил. Библиогр.: с. 38. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/349617>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 26.06.2026, № 020226062026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Иностранный язык (деловая коммуникация)» (английский язык), разработанный в соответствии с учебной программой «Иностранный язык (деловая коммуникация)» (английский язык) от 3 июня 2024 г. № УД-1233/6, содержит пояснительную записку, теоретический и практический разделы; раздел контроля знаний, включающий перечень рекомендуемых средств диагностики компетенций и методику формирования итоговой отметки, требования к зачету и экзамену; вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов, перечня рекомендуемой литературы и электронных ресурсов, используемых в образовательном процессе.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Черота В. И.</i> «Переменчивость и многообразие времени» («Czasu odmiana i różność») Симеона Полоцкого: парафраза или цикл оригинальных эпиграмм?.....	5
<i>Тимошенко А. В.</i> Формы и способы реализации феномена лиминальности в литературе.....	15
<i>Данилова Т. А., Даниленко А. В.</i> Нарративные особенности белорусских и американских травелогов 1920-х гг. на примере произведений М. Горьцкого и Дж. Тумера.....	30

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бабкина П. С.</i> Косвенный речевой акт просьбы в китайской лингвокультуре (по данным лингвистического эксперимента).....	37
<i>Овсейчик Ю. В.</i> Когнитивно-дискурсивная эволюция периферийных средств сочинительной связи во французском языке.....	45
<i>Глушицкий Л. В.</i> Нестандартные значения лексических единиц в драматических произведениях Василя Шашалевича второй половины 1920-х гг.	60
<i>Чиркун А. Б.</i> Использование иноязычных заимствований в эвфемистической функции в современном испанском языке.....	71
<i>Важник С. А.</i> Теоретические и практические проблемы белорусского языка в работах В. И. Куликовича	80
<i>Куликович В. И.</i> Типология русско-белорусской орфографической интерференции	85
<i>Гутовская М. С., Шайбакова Д. В.</i> Интегративная лингводискурсивная методика исследования продуктов искусственного текстопорождения.....	95

РЕЦЕНЗИИ

<i>Яницкая С. С.</i> Русская и белорусская литературы рубежа XX–XXI веков.....	109
--	-----

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Пригодич Н. Г.</i> О китабах и национально-языковой самоидентификации белорусов.....	113
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	115

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Чарота У. І.</i> «Пераменлівасць і шматстайнасць часу» («Czasu odmiana i różność») Сімяона Полацкага: парафраза ці цыкл арыгінальных эпіграм?.....	5
<i>Цімаішэнка А. В.</i> Формы і спосабы рэалізацыі феномена лімінальнасці ў літаратуры.....	15
<i>Данілава Т. А., Даніленка А. В.</i> Наратыўныя асаблівасці беларускіх і амерыканскіх тавелогаў 1920-х гг. на прыкладзе твораў М. Гарэцкага і Дж. Тумера.....	30

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Бабкіна П. С.</i> Ускосны маўленчы акт просьбы ў кітайскай лінгвакультуры (па даных лінгвістычнага эксперымента)	37
<i>Аўсейчык Ю. У.</i> Кагнітыўна-дыскурсіўная эвалюцыя перыферычных сродкаў злучнікавай сувязі ў французскай мове	45
<i>Глушыцкі Л. У.</i> Нестандартныя значэнні лексічных адзінак у драматычных творах Васіля Шашалевіча другой паловы 1920-х гг.....	60
<i>Чыркун Г. Б.</i> Выкарыстанне іншамовных запазычанняў у эўфемістычнай функцыі ў сучаснай іспанскай мове.....	71
<i>Важнік С. А.</i> Тэарэтычныя і практычныя праблемы беларускай мовы ў працах У. І. Куліковіча...	80
<i>Куліковіч У. І.</i> Тыпалогія руска-беларускай арфаграфічнай інтэрферэнцыі	85
<i>Гудоўская М. С., Шайбакова Д. В.</i> Інтэгратыўная лінгвадыскурсіўная метадыка даследавання прадуктаў штучнага тэкстапараджэння.....	95

РЭЦЭНЗІІ

<i>Яніцкая С. С.</i> Руская і беларуская літаратуры мяжы XX–XXI стагоддзяў.....	109
---	-----

КАЛОНКА ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

<i>Прыгодзіч М. Р.</i> Пра кітабы і нацыянальна-моўную самаідэнтыфікацыю беларусаў.....	113
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	115

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Charota U. I.</i> «The passage of time and the difference» («Czasu odmiana i różność») by Simeon Polockij: paraphrase or series of original epigrams?.....	5
<i>Tsimashenka A. V.</i> Forms and methods of realising the phenomenon of liminality in literature.....	15
<i>Danilava T. A., Danilenka A. V.</i> Narrative features of Belarusian and American travelogues of the 1920s: a case study of works by M. Haretski and J. Toomer).....	30

LINGUISTICS

<i>Babkina P. S.</i> Indirect speech act of request in the chinese linguaculture (based on data from a linguistic experiment).....	37
<i>Auseichyk Yu. V.</i> The cognitive-discursive evolution of peripheral coordinating elements in French...	45
<i>Hlushytski L. U.</i> Non-standard meanings of lexical units in the dramatic works of Vasil Shashalevich of the second half of the 1920s.....	60
<i>Chirkun A. B.</i> The use of foreign loanwords in their euphemistic function in contemporary Spanish...	71
<i>Vazhnik S. A.</i> Theoretical and practical problems of the Belarusian language in the works of U. I. Kulikovich.....	80
<i>Kulikovich U. I.</i> Typology of Russian-Belarusian orthographic interference	85
<i>Gutovskaya M. S., Shaibakova D. V.</i> Integrative linguodiscursive methodology for researching artificial text generation products.....	95

REVIEWS

<i>Yanitskaya S. S.</i> Russian and Belarusian literature at the turn of the 20 th and 21 st centuries	109
--	-----

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Pryhodzich M. R.</i> About kitabs and national linguistic self-identification of Belarusians.....	113
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	115

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 2. 2026**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 2. 2026**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка»
(ISSN 2308-9180).

Редакторы *А. С. Люкевич, С. Р. Пинчук*
Технические редакторы *А. Р. Голик,
М. А. Панкратова*
Корректоры *В. И. Авчинникова,
А. С. Люкевич, С. Р. Пинчук*

Подписано в печать 30.06.2026.
Тираж 25 экз. Заказ 0000.

© БГУ, 2026

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 2. 2026**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editors *A. S. Lyukevich, S. R. Pinchuk*
Technical editors *A. R. Golik,
M. A. Pankratova*
Proofreaders *V. I. Auchynnikava,
A. S. Lyukevich, S. R. Pinchuk*

Signed print 30.06.2026.
Edition 25 copies. Order number 0000.

© BSU, 2026